

Капитан Уильям Кидд и другие буканьеры

Джон С. К. Эбботт

Captain William Kidd and Others of the Buccaneers

By

JOHN S. C. ABBOTT

New York

Dodd, Mead and Company
Publishers

The Project Gutenberg eBook of Captain William Kidd and Others of the Buccaneers.

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Капитан Уильям Кидд и другие буканьеры

Автор: Джон С. К. Эбботт

Дата выхода: 25 ноября 2015 [eBook #50550]

Последнее обновление: 22 октября 2024 г.

Язык: Английский

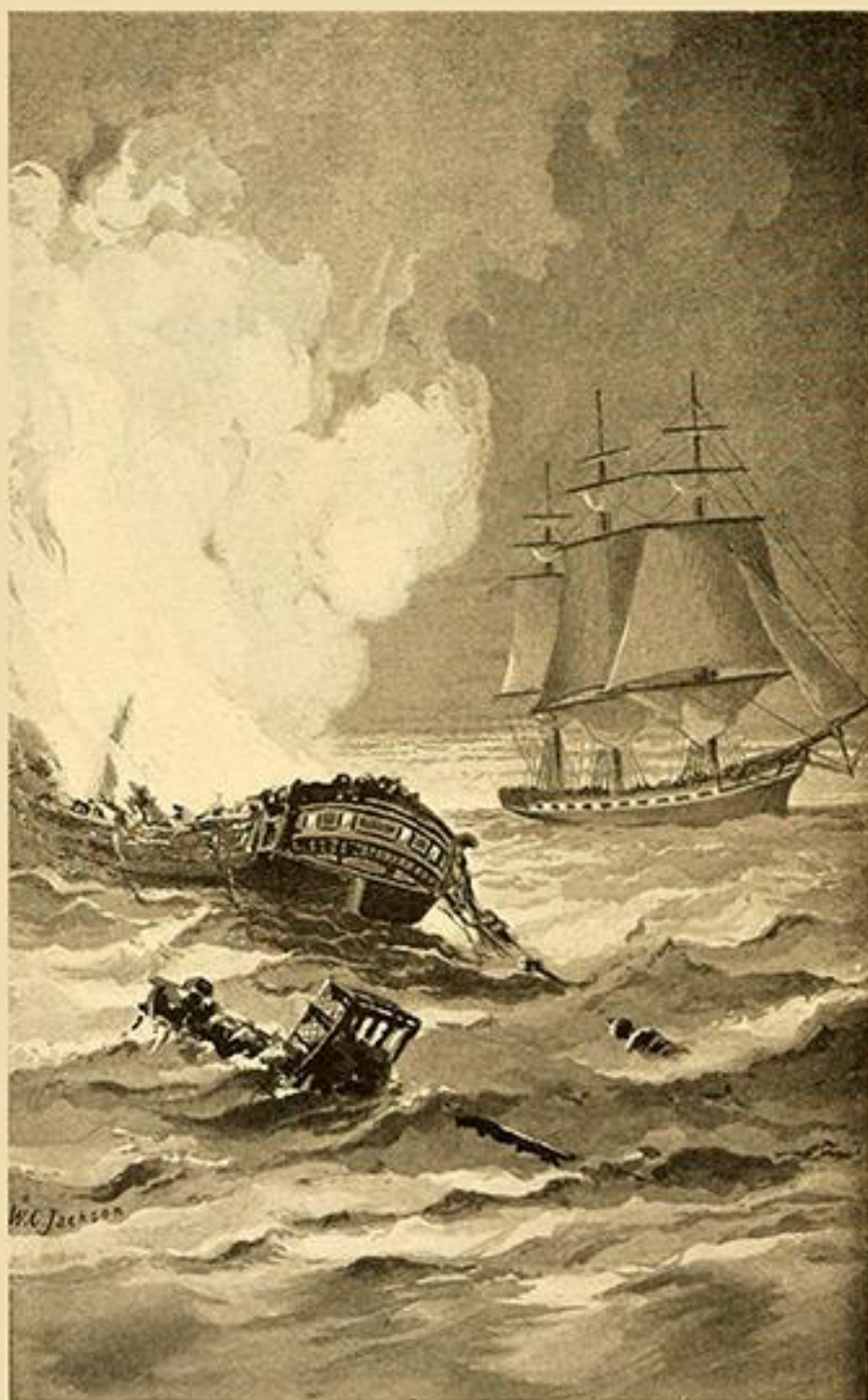
Кредиты: Электронный текст подготовлен WebRover, Chris Curnow и Online Distributed Proofreading Team (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГА ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА КАПИТАН УИЛЬЯМ КИДД И ДРУГИЕ БУКАНЬЕРЫ ***

The Project Gutenberg eBook, Captain William Kidd and Others of the Buccaneers, by John S. C. (John Stevens Cabot) Abbott

Примечание: Изображения оригинальных страниц доступны через Internet Archive. [См.
https://archive.org/details/captainwilliamki00abbo](https://archive.org/details/captainwilliamki00abbo)

Капитан Уильям Кидд и другие буканьеры

Капитан Уильям Кидд и другие буканьеры

Автор: ДЖОН С. К. АББОТТ

Нью-Йорк
Додд, Мид и компания
Издательство

Авторское право 1874 года,
ДОДД И МИД.

Авторское право 1902 года,
BY LAURA ABBOTT BUCK.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Вряд ли можно найти в литературе нашего языка что-нибудь более дикое и удивительное, чем повествование, содержащееся в этом томе. Необыкновенная карьера капитана Кидда, нью-йоркского купца, демонические подвиги этих извергов в человеческом обличье, Боннета, Бартелеми и Лолонуа; романтическая история невинной женщины-пирата Мэри Рид и термага Анны Бонни; удивительная карьера сэра Генри Моргана и фанатизм Монбара, едва ли превзойденный фанатизмом Магомета или Лойолы, - все это вместе создает историю, с которой едва ли могло соперничать воображение Диккенса или Дюма.

И все же эти происшествия кажутся вполне достоверными. Писатель черпал факты из книги Эскемелинга "Зее Роверс", Амстердам, 4то, 1684; "История авантюристов" Оксемелина, 12мо, Париж, 1688; "История пиратов" Джонсона, 2 тома, London, 1724; Thornbury's Monarchs of the Main, 3 vols., London, 1855; History of the Buccaneers of America, 1 vol. 8vo, Boston, 1855; со многими другими памфлетами, энциклопедиями и второстепенными работами.

Исследуя эту доселе почти неизвестную область исследований, писатель был удивлен открывшимися перед ним ужасными сценами не меньше, чем любой из его читателей. Мало найдется мыслящих людей, которые прочтут это повествование, и у которых не возникнет мысль: "Каким другим был бы этот мир и каким бы он был сейчас, если бы все его жители добросовестно, молитвенно, с братской любовью стремились к добру". И это религия Иисуса. Он научил нас молиться: "Да приидет Царствие Твое на земле, как на небе".

Джон С. К. Эббот.

Фэйр Хейвен Конн

СОДЕРЖАНИЕ.

СТРАНИЦА

ГЛАВА I.

Происхождение буканьеров.

Известность капитана Кидда.- Дикие легенды.- Требования Испании.- Противостояние морских держав.- Возвышение буканьеров.- Кодекс пиратов.- Восстание Испании.- Ответ Франции и Англии.- Исповедь буканьера.- Приключения Петра Великого.

9

ГЛАВА II.

Уильям Кидд становится пиратом.

Бесчинства пиратов.- Интервью короля с графом Белломонтом.- Уильям Кидд, нью-йоркский купец.- Его комиссия.- Отплытие "Приключения".- Вербовка в Нью-Йорке.- Круглое путешествие на Мадагаскар.- Ужасы и страдания.- Мадагаскар - дом пиратов.- Убийства команды.- Кидд неохотно становится пиратом.- Его отпор и захват в плен.

29

ГЛАВА III.

Пиратские приключения.

Дерзость Кидда.- Судьба ноября.- Кидд убивает Уильяма Мура.- Знаменитая баллада.- Сочувствие Кидда.- Кидд на Мадагаскаре.- Пиратские карусели.- Искусственный ад.- Возвращение Кидда в Вест-Индию.- Преувеличенные сведения об Эвери.- Его жалкая карьера и плачевный конец.

51

ГЛАВА IV.

Арест, суд и осуждение Кидда.

Ужасные вести.- Поездка в Куракоа.- Избавление от купца Кведага.- Покупка "Антонио".- Тревожное приближение к Нью-Йорку.- Меры по аресту Кидда.- Он входит в залив Делавэр.- Заходит в бухту Ойстер и на остров Блок.- Общается с правительством.- Отплывает в Бостон.- Его арест.- Долгие задержки.- Общественные слухи.- Суд над

75

ним и осуждение.

ГЛАВА V.

Кидд и Стеде Боннет.

Вина Кидда.- Слухи о зарытых сокровищах.- 98
Откровения месмерика.- Приключения
Брэдиша.- Станный характер майора
Боннета.- Его пиратство.- Встречи.- Признаки
сумасшествия.- Отсутствие искушения стать
пиратом.- Черная борода.- Боннет низложен.

ГЛАВА VI.

Приключения Эдварда Тича, или Черной Бороды.

Захват "Протестантского Сезара".- Пиратская 110
эскадра.- Виллания буканьеров.- Зверства
Черной Бороды.- Иллюстрированные
анекдоты.- Карусели на берегу.-
Предполагаемое сообщничество с
губернатором.- Место укрытия в районе
залива Окрэкок.- Замысел его поимки.-
Шлюпки, присланные двумя военными
людьми.- Кровавая битва.- Смерть пирата.-
Его отчаянный и демонический характер.

ГЛАВА VII.

Завершение карьеры Стеде Боннета.

Покинутый Черной Бородой Боннет.- 125
Добивается помилования короля.-
Принимает комиссию как капер.- Спасает
пиратов Черной Бороды.- Пиратская
карьера.- Заходит на мыс реки Страх для
ремонта.- Схвачен полковником Рет.-
Конфликт.- Бежит из тюрьмы.-
Преследование, суд и приговор.

ГЛАВА VIII.

Португалец Бартелеми.

Начало его карьеры.- Смелый захват.- 139
Жестокость пиратов.- Разврат и плен.-
Бартелеми обречен на смерть.- Его побег.-
Страдания в лесу.- Достигает залива Тристе.-
Усиление эффекта его несчастий.- Его новое
пиратское предприятие.- Ошеломительный
успех.- Торнадо.- Разорение и разорение.

ГЛАВА IX.

Франциск Лолонуа.

Ранняя жизнь Лолонуа.- Его отчаянный 151
характер.- Вступление в ряды буканьеров.-
Его жестокость, подобная фиендовской.-
Отчаянные пираты объединяются вокруг
него.- Снаряжает флот.- Захватывает богатые

призы.- Планирует разграбить Маракайбо.-
Авантюрное плавание.- Описание
Венесуэлы.- Зверства в Маракайбо и
Гибралтаре.- Гибель победителей.

ГЛАВА X.

Разграбление, карусель и новое предприятие.

Гибралтар в пепле.- Возвращение в 170
Маракайбо.- Раздел награбленного.-
Необычная сцена.- Прием пиратов на
Тортуге.- Карусель, похожая на фейерверк.-
Пираты, доведенные до нищеты.- Новое
предприятие Лолонуа.- "Яростное
спокойствие".- Дни бедствия.- Разграбление
побережья.- Взятие Сан-Педро.

ГЛАВА XI.

Конец карьеры Лолонуа.

Вероломство пиратов.- Захват испанского 186
корабля.- Несчастье пиратов.- Дезертирство
Воклина.- Кораблекрушение.- Жизнь на
острове.- Экспедиция в Никарагуа.- Полный
провал.- Свирепость индейцев.-
Исследование реки.- Отступление.-
Отплытие в Дарьен.- Захват и смерть
Лолонуа.- Судьба остатков.

ГЛАВА XII.

Женщина-пират Мэри Рид.

Свидетельство Чарльза Джонсона.-Брак 201
матери Мэри Рид.-Сингулярное
приключение.-Причины переодевания
дочери.-Раннее обучение Мэри как
мальчика.-Она записывается на борт
военного корабля.-Характер, который она
развила.-Вступление в армию.-Умение и
храбрость.-Влюбляется в Флеминга.-
Раскрывает свой пол.-Брак.-Счастливые
дни.-Смерть мужа.-Адверсия.-
Восстанавливает мужское одеяние.

ГЛАВА XIII.

Энн Бонни, женщина-пират.

Рэкэм-пират.- Анна Бонни, его жена.- 214
Причины, побудившие ее принять
мальчишеское платье.- Знаменитый характер
Рэкэма.- Анна влюбляется в Мэри.-
Любопытные осложнения.- Дуэль.-
Рыцарство Фрэнка.- Захват.- Суд.- Показания
художника.- Смерть Мэри Читатъ.- Рэкэм
умирает на эшафоте.

ГЛАВА XIV.

Сэр Генри Морган.

Его происхождение.- Отправляется в Вест-Индию.- Присоединяется к буканьерам.- Встречает пирата Мансвельта.- Завоевание Сент-Катарины.- Пиратская колония там.- Набег на побережье Коста-Рики.- Сочувствие губернатора Ямайки.- Смерть Мансвельта.- Экспедиция дона Джона. Остров, захваченный испанцами.- Планы Моргана.- Его флот.- Разграбление Пуэрто-Принсипе.- Ужасные злодеяния.- Восстановление пиратов.- Дуэль.- Они отплывают в Пуэрто-Вело.- Завоевание города.- Героизм губернатора.

225

ГЛАВА XV.

Взятие Пуэрто-Вело и его результаты.

Пытки.- Болезни и страдания.- Меры губернатора Панамы.- Амбускада.- Ужасное поражение испанцев.- Свирепость пиратов.- Странная переписка.- Обмен любезностями.- Возвращение на Кубу и раздел добычи.- Дикие оргии на Ямайке.- Сговор британского правительства с пиратами.- Новое предприятие.- Прибытие "Оксфорда".- Уничтожение "Серф Воланта".- Рандеву на Самоне.

246

ГЛАВА XVI.

Экспедиция в Маракайбо.

Задержка в Окоа.- Охотничьи экскурсии.- Отпор.- Города Венесуэлы.- План Моргана.- Предложения Пьера Пикара.- Отплытие экспедиции.- Остановка в Орубе.- Пересечение Венесуэлы.- Вход в озеро Маракайбо.- Взятие форта.- Город заброшен.- Зверства пиратов.

260

ГЛАВА XVII.

Приключения на берегах озера Маракайбо.

Подготовка к обороне Гибралтара.- Спрятанные корабли.- Укрытие губернатора и женщин.- Катастрофа и неудача.- Захват испанских кораблей.- Начало отступления.- Опасность для пиратов.- Сингулярная переписка.- Сила испанского вооружения.- Публичная конференция пиратов.- Морской бой.- Огненный корабль.- Замечательное достижение пиратов.

273

ГЛАВА XVIII.

Планируется новая экспедиция.

Угроза Эспиносе.- Ловкая хитрость.- 290
Чудесное бегство.- Шторм.- Праздник на
Ямайке.- История Испаньолы.- План новой
экспедиции.- Кормовые корабли.-
Административная энергия Моргана.-
Возвращение кормовых кораблей.- Встреча
на мысе Тибурон.- Величина и вооружение
флота.- Приготовления к отплытию.

ГЛАВА XIX.

Взятие Сент-Катрин и Чагреса.

Оборона Сент-Катрин.- Стратегия Моргана.- 305
Полуночный шторм.- Плачевное состояние
пиратов.- Призыв к сдаче.- Позорное
поведение испанского командира.-
Наступление на Чагрес.- Инциденты
сражения.- Неожиданная победа.- Меры
Моргана.

ГЛАВА XX.

Марш из Чагреса в Панаму.

Подготовка к переходу через реку.- 319
Переполненные лодки.- Бивак в Бракосе.-
Голодные муки.- Непроходимый путь.-
Брошенные лодки.- Легкие каноэ.-
Заброшенные амбускады.- Мучительные
марши день за днем.-Пиршество на кожаных
мешках.-Бурчание и споры.-Встреченные
индейцы.-Борьба в лесу.-Сгорание в Санта-
Крус.-Битва и стычки.-Первый вид на
Панаму.-Спуск на равнину.-Пиршество.

ГЛАВА XXI.

Взятие Панама.

Первый взгляд на город.- Появление 335
испанских разведчиков.- Наступление
Моргана.- Характер страны.- Страхи
испанцев.- Вывоз сокровищ.- Взятие города.-
Отравленное вино.- Великолепный пейзаж
залива.- Описание Панама и ее
окрестностей.- Богатство города.- Сцены
преступлений и жестокости.

ГЛАВА XXII.

Возвращение из Панама.

Возвращение исследователей.- Прекрасная 349
пленница.- Симпатия к ней.- Затруднения
Моргана.- Несгибаемая добродетель
пленницы.- Заговор.- Эффективность

Моргана.- Его упрямство.- Поиски пиратов.-
Обратный марш.- Морган обманывает
пиратов.- Убегает.

ГЛАВА XXIII.

Фанатик Монбар.

Частичное решение загадки.- Рождение 360
Монбара.- Его воспитание и заблуждения.-
Анекдот о драматическом представлении.-
Монбар убегает из дома.- Поступает на флот.-
Его свирепые подвиги.- Присоединяется к
буканьерам.- Отчаянные сражения на суше и
на море.- Его окончательное исчезновение.

Капитан Кидд.

ГЛАВА I.

Происхождение буканьеров.

Известность капитана Кидда.- Дикие легенды.- Требования Испании.- Оппозиция
морских держав.- Возвышение буканьеров.- Кодекс пиратов.- Восстание Испании.-
Ответ Франции и Англии.- Исповедь буканьера.- Приключения Петра Великого.

В Соединенных Штатах найдется немного людей, которые не слышали бы имя знаменитого пирата капитана Кидда. Также мало найдется тех, кто имеет хоть какое-то представление о его дикой и преступной карьере. Берега Гудзона, острова, разбросанные по Саунду, который окаймляет южное побережье Новой Англии, дикие реки и скалистые гавани, окаймляющие суровые берега Мэна, - все они богаты легендами о подвигах и тайниках этого печально известного буканьера.

Тысячи фанатичных людей занимались раскопками среди скал и песка в поисках сокровищ из золота и драгоценностей, которые, как предполагается, были зарыты в окованных железом сундуках этим вождем разбойников. Было хорошо известно, что он ограбил множество богатых испанских галеонов, груженных золотыми монетами, направлявшихся в колонии или из них. Многие испанские дамы были вынуждены идти с завязанными глазами по ужасному настилу, пока их не сталкивали в море, а их сундуки с золотыми слитками и бриллиантами попадали в руки жестоких убийц.

Пиратам не всегда было легко избавиться от этих сокровищ. Иногда их преследовали военные корабли. Несомненно, в целях безопасности они иногда закапывали свои трофеи, намереваясь в удобный час вернуться и забрать их. И вряд ли можно сомневаться в том, что в некоторых случаях, преследуемые, преследуемые, изрезанные, они так и не возвращались. Поэтому не исключено, что в каком-то укромном местечке до сих пор спрятаны сокровища, которые могут оставаться таковыми на протяжении всех грядущих веков, если их случайно не

обнаружат. Эта вера в былые времена заставляла многих искателей сокровищ месяцами трудиться вдоль всего нашего северного побережья, от залива Пассамакодди до Джерси.

Полвека назад, когда суеверия были гораздо сильнее, чем сейчас, у костра рассказывали самые дикие истории о соучастии разбойника с самим Архифендом и о том, что Принц Силы Воздуха защищает своих подданных. Сотни отрядов, снабженные ореховыми прутьями, которые должны были указать им путь к сокровищам, и лопатами для копания, отправлялись в самые уединенные места в темное время суток на поиски этих богатств. Считалось, что нельзя произносить ни слова, и, в частности, что Сатана так ревнив, что если произнести Божественное имя, то их постигнет страшная участь.

Писатель помнит, как шестьдесят лет назад у кухонного камина он слышал множество таких чудесных историй. В качестве иллюстрации к ним можно привести одну или две. Гадалка сказала нескольким мужчинам, где капитан Кидд закопал сундук. Они должны были отправиться на это место в темноте безлунной полночи. При этом не должно было быть произнесено ни слова. Тускло горящий фонарь должен был направлять их шаги. Один из них, несущий ореховый прут, должен был вести группу из четырех человек. Когда они доберутся до нужного места, палочка должна была наклониться прямо вниз и указать его. Покопавшись, они найдут в пяти футах под землей дубовый сундук, окованный железом и наполненный дублонами.

Они беспрекословно выполняли все указания. Место было найдено. В тишине и с энергией они орудовали лопатами. На глубине пяти футов они нащупали сундук. Он был на месте, вне всяких сомнений, в своей массивной прочности из дуба и железа. Размеры сундука и трудности, с которыми его удалось сдвинуть с места, доказывали, что они наткнулись на сокровища, которые обогатили бы их всех сверх всяких романтических мечтаний. Один из них бездумно, в избытке своего волнения, воскликнул: "Слава Богу!". В одно мгновение сверкнула молния, ослепившая всех, раздался гром, оглушивший всех. Тех, кто находился в яме, с силой выдернули наружу, и каждый был брошен на землю беспомощным и бесчувственным.

Через некоторое время они один за другим пришли в себя. Тьма была подобна египетской, и ее можно было почувствовать. Дождь лил проливной. Их яма была полностью закрыта и заменена выступом из твердого гранита. В ужасе они разбежались по своим домам, боясь снова искать сокровища, которые пират, как посланник Сатаны, захватил кровавыми руками и кровавыми руками закопал.

А еще у одной девушки был священный камень, в который она смотрела и видела все, что хотела открыть. Она могла читать судьбы других людей. Она могла предвидеть все будущие события. Она могла открыть любые тайны прошлого. В этот таинственный кристалл она заглянула и увидела маленькое судно, которое под огромным облаком парусины летело перед огромным военным кораблем. Но маленькое судно было самым быстроходным. Большое судно стреляло по нему из тяжелых пушек, и шары разлетались по волнам. Она взглянула на палубу маленькой шхуны: там толпились вооруженные люди самого свирепого вида. Среди них стоял человек в богатой форме, со шпагой и пистолетами на поясе, который, очевидно, был их предводителем. Она сразу же узнала в нем капитана Кидда.

Дело было в вечерних сумерках. Пират вошел в устье реки Кеннебек. Военный корабль не мог решиться следовать за ним среди скал и отмелей. Однако командир чувствовал, что пират попал в ловушку и ему не выбраться. Он решил продержаться до утра, внимательно наблюдая за устьем реки. Затем он отправит свои боевые корабли, тщательно

укомплектованные, и вскоре пираты придут к нему на верфь, а их сокровища перекочат в его сундуки и трюмы.

Капитан Кидд имел на борту своего судна большое количество сокровищ, которые он награбил в основном у богатых аргозинов, осуществлявших торговлю между Испанией и ее колониями. При этом он совершенно не интересовался, к какой национальности принадлежит корабль, если груз товаров или монет был ценным. Его авантюрное плавание проходило вдоль берегов обеих Индий, и все богато груженные корабли, которые ему попадались, были обречены.

Быстроходная шхуна, вошедшая в устье Кеннебека, была доверху нагружена золотыми и серебряными монетами, богатыми шелками и другими ценнейшими тканями двух Индий. Чтобы спасти их от захвата, как гласит история, и облегчить свое судно, чтобы иметь возможность проскользнуть по мелководью вне досягаемости военного корабля, он выбросил за борт самые тяжелые и менее ценные вещи. Затем, высадив ночью часть команды, он отыскал укромное местечко, где вырыл глубокую яму и поместил в нее огромный, окованный железом, свинарник. Здесь он тщательно упаковал свои золотые и серебряные монеты в прочные холщовые мешки. Шелки и атласы были завернуты в холщовые конверты, а затем защищены просмоленной тканью, не пропускающей ни воздух, ни влагу. Таким образом, в ларце вскоре оказались сокровища, исчисляемые несметными тысячами. Все это было тщательно укрыто и спрятано, а капитан Кидд делал заметки, которые позволили бы ему без труда найти это место!

Затем в темноте он снова расправил паруса и, выбравшись из одного из безлюдных устьев реки, незаметно прокрался вдоль берега и, повернув курс на юг, вскоре снова пустился в пиратское плавание среди островов Вест-Индии. Он так и не вернулся за своими сокровищами.

На следующее утро военное судно выслало три шлюпки, хорошо укомплектованные и вооруженные, чтобы схватить пирата. Но ни малейшего следа его судна не было найдено. Считалось, что Сатана помог им сбежать. Некоторые из матросов утверждали, что ночью видели шхуну под полным парусом в облаках, проплывающую над их головами, и слышали крики веселья от команды бесноватого.

Девушка, заглянув в свой заколдованный камень, увидела все это. Она сообщила вопрошающим точное место, где зарыты сокровища. Чтобы добыть его, они должны отправиться туда глубокой ночью и работать в полной тишине. Произнесение хотя бы одного слова привело бы к гибели всех их усилий.

Они отправились в путь и упорно работали в темноте, при тусклом свете факелов. Не было произнесено ни слова. Они добрались до бочки, разгребли лопатами землю вокруг нее и только собрались открыть ее и вытряхнуть содержимое, как к их изумлению увидели маленького мальчика-негра, который сидел на крышке бочки, совершенно голый. Один из них от удивления бездумно воскликнул: "Кто ты?".

Заклинание было разрушено. Мгновенно одна из чернейших грозových туч окутала их, и торнадо обрушился на небо. Сквозь мрак виднелись изверги с крыльями, похожими на крылья летучей мыши. Раздались крики издевательского смеха. Каждого схватили и закружили в воздухе на расстоянии нескольких миль друг от друга. Очнувшись от оцепенения, охваченные ужасом, они с трудом нашли дорогу к своим домам. Впоследствии, вернувшись на место, они не обнаружили никаких следов своего труда.

Таков был общий характер легенд, которые свободно распространялись полвека назад. Героем всех этих чудесных историй был капитан Кидд. Нелегко объяснить, почему его имя так возвысилось над именами всех остальных буканьеров. Хотя в его достижениях не было ничего особо выдающегося, было что-то странное в высшей степени, в его партнерстве с людьми в Англии, занимающими самое возвышенное положение в ранге и власти.

После открытия Нового Света папа Александр VI издал прокламацию о разделе всех вновь открытых земель, как в Ост-, так и в Вест-Индии, между коронами Португалии и Испании, исключая все другие державы. Эта *булла*, как ее называли, вызвала огромное недовольство во всем христианстве. Это было почти двести лет назад. Франция, Англия и Нидерланды, три оставшиеся великие морские державы, объединились против Испании и Португалии. Эти суда могли дать любому человеку поручение взять корабль, наполнить его вооруженными людьми и напасть на торговлю Испании и Португалии. Не было суда, который бы решал вопрос о законности призов. Захватчики ни перед кем не были ответственны. Они сами решали, является ли захваченный ими приз их законной добычей. Вся добыча делилась между ними по их собственному соглашению.

Очень скоро все моря заполонили эти искатели приключений. Они плавали целыми флотилиями. Вооруженными группами они высаживались на берег и опустошали побережья, разрушая крепости, захватывая и грабя города. Они не считали себя пиратами, а называли себя буканьерами. Хотя зачастую они были виновны в огромных преступлениях, они вели себя как законные каперы. С высоко поднятыми головами они проносились по улицам Англии, Франции и Нидерландов, разбрасывая щедрой рукой награбленное золото. Их приветствовали в каждом порту, куда они заходили, поскольку они оказывались очень выгодными клиентами. Они продавали свою добычу очень дешево. Покупали они очень свободно, невзирая на цену. В пьяном угаре они разбрасывали дублоны на улицах, и за ними хватались мужчины и мальчишки. Купцы приветствовали их, не считая нужным задавать вопросы для очистки совести. Их число стало столь велико, а грабежи столь дерзкими, что ни один корабль не мог спокойно плавать ни под каким флагом. Буканьеры не заботились о том, чтобы получить какую-либо комиссию. Предполагая, что они воюют против врагов своей страны, даже когда между двумя государствами не было войны, они опустошали моря по своему усмотрению.

Как правило, их отряды были хорошо организованы, и в них царила весьма полезная дисциплина. На борту одного из таких кораблей были найдены следующие статьи соглашения, подписанные всем экипажем:

"Каждый человек имеет право голоса в важных делах и равную долю всей провизии и крепких спиртных напитков, которые могут быть захвачены. Любой человек, обманувший команду в виде пластин, драгоценностей или денег, должен быть высажен на необитаемый остров. Если он ограбит товарища, ему отрезают уши и нос, а затем высаживают на необитаемый остров. Ни один человек не должен играть в карты или кости на деньги. Свет должен гаснуть в восемь часов вечера. Ни одна женщина не должна быть допущена на борт. Любой мужчина, который выведет в море переодетую женщину, будет предан смерти. Ни один человек не должен бить другого на борту, но ссоры должны решаться на берегу мечом или пистолетом.

"Каждый, кто дезертирует или покидает свою каюту во время боя, должен быть либо высажен на необитаемый остров, либо предан смерти. Каждый человек, потерявший конечность или ставший калекой на службе, должен получать восемьсот долларов. Капитан и квартирмейстер должны получать по две доли от каждого приза; мастер, боцман и канонир

- по полторы доли, а все остальные офицеры - по одной с четвертью. Четверть всегда должна отдаваться по требованию. Тот, кто первым увидит парус, должен иметь на его борту лучшие пистолеты и стрелковое оружие".

Таким образом, становится ясно, что эти буканьеры были регулярно организованными бандами, ни в коем случае не стыдившимися своего призвания. В моральном отношении они едва ли уступали рыцарям-разбойникам и баронам феодальной эпохи, от которых с гордостью ведут свою родословную самые заносчивые дворяне Европы. Они не были мелкими воришками и вульгарными убийцами. Они разворачивали свои знамена и вели открытую войну на море и на суше, прославляясь своими рыцарскими подвигами и демонстративно выставляя во всех гаванях трофеи своих диких приключений.

Эти вольные разбойники одевались в самые роскошные и экстравагантные наряды. Их любимым украшением был широкий малиновый пояс ярко-алого цвета, проходящий вокруг талии и завязывающийся на плече и бедре цветными лентами. Он был так устроен, что образовывал пояс, в который можно было продеть три или четыре богато украшенных пистолета. Эти пистолеты часто продавались на аукционе на борту корабля по двести долларов за штуку. Шляпы с петухами, украшенные золотым кружевом, составляли заметную особенность их костюма.

Во время боя капитан наделялся диктаторскими полномочиями. Он мог заколоть или застрелить любого, кто не подчинялся его приказам. Его голос обычно был решающим при обращении с пленными. Большая каюта была отведена исключительно под его нужды. Часто вольные разбойники объединялись в несколько вооруженных судов, чтобы напасть на богатый флот под конвоем. Иногда они высаживались на берег, захватывали и грабили весьма значительные города.

Как мы уже говорили, эти буканьеры обычно были англичанами, французами или немцами. Однако на их палубах толпились авантюристы всех национальностей. Испанский двор обратился к нескольким правительствам Европы с протестом против этих бесчинств. Франция ответила:

"Люди, на которых жалуются, действуют исключительно по собственной воле и под свою ответственность, а не по нашему поручению. Король Испании волен действовать против них по своему усмотрению".

Елизавета, королева-терминатор Англии, с характерной терпкостью ответила:

"Испанцы сами навлекли на себя эти неудобства своими жестокими и несправедливыми действиями в американской торговле. Английская королева не может понять, почему ее подданные или подданные любого другого европейского принца должны быть лишены возможности торговать в Вест-Индии. Как она не признает за испанцами никакого права на часть Нового Света по дарственной Римского епископа, так она не знает, какое право они имеют на какие-либо места, кроме тех, которыми они фактически владеют. Их прикосновения к побережью и названия нескольких рек или мысов - это такие незначительные вещи, которые никак не могут дать им право на собственность в этих местах, кроме тех, где они фактически поселились и продолжают жить".

Рассказывают несколько любопытных анекдотов, иллюстрирующих огромное уважение, которое некоторые из этих авантюристов питали к религии и морали. Во многих случаях все болты, замки и крепления любого рода были запрещены, поскольку подразумевали сомнение в чести их товарищей. Не мало людей благородного происхождения становились

буканьерами. Капитан одной из таких банд застрелил одного из членов своей команды за непочтительное поведение в церкви. Сэр Равено де Суссан, будучи сильно погрязшим в долгах, присоединился к вольным разбойникам, потому что, по его словам, "он желал, как и всякий честный человек, иметь при себе деньги, чтобы удовлетворить своих кредиторов".

Французы называли буканьеров *nos braves*. Английские газеты пестрели восхищенными рассказами об их беспримерных подвигах. Французский буканьер Франсуа Олоннэ во главе шестисот пятидесяти человек захватил города Маракайбо и Гибралтар в Венесуэльском заливе и вымогал полмиллиона долларов за выкуп этих мест. Французский священник восхвалял этот поступок как рыцарский героизм.

Пираты захватили остров Тортуга, построили там город и возвели мощный форт на возвышенности, с которой открывался вид на окружающее море до самого горизонта. Этот остров расположен в нескольких лигах к северу от великолепного острова Сан-Доминго, который тогда назывался Испаньолой. Он длинный и узкий, вытянут с востока на запад, а его окружность составляет около шестидесяти миль. В основном это гористый скалистый остров, но в те времена он был густо покрыт гигантским лесом. Западная часть острова была необитаема. Она была очень изрезанной и бесплодной, и на ней не было ни гавани, ни даже бухты, в которую могло бы зайти судно или лодка. На юго-восточном берегу была одна хорошая гавань, настолько закрытая, что ее можно было легко оборонять. Остров изобилдовал дикими кабанами, а некоторых временах сам воздух казался потемневшим от стай голубей, которые часто посещали его рощи.

Захватив этот остров, буканьеры обратились к французскому губернатору Сент-Кристофера с просьбой предоставить им помощь для его укрепления. Губернатор прислал им корабль, полный людей, со всеми необходимыми припасами. С этой помощью они построили форт на высокой скале, с которой отлично просматривалась гавань. Попасть в форт можно было только по узкому проходу, по которому одновременно могли пройти только два человека. С большим трудом удалось поднять и установить две пушки. На вершине был обильный запас пресной воды из обильного источника, бьющего из скалы.

Один из этих буканьеров, Джон Эсквемелинг, подробно рассказал о достижениях своих и товарищей. Его рассказ, который считается подлинным, был написан на голландском языке, но был переведен и опубликован в Лондоне в 1684 году. В 1666 году он отплыл из Гавр-де-Граса во Франции в Новый Свет, чтобы попытать счастья. Причину своего присоединения к буканьерам он объясняет следующим образом:

"На Тортуге я оказался подобен Адаму, когда он был впервые создан рукой своего Создателя, то есть голым и лишенным всего необходимого. Не зная, как добыть себе пропитание, я решил вступить в нечестивый орден пиратов или морских разбойников. В это общество я был принят по общему согласию как высшим, так и вульгарным сословием. Я пробыл среди них шесть лет, до 1672 года. Помогая им во всех их замыслах и попытках и служа им во многих примечательных подвигах, о которых я здесь даю читателю полный отчет, я вернулся в свою родную страну".

Приведем один случай, иллюстрирующий образ действий этих буканьеров.

На Тортуге находился человек, родившийся в Дьеппе (Нормандия). За его гигантский рост и дерзкую осанку его прозвали Петром Великим. Он взял большую лодку и с двадцатью восемью спутниками, отчаянными людьми, хорошо вооруженными, отправился из гавани в поисках добычи. Долго плыли они по тропическим морям, бдительно наблюдая за

происходящим с мачты, но ни одно судно не появлялось в поле зрения. Еда быстро исчезала, и они начали отчаиваться.

Однажды днем они заметили на далеком горизонте парус. Приблизившись к нему, они с ужасом обнаружили, что это огромный испанский галеон, до краев нагруженный сокровищами. На нем, вероятно, находились пассажиры и команда, а возможно, и солдаты, в три-четыре раза превосходящие численностью буканьеров. Проницательный Петр сразу же догадался, что галеон принадлежит к торговому флоту, который недавно отплыл из Испании под сильным конвоем и, будучи сильно нагруженным, во время шторма отделился от эскадры. Напасть на такой корабль со своей маленькой лодкой было одним из самых отчаянных предприятий. На корабле, хотя он и был торговым судном, несомненно, имелось несколько тяжелых пушек, а команда была хорошо вооружена.

Но это были отчаянные люди; их провизия была на исходе, им грозила настоящая голодная смерть. Капитан собрал их вокруг себя и обратился к ним с очень пылкой и вдохновляющей речью. Мы не можем привести его точные слова. Но у нас есть запись мотивов, которыми он руководствовался, чтобы пробудить в своих людях неистовое мужество.

"Наш поход, - сказал он, - до сих пор был неудачным. У нас нет денег. У нас нет еды. Скоро мы погибнем самой жалкой из всех смертей - от томительного голода. На этом корабле еды в избытке, вина в избытке, золота в избытке. Теперь мы нищие. Возьмем этот корабль, и мы станем принцами. Мы можем наслаждаться роскошью. Наше состояние создано для нашей жизни. Мы можем плыть в любую страну, куда пожелаем, и жить там в независимости. Даже если кому-то из нас придется умереть, лучше умереть внезапно, чем голодать. Мы сможем захватить корабль, если все будем выполнять свой долг. Я призываю каждого дать торжественную клятву либо захватить корабль, либо умереть при попытке".

На этот призыв пиратская команда отреагировала одобрительными возгласами, и клятва была немедленно принята. Капитану испанского корабля сообщили, что в поле зрения находится лодка и что на ней, вероятно, работают пираты. Он вышел на палубу, внимательно осмотрел ее в свой бокал, а затем, повернувшись на пятках, презрительно сказал :

"Нам нет нужды заботиться о таком жалком предмете, как этот. Это всего лишь ракушка. Если хотите, можете поднять кран, и мы поднимем все на борт, команду и всех остальных. Мы не должны бояться ни одного корабля, который не был бы больше и сильнее нашего собственного".

У пиратов было преимущество в силе ветра. Они держались в стороне до темноты. Питер, или Пьер, как они его называли, сообщил им о своем отчаянном плане. Во мраке ночи он поставит все паруса и проведет свою лодку прямо вдоль борта галеона. Через борт корабля должны были быть перекинута захватные петли, к ним прикреплены веревки, с помощью которых команда лодки должна была мгновенно вскочить на борт. Плотник должен был подготовить инструменты и проделать большую дыру в днище лодки, чтобы сразу же затопить ее. Затем он должен был вскочить на борт.

У каждого мужчины должно было быть три или четыре заряженных пистолета на поясе и сабля в руке. Сбежать было невозможно. Если им не удавалось захватить корабль и они сами попадали в плен, их ждала неминуемая участь - смерть через повешение. Программа была выполнена в полном объеме. Ночь была темной. На корабле не было ни бдительности, ни подозрений об опасности. Лодка подошла к огромной громаде галеона так бесшумно, что ее не заметили.

Пираты бросились на борт. Острыми саблями они рубили перепуганную команду по правую и по левую руку. Пьер, возглавив группу, ворвался в каюту. Капитан с несколькими офицерами играл в карты. Он вскочил со своего места, воскликнув:

"Господи Иисусе, неужели это дьяволы?".

Пьер, приставив к груди пистолет, потребовал сдачи корабля. Если бы капитан или кто-либо из его офицеров поднял руку в целях самозащиты, их ждала бы смерть. Все они были обезоружены и связаны. Другая группа, прочесав палубу с мечом и пистолетом, загнала всех, кого не убила, в трюм и закрыла за ними люки. Затем они захватили оружейную комнату, где хранилось все оружие и боеприпасы.

За почти меньшее время, чем требуется для описания этой сцены, величественный корабль с его огромными сокровищами был захвачен. Ни один пират не был убит или ранен. С тремя приветствиями пираты провозгласили свою поразительную победу. Почти все они были моряками, и хорошо знали эти воды. Они повернули корабль, чтобы плыть в Европу. Приблизившись к одному из островов, они высадили капитана и всю команду корабля в бухте и, выдав им небольшой запас провизии, оставили их на произвол судьбы. Несколько человек из команды остались на корабле и поступили на службу к пиратам. Сделав это, они отплыли во Францию, где продали свой корабль, разделили огромную добычу, рассеялись и больше о них не было слышно.

Вскоре жители Тортуги получили известие об этом блестящем достижении. Это, казалось, вдохновило их всех на сильное желание пойти и сделать то же самое. Вся Тортуга зашумела. Все аплодировали поступку, который они считали не только славным, но и выгодным. Они видели, что одним-единственным предприятием Пьер заработал себе состояние на всю жизнь. За несколько месяцев на Тортуге было построено более двадцати пиратских судов.

ГЛАВА II.

Уильям Кидд становится пиратом.

Злодеяния пиратов.- Беседа короля с графом Белломонтом.- Уильям Кидд, нью-йоркский купец.- Его комиссия.- Отплытие "Приключения".- Вербовка в Нью-Йорке.- Кругосветное путешествие на Мадагаскар.- Ужасы и страдания.- Мадагаскар - дом пиратов.- Убийства экипажа.- Кидд неохотно становится пиратом.- Его отпор и поимка.

В 1695 году король Англии Вильгельм III призвал к себе графа Белломонта, который был губернатором Барбадоса и которого он недавно назначил губернатором Нью-Йорка, и сказал ему:

"Буканьеры настолько усилились в Ост- и Вест-Индии и вдоль всего американского побережья, что они дерзко плавают под своим собственным флагом. Они проникают в реки, высаживаются на берег в количестве, достаточном для захвата городов, грабят дворцы и соборы, вымогают огромный выкуп. Их подавление жизненно необходимо для торговли. Они овладели великолепными убежищами на Мадагаскаре и других островах Индийского океана. Они создали свои серали и живут в сказочном великолепии и роскоши. Пиратские

экспедиции снаряжаются из колоний Новой Англии и Виргинии, и даже квакеры Пенсильвании предоставляют рынок для их разбоя. Эти успешные вольные разбойники строят свои дома в Каролине, на Род-Айленде и на южном побережье Лонг-Айленда, где они и их дети занимают места среди самых уважаемых членов общества.

"Буканьеры настолько дерзки, что не ищут укрытия. Их корабли нагружены добычей всех народов. Самые богатые призы, которые сейчас можно взять в открытом море, - это тяжело нагруженные корабли буканьеров. Я решил с помощью других людей снарядить против них частную экспедицию. Для этого мы сформировали компанию. Напав на пиратов, мы достигнем двойной цели. Прежде всего, мы пресечем их разрушительные действия, а также наполним наши кошельки доходами от обильной добычи, которой нагружены их корабли".

Это второе соображение, несомненно, было главным в движении. Король очень нуждался в деньгах. Его вельможи обеднели от расточительности. Они были готовы прибегнуть к любым мерам, чтобы пополнить свою истощенную казну. Поэтому королевская компания была организована не как национальное движение, поддерживаемое национальным законодательством, а как *пиратская* экспедиция против *пиратов*. Отвоеванные сокровища не возвращались владельцам и не поступали в казну королевства, а делились между захватчиками как их законная добыча. И все же король должен был дать поручение от своего королевского имени.

Король сообщил графу Белломонту, что собирается передать ему управление Нью-Йорком, и попросил его предложить имя какого-нибудь подходящего человека, знакомого с североамериканским побережьем и вест-индскими морями, которому он мог бы поручить командование фрегатом, который они в то время снаряжали. Случилось так, что в Лондоне находился знаменитый англичанин Роберт Ливингстон, первый из тех, кто эмигрировал в Новый Свет. Граф посоветовался с ним. Ему сообщили, что именно тот человек, который ему нужен, сопровождал его из Нью-Йорка в Лондон, оставив свою семью. Это был торговец по имени Уильям Кидд, человек испытанной храбрости и честности.

Во время последней войны с французами капитан Кидд командовал каперским судном и с честью выдержал множество схваток. Он плавал по всем морям, где часто бывали буканьеры, и был хорошо знаком с их местами обитания. Поручение, которое король дал капитану Кидду, - любопытный документ. Мы приводим его в сокращенном виде, избавив от излишнего многословия:

"Вильгельм Третий, милостью Божьей, король Англии, Шотландии, Франции и Ирландии, нашему верному и любимому капитану Уильяму Кидду, командиру корабля "Приключение". Поскольку различные нечестивые люди совершают много и много пиратства, грабежей и разбоев на морях, у берегов Америки и других частей, мешая торговле и подвергая опасности наших подданных, мы сочли нужным предоставить упомянутому Уильяму Кидду полную власть захватывать всех пиратов, которых вы можете найти на морях, будь то наши подданные или подданные других наций, с их кораблями и всеми товарами или деньгами, которые будут найдены на борту, если они добровольно сдадутся. Если же они не уступят без боя, то вы должны силой принудить их к сдаче. Мы также требуем, чтобы вы привели или заставили привести таких пиратов, вольных разбойников или морских разбойников, которых вы захватите, к судебному разбирательству, чтобы они могли быть привлечены к ответственности в соответствии с законом, принятым в таких случаях.

"Мы предписываем вам вести точный журнал ваших действий, указывая названия кораблей, которые вы можете захватить, имена их офицеров и команды, а также стоимость их грузов и запасов. И мы приказываем вам, на вашу беду, не приставать к нашим друзьям или союзникам

ни под каким предлогом предоставленных настоящим документом полномочий. Дано 26 января 1695 года".

В это же время капитан Кидд получил еще один документ, который назывался комиссией по расправе. Он разрешал ему, как каперу, захватывать любые французские торговые суда, которые он мог случайно встретить; ведь в то время шла война между Францией и Англией.

За тридцать тысяч долларов был куплен корабль, названный "Приключение". Из этой суммы капитан Кидд и мистер Ливингстон внесли по три тысячи. Остальную сумму внесли графы Белломонт и Ромни, лорд-канцлер Сомерс, лорд-верховный адмирал, герцог Шрусбери и сэр Генри Гаррисон. Король, что весьма бесславно, ничего не заплатил. Свою долю в предприятии он приобрел за счет королевского покровительства.

Судя по всему, капитан Кидд в то время был человеком с высокой репутацией. В его руки было доверено большое имущество, ведь судно и его оснащение должны были стоить не менее пятидесяти тысяч долларов. Мистер Ливингстон стал гарантом того, что Кидд будет добросовестно выполнять свои обязанности и отчитываться за все захваченное. Говорят, что Кидд был недоволен этим соглашением, так как очень не хотел, чтобы мистер Ливингстон был его поручителем. Вероятно, уже тогда он чувствовал, что это может стать препятствием на его дальнейшем пути. Действия человеческого разума часто необъяснимы. Возможно, он захочет *украсть* корабль и стать *пиратом*. И он не мог поступить *благородно*, пока его друг был его кабальеро. На него было оказано такое давление, что он вынужден был уступить.

Вооруженный королевским поручением и командуя "Приключением", капитан Кидд отплыл из английского Плимута в мае 1696 года. Вооружение фрегата составляло тридцать пушек, а команда - восемьдесят человек. Ему было приказано отчитаться перед графом Белломонтом в Нью-Йорке. В июле он вошел в нью-йоркскую гавань через Нарроуз. Его жена и дети находились в его доме. Пересекая Атлантику, капитан Кидд наткнулся на французское судно, которое он захватил. Приз был оценен в семнадцать сотен долларов. Это считалось законным актом войны.

Капитан Кидд прекрасно понимал, что враг, с которым ему предстоит столкнуться, будет сражаться с предельным отчаянием и что он может встретить флот пиратских кораблей или один корабль, более мощный по количеству людей и вооружению, чем его собственный. Поэтому он разослал по улицам Нью-Йорка офицеров-вербовщиков, чтобы набрать добровольцев. Он предложил такие условия: каждый человек должен иметь равную долю в каждом захваченном призе, оставляя себе и владельцам по сорок долей. Благодаря этим предложениям он вскоре увеличил свою команду до ста пятидесяти пяти человек.

Отплыв из гавани Нью-Йорка, он направился сначала на Мадейру, чтобы запастись вином. Затем он взял курс на мысы де Верд, чтобы запастись солью и провизией. Получив их, он развернул полотнище для длительного плавания вокруг мыса Доброй Надежды к острову Мадагаскар на восточном побережье Африки. Этот остров стал известен как один из самых важных пунктов встречи пиратов.

По площади Мадагаскар превосходит Великобританию. С помощью огнестрельного оружия, отчаянной храбрости и превосходного интеллекта пираты завладели значительной частью острова. Аборигены представляли собой неумелую расу, меднокожую, с длинными черными волосами. Пираты обращались с ними с такой чудовищной жестокостью, что дикари бежали перед ними, словно перед демонами.

В этом убежище, столь далеко от цивилизации, буханьеры возвели крепости и построили особняки, которые превратили в гаремы. Из своих плаваний они возвращались сюда, обогащенные награбленной торговлей всего мира, чтобы предаться чувственным наслаждениям. Они делали рабов из своих пленников; женились в своей грубой манере на любом количестве самых красивых местных женщин, "так что у каждого, - пишет один из них, - было такое же большое серальо, как у Великого Сеньора в Константинополе. Вскоре они начали отделяться друг от друга, каждый жил со своими женами, рабами и иждивенцами, как независимые князья. Поскольку власть и изобилие, естественно, порождают раздоры, они иногда ссорились и нападали друг на друга во главе своих армий. В этих гражданских войнах многие из них были убиты".

Эти безрассудные люди использовали свою власть как тираны. Они становились беспринципными в жестокости. Ничто не было более обычным, чем при малейшем недовольстве привязать одного из своих подчиненных к дереву и прострелить ему сердце. Туземцы объединились для их истребления. План удался бы, если бы не предательство женщины. Они дрогнули, вспомнив, что им не удалось спастись, и объединились для взаимной защиты.

Эти грубияны приняли на себя все повадки древней баронской знати. Их жилища были цитаделями. Обычно они выбирали для проживания густой лес, недалеко от проточной воды. Дом окружали валом и рвом. Вал был настолько высок, что на него нельзя было подняться без лестниц. Жилище было так скрыто в густом тропическом лесу, что его нельзя было увидеть, пока не окажешься совсем рядом. Единственный подход к нему был настолько узким, что двое не могли пройти по нему в ряд. Он был устроен таким замысловатым образом, что для всех, кто не знаком с ним в совершенстве, представлял собой идеальный лабиринт с перекрестными тропинками, по которым можно было часами блуждать, заблудившись в лабиринте.

Вдоль всех этих узких тропинок в землю были воткнуты большие и очень острые колючки, которые росли в этой стране, чтобы пронзить ноги не обутой туземцев. Если бы кто-нибудь попытался подойти к дому ночью, он непременно был бы пронзен и растерзан этими жестокими колючками.

Путешествие на Мадагаскар было долгим. С момента выхода из Плимута до острова прошло девять месяцев. Капитан Кидд истратил все свои деньги, а запасы провизии были почти исчерпаны. По пути им не удалось захватить ни одного приза. Это невезение вызвало всеобщий ропот и недовольство на борту. Самые доброжелательные люди рискуют потерять свою доброжелательность в часы бедствия. Грубые моряки, но не пираты, в такие периоды разочарований и огорчений становятся почти демонами в унынии.

Однажды утром вся команда корабля была приведена в состояние самого радостного возбуждения видом трех кораблей на далеком горизонте. Они не сомневались, что это какой-то буханьер с двумя призами, доверху нагруженными сокровищами Востока. Внезапно все стали очень добродушными. Они с нетерпением приготовились к действию. Они не боялись, что пират со своими призами сможет ускользнуть от их быстроходного фрегата. Предполагаемый пират, по-видимому, осознавал, что бегство невозможно, и смело надвигался на них.

Разочарование было ужасным. Капитан Кидд, глядя в иллюминатор на приближающиеся суда, воскликнул с клятвой: "Эти три английских военных корабля".

Командовал военными кораблями капитан Уоррен. Встретившись таким образом посреди океана, два капитана обменялись любезностями, посетили друг друга и составили компанию на два-три дня. В феврале ~~1600 года~~ 1696 года капитан Кидд, следуя вдоль берегов Мадагаскара, подошел к гавани на острове, который часто посещали пираты. Здесь он ожидал найти сокровища в изобилии. Покидая воды Америки ради далеких берегов Африки и Азии, он явно превысил свои полномочия. Триумфальный успех, на который он рассчитывал, мог привести к тому, что неповиновение инструкциям не только простят, но и будут аплодировать. Неудача стала бы для него позором и невосполнимой гибелью.

И снова капитан Кидд и его команда были обречены разочарование. Так случилось, что они прибыли на остров в то время, когда все суда вышли в пиратский поход. На острове не было ни одного судна. Все были в отчаянии. У капитана Кидда оставалось совсем немного денег, и почти вся его провизия была израсходована. Как можно скорее он пополнил запасы воды и, взяв еще несколько магазинов, снялся с якоря и отправился за тринадцать сотен миль на восток, к Малабару, как тогда называли все западное побережье Индостана от мыса Коморин до Бомбея.

Он подошел к этим берегам в июне, через четыре месяца после прибытия на Мадагаскар. Некоторое время он безрезультатно крейсировал вдоль и поперек этого побережья. На бескрайних просторах океана не было видно ни одного паруса. На борту "Адвенчера" царили всеобщее недовольство и ропот. Положение корабельной компании было поистине плачевным. Половина земного шара находилась между ними и их домами. Провизия почти вся закончилась, и у них не было средств, чтобы купить еще. Было ясно, что, если Провидение не вступится за них, им придется либо воровать, либо голодать.

И Провидение на какое-то время необычайно вмешалось. Однажды, проплывая мимо небольшого острова под названием Джоанна, они увидели на берегу обломки корабля. Капитан Кидд взял лодку и поплыл к берегу, где обнаружил, что это французское судно. Экипаж спасся, сохранив немало золота. Корабль и груз были полностью утрачены. Француз, как гласит история, *одолжил* это золото капитану Кидду. Возможно, так оно и было. Но более вероятно, что это был вынужденный заем. Капитан Кидд, как мы уже упоминали, имел двойное поручение: одно - против пиратов, а другое - как обычный капер против французов. Если бы он захватил судно до крушения, оно стало бы его законным призом. Вряд ли его мучили угрызения совести, когда он захватил дублоны, переправленные на берег.

С этим золотом он отплыл в один из портов на Малабарском побережье, где закупил продовольствие, которого хватило бы всего на несколько недель. В то время в Азии существовал один из самых могущественных народов на земном шаре, называемый монголами. Император, которому поклонялись почти божественно, носил титул Великого Могола. Его великолепные дворцы были возведены в городе Самарканд, в провинции Бохара. Этот великолепный город, тридцать миль в окружности, сверкал дворцами и мечетями великолепной архитектуры, построенными из белого мрамора. Империя была основана всемирно известным Чингисханом и расширена столь же знаменитым Тамерланом. Паруса монгольской торговли белели на всех восточно-индийских морях. В то время пиратство было настолько распространено, что торговля велась, как правило, под конвоем. Во время этого плавания, полного разочарований и тревог, капитан Кидд прошел мимо нескольких кораблей Великого Могола. Он смотрел на них с тоской. Это были торговые суда. С его силами он мог бы легко захватить их. Можно было не сомневаться, что на них хранятся сокровища огромной ценности.

Среди команды раздался громкий ропот. Они не могли понять тех угрызений совести, которые позволили бы им ограбить несколько потерпевших кораблекрушение французов и при этом отвернуться от богатых аргозинов Востока.

Но капитан Кидд, уважаемый нью-йоркский купец, пользующийся большим уважением в обществе, отправленный в экспедицию специально для того, чтобы поймать и наказать пиратов, не был готов поднять над собой черный флаг и тем самым присоединиться к морским разбойникам.

Борьба в его сознании, вероятно, была очень суровой. С каждым днем он все больше отчаивался. Ему грозила голодная смерть. Его команда все больше бунтовала. У него были основания опасаться, что они поднимут восстание, выбросят его за борт или высадят на какой-нибудь остров, а затем, подняв черный флаг пирата, будут бороздить моря за свой счет и присоединятся к бунтующей банде, дерзко обосновавшейся на Мадагаскаре.

Он не сомневался, что могущественная компания, отправившая его в это плавание, не заметит никаких нарушений в грабеже чужих судов и не станет наводить справки о его методах работы, если он только привезет им домой много золота. С другой стороны, если он потерпит неудачу, его с позором уволят с их службы, и он будет совершенно разоренным человеком.

Он узнал, что Великий Могол собирается отправить из Красного моря через Бабельмандельские проливы богато нагруженный флот купцов под конвоем, направляющийся в Китай. Ширина пролива составляет всего пятнадцать миль. Следовательно, перехватить флот не составит труда.

Капитан Кидд, вероятно, в тиши своих мыслей решил стать вольным разбойником. И хотя пока он никому не раскрывал своего секрета и не совершал никаких явных действий, он перешел Рубикон и в душе стал пиратом. Перемена сразу же стала ощутимой. Он направил свой корабль к берегу и плыл вдоль него, пока не увидел деревню туземцев, где на полях виднелись стада, висел урожай, а ветви рощ были усыпаны золотыми плодами тропиков. Несомненно, он был бы рад приобрести эти запасы. Но у него не было денег. Он достиг той точки в своей карьере, когда нужно либо воровать, либо голодать.

Он послал к берегу несколько вооруженных лодок и без устали грабил не сопротивляющихся туземцев. Он был не из тех, кто принимает полумеры. Хорошо отремонтировав корабль, он развернул его носами к входу в Красное море. Призвав к себе команду, он сообщил им об изменении своих планов.

"До сих пор мы терпели неудачи, мои мальчики, - сказал он, - но мужайтесь. Фортуна вот-вот улыбнется нам. Флот Великого Могола, нагруженный богатейшими сокровищами, скоро выйдет из Красного моря. От захвата этих тяжелогруженных кораблей мы все разбогатеем".

Эта речь была встречена криками аплодисментов отчаянных людей, которых он подбирал на улицах Лондона и Нью-Йорка. Он отправил быстроходное парусное судно, хорошо укомплектованное людьми, чтобы войти в Красное море и отправиться вдоль его восточного побережья в путешествие с целью открытия. Лодка вернулась после нескольких дней отсутствия с довольно тревожным известием о том, что они насчитали эскадру из пятнадцати больших кораблей, готовых к отплытию. На некоторых из них развевался флаг Великого Могола, а на мачтах других развевались знамена Англии и Голландии.

Англия была в союзе с Голландией и в самых дружеских отношениях с Великим Моголом. В поручении, данном капитану Кидду королем, было написано:

"Мы приказываем вам на страх и риск не приставать к нашим друзьям или союзникам ни под каким предлогом, прикрываясь полномочиями, предоставленными настоящим письмом".

Капитан Кидд, должно быть, глубоко и напряженно обдумывал этот вопрос, прежде чем решился стать абсолютным преступником, напав на флот, состоящий из кораблей не только друга Англии и ее союзника, но и содержащий английские корабли. Он также не знал, насколько силен конвой, которым охранялся флот.

Однако, взвешивая эти мысли в своем беспокойном уме, он плывал взад и вперед перед устьем пролива, бдительно следя за мачтой. По прошествии четырех дней эскадра показалась вдали на северном горизонте. По мере приближения судов капитан Кидд внимательно рассматривал их в свое стекло. Его опытный глаз вскоре увидел, что флот сопровождают два корабля, один из которых английский, а другой голландский. Это усугубило его положение и значительно увеличило опасность в случае попытки нападения.

Флот был сильно рассеян, так как, будучи сильным в своем охранении, не представлял никакой опасности. Судно Кидда было скрыто от посторонних глаз за мысом. Его судно было быстроходным, и на нем было огромное количество парусины, которую он мог почти мгновенно расправить под дуновением ветра. Большой, громоздкий монгольский корабль, нагруженный по самые борта, медленно прокладывал себе путь сквозь волны, приближаясь к месту, где затаился пират. Сторожевые корабли находились на расстоянии нескольких миль.

Капитан Кидд бросился на галеон, как орел на добычу. Вероятно, он надеялся захватить его, разграбить и скрыться до того, как военные корабли придут на помощь. Он открыл огонь по кораблю. Но конвой, мгновенно подняв тревогу, нажал на все паруса и стремительно понесся на него, открыв мощный огонь из своих тяжелых орудий. Кидд не мог и думать о том, чтобы противостоять им. Его шанс был упущен. Он отвалил в сторону, и вскоре его облако из вздымающихся парусины исчезло за южным горизонтом. Вооруженные фрегаты не могли преследовать его. Они были вынуждены остаться позади, чтобы защитить медленно плывущий флот.

Капитан Кидд, уязвленный постоянными неудачами, теперь был разочарован, раздосадован, разгневан, отчаявшийся человек. Он был готов на любое, пусть даже самое ужасное предприятие, которое принесет ему деньги. Он бежал обратно к побережью Малабара. Проплывая вдоль него, он вскоре наткнулся на туземное судно. Кидд захватил его без борьбы. Оно называлось "Дева", принадлежало каким-то аденским купцам, а командовал им англичанин по имени Паркер. Помощник, Антонио, был португальцем, знающим язык этой страны.

На борту не было ничего ценного. Кидд, решив отправиться в пиратское плавание, поручил капитану Паркеру быть лоцманом в этих неизвестных водах. Матроса он оставил в качестве переводчика. Не найдя золота и полагая, что команда спрятала его, он обошелся с ними с особой жестокостью, чтобы выбить признание о том, где они спрятали монеты. Их поднимали за руки и били с ужасающей жестокостью. Но все было тщетно. Никакие пытки не могли выведать золото, которого не существовало.

Пират, лишив бедняг тюка перца и тюка кофе, а также нескольких кусочков арабского золота, с презрением бросил их на произвол судьбы, истекающих кровью и почти беспомощных в своем изнеможении. Продолжая безуспешно плавать некоторое время,

Кидд наткнулся на небольшой порт на Малабарском побережье под названием Каравар. В этом месте проживало несколько английских купцов. До них уже дошли вести о захвате аденского судна, о принуждении английского капитана и португальского помощника, а также о жестоком обращении с командой.

Как только капитан Кидд вошел в порт, возникло подозрение, что пиратом является именно он. Два английских джентльмена, мистер Харви и мистер Мейсон, поднялись на борт и обвинили его в преступлении, спросив, что он сделал с двумя пленниками, капитаном Паркером и португальским помощником. Кидд сделал вид оскорбленной невинности, отрицая, что ему было известно о случившемся, и показал им свое поручение от короля Англии как главы компании самых знатных дворян преследовать и наказывать пиратов. Он с триумфом задал вопрос, разумно ли предполагать, что человек, пользующийся доверием короля и его вельмож, которому они доверили возглавить предприятие, столь важное для национальной чести, сам станет пиратом.

Джентльменов заставили замолчать, но не убедили. Все это время Паркера и португальца Антонио прятали в укромном месте в трюме. Там он тщательно охранял их восемь дней, пока снова не отправился в плавание. Как только он покинул порт, в него вошел португальский военный корабль. Английские купцы сообщили командиру о своих подозрениях. Он немедленно вышел в море на поиски "Приключения", решив, если настигнет его, тщательно осмотреть трюм, надеясь найти пленников на борту или хотя бы какие-то доказательства того, что они там были.

Два корабля встретились. Кидд отнюдь не был расположен к тому, чтобы его судно обыскивали. Завязался ожесточенный бой, который продолжался шесть часов. Ни одно из судов не хотело сближаться, пока другое не было выведено из строя. В конце концов Кидд, обнаружив, что португальский корабль слишком силен для него, распустил все паруса и скрылся. С огромным количеством парусины он мог убежать практически от любого врага. Десять его людей были ранены, но никто не погиб.

И снова эти отчаянные люди столкнулись с необходимостью бежать на сушу за провизией. Они вошли в небольшой порт под названием Порко. Здесь они наполнили свои фляги водой и "купили", по словам Кидда, у туземцев достаточное количество свиней, чтобы прокормить всю команду. Поскольку известно, что у Кидда не было денег, можно предположить, что свиньи были получены путем морального убеждения, которое можно найти в дуле пистолета и на острие сабли.

Это подозрение подтверждается тем, что туземцы в отчаянии убили одного из его людей. Ответные действия были характерны для экипажа и времени. Капитан Кидд обрушил на деревню все свои орудия. Широкий снаряд за широким снарядом превратил их хижины в руины. В ход пошел факел, и через час мирная деревушка превратилась в дымящийся пепел.

Один из туземцев был пойман. Они привязали его к дереву, а затем целая рота лодок, одна за другой, выпустила по пуле в сердце. Совершив этот подвиг, который они, вероятно, сочли рыцарским, а другие, возможно, сочтут чудовищным, капитан Кидд вновь расправил паруса, чтобы отправиться в пиратское плавание.

Первым судном, на которое он наткнулся, был большой монгольский корабль с богатым грузом. Кидд пустился в погоню, развернув французский флаг. Капитаном был голландец по имени Митчел. Увидев, что его преследуют под французскими знаменами, он тут же поднял знамя Франции. Капитан Кидд сразу же развернул на ветру флаг Англии. Он был очень ликующим. Он мог отбросить отвратительный образ пирата и захватить корабль в менее

позорном качестве каперского судна. Он воскликнул с клятвой: "Я поймал вас. Вы - бесплатный приз для Англии".

В нос корабля бросили пушечное ядро и приказали навалиться. Корабль окликнули на французском языке, и какой-то ответил на том же языке. Затем им было приказано отправить на борт свою лодку. В шлюпке оказались капитан корабля, голландец по имени Митчел, и французский джентльмен по имени Леруа.

Кидд принял их в своей каюте и, расспросив, выяснил, что корабль и груз принадлежат монгольским купцам, что они доверили управление голландскому капитану, как это нередко случалось в те времена, а французский джентльмен был всего лишь пассажиром, случайно оказавшимся на борту, переходя из одного порта в другой.

Эти известия, по выражению моряка, "поразили его до глубины души". Голландия, как мы уже упоминали, была союзником Англии. Великий Могол был другом Англии. Кидд должен был освободить корабль или признать себя пиратом и преступником и подвергнуться неминуемому риску быть повешенным, если он когда-нибудь вернется в Англию. На мгновение он, казалось, потерял дар речи и растерялся. Затем его нечестивый разум, стремительно погружающийся в пучину греха и позора, остановился в решительном решении.

ГЛАВА III.

Пиратские приключения.

Дерзость Кидда.- Судьба ноября.- Кидд убивает Уильяма Мура.- Знаменитая баллада.- Сочувствие Кидда.- Кидд на Мадагаскаре.- Пиратские карусели.- Искусственный ад.- Возвращение Кидда в Вест-Индию.- Преувеличенные сведения об Эвери.- Его жалкая карьера и жалкий конец.

Капитан Кидд, по-пиратски нахмутив брови и произнося пиратские клятвы, повернулся к мистеру Леруа и сказал:

"Вы притворяетесь, что это не французский корабль и что вы всего лишь пассажир на его борту?"

"Так и есть", - вежливо ответил г-н Леруа. "Я чужак в этих краях и просто взял билет на борт этого местного судна под командованием капитана Митчела, направляясь в Бомбей".

"Это ложь", - сказал пират, снимая с пояса пистолет и взводя его. "Это французский корабль, а вы - его капитан; это мой законный приз. Если вы будете отрицать это, то немедленно умрете".

Черты лица Кидда и его слова, смешанные с клятвами, убедили мистера Леруа в том, что он находится в руках отчаянного человека, который не уклонится ни от какого преступления. Он замолчал. Тогда Кидд добавил:

"Я захватываю этот корабль как свой законный приз. Он принадлежит французскому подданному и ходит под французским флагом. У меня есть поручение от его величества короля Англии захватывать все подобные корабли от его имени".

Кажется странным, что Кидд, после множества беззаконий, в которых он уже был виновен, счел нужным прибегнуть к столь жалким пререканиям. Но этот инцидент показывает, что нью-йоркский купец, ранее имевший хорошую репутацию, все еще отшатывался от мысли о том, чтобы с головой окунуться в пиратскую карьеру. Соблюдая эти формы, он мог в этом случае, если бы ему когда-нибудь представился случай, претендовать на защиту королевской комиссии, уполномочивающей его захватывать французские корабли.

Кидд отвел свой приз, который он назвал "Ноябрь", потому что он был захвачен в этом месяце, в один из восточно-индийских портов и продал корабль и груз за ту сумму, которую они могли выручить. Какова была сумма и как он ее разделил, неизвестно. И снова он возобновил свое плавание. Было видно, что ему не терпится отказаться от карьеры пирата, которую он едва начал, и вернуться к карьере капера. Вскоре они наткнулись на голландское судно, безошибочно определив его по строению, флагу и оснастке. Команда требовала его захвата; Кидд решительно воспротивился. Возник мятеж. Меньшинство команды корабля поддержало капитана. Большинство заявило, что вооружит шлюпки и пойдет захватывать корабль.

Капитан, с саблей в руке и пистолетами на поясе, окруженный теми, кто все еще был ему верен, встал на квартердеке и твердо сказал мятежникам:

"Вы можете взять шлюпки и уйти. Но те, кто покинет этот корабль, никогда больше не поднимутся на его борт".

Один из них, канонир по имени Уильям Мур, был особенно жесток и груб. С угрожающими жестами он подошел к капитану и обрушился на него в самых язвительных выражениях, сказав:

"Вы губите нас всех. Вы держите нас в нищете и голоде. Если бы не ваши прихоти, мы могли бы быть процветающими и богатыми".

Капитан отнюдь не был кротким человеком. В неуправляемом порыве он схватил окованное железом ведро, случайно оказавшееся у него под рукой, и нанес мятежнику такой удар, что проломил ему череп и без чувств повалил на палубу. От полученной раны канонир скончался на следующий день. Мало кто будет склонен сурово осуждать капитана Кидда за этот поступок. Это не было преднамеренным убийством. Возможно, это был необходимый поступок для подавления мятежа, в ходе которого мятежники требовали поднять черный флаг пиратов, а капитан сопротивлялся. И все же вполне вероятно, что именно этот удар отправил Кидда на виселицу. На последующем суде ему не удалось предъявить почти никаких доказательств пиратства, и главным обвинением, выдвинутым против него, стала смерть Мура.

Кидд всегда утверждал, что это был добродетельный поступок и что он не мучил его совесть. Это было сделано для предотвращения пиратства и мятежа. Он также утверждал, что у него не было намерения *убивать* человека. Если бы у него было такое намерение, он бы использовал пистолет или саблю. В балладе, которую полвека назад пели в сотнях фермерских домов Новой Англии, колыбельной для младенцев, это событие упоминается в следующих словах:

"Я убил Уильяма Мура, когда плыл, когда плыл,

Я убил Уильяма Мура, когда плыл;
Я убил Уильяма Мура и оставил его в крови,
В нескольких лигах от берега, когда я плыл".

Приведем еще несколько стихов, чтобы показать общий характер этой баллады из двадцати пяти строф, некогда столь популярной, а ныне забытой:

"Меня звали Уильям Кидд, когда я отплыл, когда я отплыл,
Меня звали Уильям Кидд, когда я плавал,
Меня звали Уильям Кидд, Божьи законы я запретил,
И так нечестиво я поступал, когда плыл.

"Таким образом, будучи взятым наконец, Я должен умереть, я должен умереть,
Так, будучи взятым наконец, я должен умереть;
Так был я схвачен наконец, и в тюрьму брошен,
И приговор вынесен, я должен умереть.

"To Newgate now I'm cast, and must die, and must die,
В Ньюгейт теперь я брошен, и должен умереть,
В Ньюгейт теперь я брошен, с печальным и тяжелым сердцем,
Чтобы получить свою справедливую пустыню, я должен умереть.

"To Execution Dock I must go, I must go,
В Казенный док я должен идти;
В Казенный док стекаются многие тысячи,
Но я должен вынести свой удар и умереть.

"Приходите все, кто молод и стар, Увидеть мою смерть, увидеть мою смерть,
Приходите все молодые и старые, посмотрите, как я умру;
Приходите все, кто молод и стар, - вам не мешает мое золото,
Ибо за него я потерял свою душу и должен умереть".

Голландец не осознавал опасности, которой он подвергался. Два корабля шли рядом несколько дней, а затем разошлись. Возможно ли, что все это время Кидд колебался, стоит ли поднимать черный флаг и захватывать приз? Похоже на то, ведь через несколько дней после исчезновения голландского корабля на его пути встретилась целая флотилия малабарских лодок, груженных провизией и другими предметами, в которых нуждался Кидд. Он бессовестно разграбил их все. Вероятно, он не опасался, что весть об этом преступлении

когда-нибудь дойдет до Англии. И даже если слух о содеянном достигнет далеких берегов, он не опасался, что Англия побеспокоится о том, чтобы наказать его за несколько грубое обращение с полудикарями на побережье Малабара.

Через несколько дней после этого ограбления в поле зрения попало португальское судно. Нравственная природа Кидда с каждым часом становилась все слабее. Он больше не мог сопротивляться искушению захватить приз. Он ограбил судно, забрав вещи на сумму около двух тысяч долларов, и отпустил его, не причинив корабельной компании никакого вреда.

Три недели они продолжали плавать по безбрежному морю, когда однажды утром, примерно в середине декабря, над далеким горизонтом поднялась огромная масса парусины. Это оказался туземный корабль весом в четыреста тонн. Корабль назывался "Куэдагский купец", был очень богато нагружен, а командовал им англичанин, капитан Райт. Богатые купцы Востока прекрасно знали о превосходном мореходном мастерстве английских моряков и охотно доверяли свои важные предприятия европейским командирам.

Кидд развернул французский флаг, погнался за кораблем и вскоре настиг его. Пушечное ядро, просвистевшее над головами команды, послужило весьма существенным намеком, с помощью которого судну было приказано накреститься. Кидд приказал капитану спустить шлюпку и подняться на борт "Приключения". Капитан повиновался и сообщил пирату, что вся команда - восточные индейцы, за исключением двух голландцев и одного француза, и что корабль принадлежит исключительно восточноиндийским купцам.

Кидд вступил в пиратское владение кораблем. У него не было ни тени претензий на него на основании своего заказа как каперского судна. Он высадил офицеров и команду в лодке за лодкой на берег и оставил их на произвол судьбы. На борту находились один или два купца, которым принадлежал корабль и груз. Они предложили пирату двадцать тысяч рупий, что эквивалентно примерно пятнадцати тысячам долларов, для выкупа имущества. Кидд отклонил предложение.

Его собственный корабль после столь долгого плавания был дырявым и нуждался в ремонте. Кведагский торговец" значительно превосходил "Адвенчер". Поэтому он перенес все свои запасы на приз. На "Приключении" зажгли факел, и вскоре злополучный корабль исчез в облаке дыма и пламени. Кидд, теперь уже убежденный пират, взял курс на Мадагаскар - место встречи пиратов. Здесь приз был оценен в шестьдесят четыре тысячи фунтов стерлингов, или около трехсот двадцати тысяч долларов.

Однако этот странный человек полагал, что действует по королевскому поручению, от имени Лондонской компании, а эти сокровища - законный грабеж пиратского корабля. Поэтому он зарезервировал сорок акций для себя и компании. В пиратской команде было около ста пятидесяти человек. Каждый получил около двух тысяч долларов. Доля Кидда составила почти восемьдесят тысяч долларов.

В пиратской гавани на Мадагаскаре Кидд обнаружил большой корабль "Резолюшн", принадлежавший Ост-Индской компании, капитан которого, человек по имени Каллифорд, вместе с командой захватил его и превратил в пиратский. В соответствии с поручением Кидда его долг состоял в том, чтобы немедленно атаковать и захватить этот пиратский корабль. Когда капитан Каллифорд увидел, как он входит в гавань со своим мощным и хорошо вооруженным кораблем, он пришел в ужас. Пираты слышали о поручении капитана Кидда, но еще не знали, что он сам стал пиратом. Капитан Каллифорд, видя перед собой виселицу и дрожа всеми нервами, так как бежать не было никакой возможности, послал

нескольких офицеров в шлюпке на борт "Куэдагского торговца", чтобы выяснить намерения капитана Кидда.

На последующем суде над Киддом было засвидетельствовано, что он стоял на своей палубе и с распростертыми объятиями принял пиратских офицеров, когда они подошли к борту корабля, что он пригласил их в свою каюту, где они устроили большую пирушку с выпивкой и курением; и что в безумии пьянства он предложил тост:

"Пусть проклятие охватит мою душу, если я причиню вред хоть одному волоску на голове кого-нибудь на борту "Каллифорда"".

Было заявлено, что он получил от пиратского капитана большие подарки в виде тюков шелка и продал ему за две тысячи долларов несколько тяжелых орудий с подходящими боеприпасами; кроме того, он был в самых дружеских отношениях с Каллифордом, обмениваясь с ним частыми визитами.

С другой стороны, Кидд категорически отрицал все эти обвинения. Он заявил: "Я никогда не ступал на борт корабля капитана Каллифорда. Когда я вошел в гавань и убедился в характере судна, я приказал своим людям подготовиться к бою. Но мятежная команда, уже вынудившая меня прибегнуть к мерам, против которых восставала моя душа, категорически отказалась, заявив, что скорее сделает два выстрела по моему судну, чем один по судну капитана Каллифорда. Мятеж стал настолько угрожающим, что моя жизнь оказалась в опасности. Буйная команда разрыла мой сундук, украла мой журнал, завладела боеприпасами. Я был вынужден забаррикадироваться в каюте. Мятежники удерживали корабль и, будучи неподконтрольными, действовали по своему усмотрению. Я ни в коей мере не отвечал за их поведение".

Суд не поверил показаниям капитана. В то же время было совершенно очевидно, что он потерял контроль над своей командой. Однако его показания в некоторой степени подтверждались тем фактом, что девяносто пять его людей в полном составе покинули его и присоединились к пиратской команде капитана Каллифорда. Это, казалось бы, окончательно доказывает, что капитан Кидд не был достаточно пиратским в своих мерах, чтобы удовлетворить требования мятежников.

В течение нескольких недель эти виновные и несчастные люди оставались в "собственном месте" пиратов, предаваясь всем видам вакханалии и чувственного порока, среди их дворцов и в их гаремах. Их веселье не могло превзойти ни одну сцену, когда-либо наблюдавшуюся в Содоме или Гоморре. На острове было от пяти до шести сотен человек. Они постоянно приходили и уходили. Некоторые из них были настолько богаты, что оставались дома, обрабатывая рабским трудом довольно большие плантации. Они развлекались охотой, и на обширных лугах и в лесах в изобилии водилась дичь. Появление корабля в гавани было сигналом к всеобщему веселью. Они старались превознести прелести своих женщин, наряжая их в шелка и атласы, украшая блестящими драгоценностями.

Часто на берегу ставили трубку с вином, вынимали из нее горлышко, и все жители пили из нее, что хотели, так же свободно, как если бы это была вода. Пьяные пираты носились по улицам. Клятвы наполняли воздух. Сверкали ножи, стреляли из пистолетов, были раны и смерть. Среди всего этого веселья, разгула и потасовок, как явствует из сохранившихся у нас записей тех дней, более несчастного и жалкого народа едва ли можно было найти по эту сторону мира скорби. Там не было ни одной радости. Там не было мирных домов, любящих мужей и жен, счастливых детей, прильнувших к родительским коленям и заключенных в

родительские объятия, а в смерти не было ничего, кроме "страшного ожидания суда и пламенного негодования".

Эти жалкие пираты были ненавистны и человеконенавистнически настроены. Пресытившись пороком, они не знали, куда деться от радости. Их крики и смех звучали в ушах как бесовское веселье. Сатана никогда не дает своим жертвам счастья ни в этом мире, ни в грядущем. Пути Мудрости - только пути удовольствия, и только ее пути - пути мира.

Насколько капитан Кидд участвовал в этих безбожных каруселях, неизвестно. Но вряд ли он был способен сбросить с себя всякую сдержанность и стать соратником этих вульгарных, деградировавших, сквернословов, которых в душе он, должно быть, презирал. Маловероятно и то, что человек, привыкший к обществу, в котором вращался почтенный нью-йоркский купец, мог так быстро проникнуться вкусом к пьяным гулянкам самых низких и мерзких существ на земле.

Очевидно, что эти люди время от времени испытывали укоры совести и какое-то слабое чувство своей страшной ответственности перед Божьим судом. Однажды четверо из них решили устроить для себя маленький искусственный ад, чтобы посмотреть, кто сможет дольше всех терпеть его муки.

Безоблачное тропическое солнце испепеляло палубу своими палящими лучами. Каюта нагревалась как печь. Вдобавок к этому они развели огонь в печке, пока железные плиты не раскалились докрасна. Затем они с богохульными клятвами вошли в эту печь и поливали огонь серой, пока комната не наполнилась ее удушливым дымом. Один из этих несчастных, по-видимому, настолько злобный, насколько это вообще возможно для человека, терпел муки этого маленького искусственного ада в течение пяти минут. Никто из остальных не смог выдержать их так долго. Победитель вышел очень ликующим. Можно было подумать, что в их головы пришла мысль о том, что между пятью минутами и вечностью есть существенная разница.

Мы не узнаем, что кому-то из этих людей стало лучше от недолгих самоистязаний. Мысль о том, что эти же люди, попав в страну духов, *могут* быть столь же упорны в своей враждебности ко всем Божьим законам, как и здесь, приводит в ужас.

Капитана Кидда покинула почти вся его команда. Он оставался в порту лишь для того, чтобы набрать достаточное количество людей для управления кораблем, а затем, расправив паруса украденного им судна "Купец Кведаг", отправился в Вест-Индию с награбленным сокровищем в восемьдесят тысяч долларов. Ост-Индская компания сообщила правительству страны о пиратских действиях Кидда. Соответственно, всем губернаторам американских колоний был отдан приказ арестовывать его, где бы он ни появился.

Плавание от Мадагаскара до Вест-Индии было долгим и бурным. Ни один парус не появлялся в поле зрения. День за днем океан во всем своем одиноком величии расстилался перед этими виновными, недовольными людьми. В конце концов, находясь в весьма плачевном состоянии, корабль достиг Ангильи, или Змеиного острова, названного так из-за своей извилистой формы. Это самый северный из Карибских островов, и здесь была небольшая английская колония.

Когда Кидд бросил якорь в маленькой гавани, ему сообщили, что в Англии его официально объявили пиратом; что его поведение обсуждалось в парламенте; что назначен комитет для расследования характера компании, которая его заказала, и характера полученного им поручения; Британский корабль "Куинсборо" был отправлен в погоню за ним, и была издана

королевская прокламация, предлагающая помилование всем, кто был виновен в пиратстве к востоку от мыса Доброй Надежды до последнего дня апреля 1699 года, за исключением Уильяма Кидда и другого известного буканьера по имени Эвери.

Этот Эйвери приобрел огромную известность, и о его достижениях рассказывали самые экстравагантные истории, которым верили все. Говорили, что этот пират достиг почти имперского богатства, достоинства и власти; что он стал гордым основателем новой монархии на Востоке, скипетр которой он держит в неоспоримом абсолютизме. Его подвиги были прославлены в пьесе под названием "Удачливый пират", которая была представлена восхищенным зрителям во всех театрах.

Согласно этим представлениям, Эвери захватил корабль, принадлежащий Великому Моголу и нагруженный богатейшими сокровищами. На борту императорского корабля находилась прекрасная принцесса, дочь Великого Могола. Эвери женился на ней. Отец, правящий бескрайними землями, признал этот союз и выделил Эвери огромные территории на Востоке, где ему подчинялись миллионы людей. Он занимал один из самых роскошных восточных дворцов, имел нескольких детей и был окружен великолепием королевской власти, совершенно неизвестным в западном мире. У него была эскадра кораблей, укомплектованная самыми отчаянными парнями из всех наций. От своего имени он давал поручения капитанам своих кораблей и командирам своих крепостей, и все они признавали его княжескую власть.

Его пиратство по-прежнему продолжалось в масштабах, соизмеримых с его могуществом. Королевскому совету Англии было предложено множество схем для снаряжения эскадры, чтобы разогнать его флот и взять его в плен. Другие утверждали, что он слишком могуществен, чтобы нападать на него таким образом. Они настаивали на целесообразности отправки посольства к его двору и приглашения его и его спутников прибыть в Англию со всеми своими сокровищами, заверяя его в гостеприимном приеме и забвении всего прошлого. Они опасались, что если эти мирные меры не будут приняты, то его постоянно растущее величие позволит ему уничтожить всю торговлю с Востоком.

Эти слухи были настолько далеки от истины, что в то самое время, когда рассказывались такие чудесные истории, негодяй был беглецом, замаскированно скитался по Англии, дрожа от страха перед эшафотом, и в его кармане не было ни шиллинга. Его карьера была достаточно необычной, чтобы заслужить краткое упоминание здесь.

Эйвери родился в одном из западных морских портов Англии и с детства был приучен к тяготам и унижениям грубой матросской жизни. Его воспитывали только в сквернословии, невосдержанности и пороке. Когда он вырос и окреп, то стал смелым контрабандистом и даже переправлял контрабандные товары на берег далекого Перу. Испанцы были плохо обеспечены военными кораблями, чтобы охранять от незаконных перевозок свои огромные территории в Новом Свете.

Поэтому они наняли в Бристоле крепкий английский корабль под названием "Герцог". На нем служили в основном английские моряки. Командиром был капитан Гибсон. Эвери был первым помощником. Капитан был азартным игроком, любителем кутежей, и часто задерживался на много дней в иностранных портах, проводя время в распутных заведениях.

Эвери был парнем скорее хитрым, чем смелым. Он презирал капитана и составил заговор с самыми отчаянными людьми на борту, чтобы избавиться от капитана и всех матросов, которые могли бы прилепиться к нему, сбежать с корабля и, переправившись в далекие воды Ост-Индии, собрать богатства от торговли, которая белила эти моря.

Однажды корабль встал на якорь в одном из южноамериканских портов. Планировалось, что вечером, когда капитан сойдет на берег, они снимутся с якоря, оставив капитана позади, и отправятся в плавание. Но случилось так, что капитан в тот вечер, крепко выпив, не сошел на берег, как обычно, а в ранний час отправился спать. Вся команда, за исключением заговорщиков, была либо на берегу, либо разошлась по своим койкам.

В десять часов вечера к кораблю подошел баркас герцога с шестнадцатью крепкими десперадо, которых Эйвери набрал из бродяг всех наций, заполонивших порт. Их приняли на борт, закрыли люки, а затем, когда все было надежно закреплено, неторопливо взвесили якорь и вывели корабль в море.

Движение корабля и шум бегущих снастей разбудили пьяного капитана, и он позвонил в колокол. Эйвери с двумя матросами вошел в каюту. Капитан сидел на койке, протирая глаза, и был явно встревожен.

"В чем дело?" - воскликнул он на торопливом акценте. "С кораблем что-то не так. Она едет? Какая погода?"

"Ничего не случилось, - спокойно ответил Эйвери, - просто мы в море, с попутным ветром и хорошей погодой".

"В море!" - сказал Гибсон. "Как это может быть?"

"Не пугайтесь", - ответил Эйвери. "Оденься, и я открою тебе маленький секрет. Теперь я капитан этого корабля. Это моя каюта, и вы должны выйти из нее. Я направляюсь на Мадагаскар, чтобы сделать свое состояние и состояние всех отважных парней, присоединившихся ко мне".

Теперь капитан окончательно протрезвел. В предчувствии скорой смерти его ужас был жалок. Эйвери попытался утешить его не слишком утешительными словами:

"Вам нечего бояться, капитан, если вы присоединитесь к нам, будете трезвым и выполните свой долг. Если вы будете хорошо себя вести, я, возможно, со временем сделаю вас одним из своих лейтенантов. Или, если хотите, вот лодка рядом, и мы высадим вас на берег".

Ужаснувшийся мужчина умолял посадить его на берег. Остальные члены команды были подняты, и всем, кто хотел сойти на берег вместе с капитаном, разрешили это сделать. Но этой привилегией воспользовались пять или шесть человек. Все остальные присоединились к пиратской команде. Капитана и его немногочисленных приверженцев посадили в лодку и пустили по дрейфу, чтобы они, как могли, добрались до суши. Веселящиеся пираты взяли курс на Мадагаскар. Здесь они нашли два пиратских судна, с экипажами которых вступили в тесный союз. Три корабля под командованием Эйвери отправились в плавание.

У аравийского побережья, недалеко от устья Инда, человек на мачте крикнул: "Парус". Они подбежали к судну и выстрелили из пушки по его носам. Но судно, вместо того чтобы сразу сдаться, подняло флаги Могола и приготовило палубу к бою. Эйвери держался на расстоянии, обстреливая судно из своих тяжелых орудий и не приближаясь на расстояние выстрела к противнику. Таким образом, он сильно потерял репутацию среди своих людей, которые считали его трусом. Экипажи двух сопровождающих шлюпов, палубы которых кишели пиратами, налетели один на нос, другой на четверть и, перебравшись через фальшборт тяжелогруженого судна, взяли его штурмом.

Правда, как гласила история, судно принадлежало самому императору, или Великому Моголу. На борту находилась его дочь, а также несколько самых знатных персон его двора. Они направлялись в паломничество в Мекку с богатейшими сокровищами, чтобы преподнести их в дар святыне Мухаммеда. У них были дорогие шелка, драгоценные камни, сосуды из золота и серебра и большие суммы денег. Добыча, полученная в результате этого приза, была огромной.

Награбив на корабле все, что хотели, пираты отпустили его. Могол, узнав об этом, сильно разгневался. Он пригрозил послать армию, чтобы огнем и мечом полностью истребить англичан во всех их восточно-индийских колониях. Ост-Индская компания в Англии была сильно встревожена. Они немедленно отправили посольство к Великому Моголу, чтобы умиротворить его. Они обещали от имени британского правительства преследовать пиратов самым решительным образом, а в случае поимки передать их в его руки.

Тем временем удачливые буканьеры возвращались к месту встречи на Мадагаскаре. Там они намеревались складировать добычу, возвести укрепление для ее защиты, гарнизонировать его людьми отчаянной храбрости, а затем снова отправиться в очередное плавание. Когда они плыли с этим планом, и на каждом из судов была своя часть добычи, злодей Эвери послал за старшими офицерами каждого из судов, чтобы они поднялись на борт герцога. Затем он сказал им:

"У нас есть огромные сокровища, которых хватит, чтобы обогатить всех нас на всю жизнь, если только мы сможем доставить их в какое-нибудь безопасное место на берегу. Но мы подвергаемся большой опасности быть разлученными из-за плохой погоды. В таком случае, если один из шлюпов встретит какой-нибудь сильный корабль, он будет захвачен. Но "Герцог" по конструкции и вооружению превосходит любой корабль, который можно встретить в этих водах. Мой корабль так хорошо укомплектован, что может бросить вызов любому врагу; более того, он так быстроходен, что может легко ускользнуть от любого другого корабля, если не захочет сражаться.

Поэтому я предлагаю, для нашей общей безопасности, поместить все сокровища на борт "Герцога". Мы можем запечатать каждый сундук тремя печатями, из которых каждый корабль должен оставить себе одну. Сундуки не будут открыты до тех пор, пока мы не откроем их вместе в месте встречи".

Это предложение показалось настолько разумным, что все согласились. Все сокровища были переданы герцогу. Затем Эвери сказал окружившим его злодеям:

"Теперь все сокровища в нашем распоряжении. Давайте ночью дадим остальным отмашку и поплывем в неизвестные края Северной Америки. Там мы сойдем на берег, разделим наше богатство и с большим достатком поселимся там, где захотим".

Мы слышали, что среди воров есть честь. Среди этих воров не было ни одного. Не было слышно ни одного несогласного голоса. Все согласились с планом. В темноте наступившей ночи корабль изменил курс, а утром экипажи двух шлюпов тщетно обшаривали горизонт в поисках хоть какого-нибудь следа. Судя по погоде и курсу, которым они следовали, они знали, что бегство было преднамеренным. Читателю остается только догадываться, какие сцены смятения и нецензурной брани можно было наблюдать на борту этих пиратских судов.

Первой землей, которую герцог сделал в Америке, был остров Провиденс. Здесь Эвери продал корабль, притворившись, что он был приспособлен для каперства, но, не добившись успеха, владельцы приказали избавиться от него, как только найдутся покупатели. На часть

вырученных денег был куплен небольшой шлюп, и буканьеры отплыли в Бостон, в Новую Англию. Вор Эйвери утаил большую часть бриллиантов, о ценности которых команда не знала.

В Бостоне они высадились на берег. Многие из мужчин получили свои доли и рассеялись по всей Новой Англии. Эйвери побоялся предлагать свои алмазы на продажу там, где алмазы были столь необычным товаром, чтобы не вызвать подозрений. Он уговорил нескольких своих компаньонов отправиться с ним в Ирландию. Они высадились в одном из северных портов и там разделились. Эйвери отправился в Дублин. Он все еще боялся выставлять свои бриллианты на продажу, чтобы в результате расспросов не выяснилось, каким образом их приобрел. Так он оказался в нищете при всем своем богатстве.

Пробыв некоторое время в Ирландии под чужим именем и постоянно дрожа от страха перед своей тенью, он перебрался в Бристоль. Здесь он сошелся с несколькими точильщиками, которые, получив намек на сокровища, которыми он должен был распорядиться, взяли его под свою особую опеку. Они выпытали у него большинство секретов, а затем порекомендовали продать драгоценности одной богатой и кредитной фирме, которая, привыкшая к крупным сделкам, не станет допытываться, каким путем он добыл свои сокровища.

Эйвери, не зная, что делать, согласился на это предложение. Точильщики привели несколько человек, которых представили Эйвери как джентльменов, занимающих высокое положение в ювелирном бизнесе. Эйвери показал им свои бриллианты и жемчуг, а также множество сосудов из массивного золота. Они забрали их, чтобы продать на комиссионных. Это был последний раз, когда он видел свое украденное богатство. На свои уговоры он получил лишь ответ:

"Если ты хоть слово скажешь вслух, мы повесим тебя за пиратство".

Совсем нищий и напуганный этими угрозами, он снова, переодевшись и под чужим именем, переправился в Ирландию. Здесь его нужда и бедственное положение стали столь велики, так как он был вынужден просить хлеба, что решил вернуться в Бристоль и потребовать плату за свои сокровища любой ценой. На небольшом каботажном судне он добрался до Плимута и пешком дошел до Биддефорда. Здесь, превозмогая усталость и страдания, как душевные, так и телесные, он заболел лихорадкой, умер и, не найдя в карманах ни гроша, был похоронен за счет прихода как нищий бродяга.

Таков был конец пирата Эйвери, о котором рассказывали столь экстравагантные истории. Именно в то время, когда он пребывал в такой крайней нищете в Англии и предполагалось, что он промышляет успешным пиратством на Востоке, правительство соединило его имя с именем капитана Кидда, объявив их преступниками и заявив, что их грехи слишком велики, чтобы быть прощенными, и что в случае ареста их неизбежно ждет виселица.

ГЛАВА IV

Арест, суд и осуждение Кидда.

Ужасные вести.- Поход в Куракоа.- Избавление от купца Кведага.- Покупка "Антонио".- Тревожное приближение к Нью-Йорку.- Меры по аресту Кидда.- Он входит в залив Делавер.- Заходит в Ойстер-Бей и на остров Блок.- Общение с правительством.- Отплытие в Бостон.- Его арест.- Долгие задержки.- Общественные слухи.- Суд над ним и осуждение.

Капитан Кидд был очень встревожен, узнав в Ангилье, что его осудили как пирата, объявили вне закона и что он вместе с небезызвестным Эвери был исключен из числа тех, кого король помиловал. До сих пор он тешил себя надеждой, что ему удастся создать впечатление, будто все захваченные им призы принадлежат французам и были взяты на законных основаниях по его поручению как каперского судна. Кроме того, он очень рассчитывал на поддержку знатных людей, составлявших компанию, которой он был поручен. Он полагал, что большое богатство, которое он рассчитывал привезти им, объединит их мощное влияние в его поддержку.

Но вместо этого, как оказалось, компания была настроена сделать его своим "козлом отпущения". Их так сурово осудили, как будто они несли ответственность за поведение своего агента, что в порядке самозащиты они стали самыми громкими его обидчиками, обличая его в самых суровых выражениях и громко крича, что необходимо исследовать все моря, чтобы поймать и повесить преступника. Именно эти политические осложнения в сочетании с известностью компании короля и вельмож придали имени капитана Кидда известность, намного превышающую ту, которую могли бы заслужить его достижения. Было известно, что он бороздил восточно-индийские моря на одном из самых мощных английских кораблей, и предполагалось, что он накопил богатство, достаточное для основания империи. Что же стало с этим безграничным богатством? Вот вопрос, который волновал Англию и Америку и который заставлял копателей денег работать в самых разных местах.

Капитан Кидд и его команда на Ангилье были сильно встревожены. Они внимательно следили за горизонтом с мачты, опасаясь каждый час увидеть флаг английского корабля, который приближается, чтобы доставить их на суд и эшафот. Примерно в тысяче миль к югу от Ангильи, на побережье Венесуэлы, находился маленький остров Куракоа. Его длина составляла всего сорок миль, а ширина - четырнадцать, и, принадлежа голландцам, он находился совсем в стороне от обычного курса британских кораблей.

Сюда Кидд отправился, чтобы завезти припасы, в которых он очень нуждался. Хотя он и слышал о своем запрете, он не до конца осознавал силу враждебности, которая была направлена против него. Он все еще надеялся, что никаких доказательств того, что он действовал в ином качестве, кроме как каперского.

Но сам корабль, на котором он плыл, был уликой против него. Купец Кведаг, собственность Великого Могола, несомненно, был восточно-индийским кораблем, принадлежащим дружественной державе, на которую Кидду было категорически запрещено нападать. На этом корабле он не мог безопасно подойти ни к одному английскому порту. Поэтому он купил в Куракоа небольшой шлюп "Антонио" из Филадельфии. На него он поместил свои самые ценные сокровища - дублоны, золотую пыль, драгоценности, серебряные и золотые сосуды - и с командой из сорока человек отплыл в Нью-Йорк. Купец Кведаг сопровождал его до южного побережья Сан-Доминго. Там он оставил громоздкий корабль с командой из двадцати двух пиратов под командованием человека по имени Болтон. На корабле был очень

ценный груз: сто пятьдесят тюков тончайшего шелка, восемьдесят тонн сахара, десять тонн старого железа, пятнадцать больших якорей и сорок тонн селитры. Корабль также был хорошо снабжен боеприпасами, на нем было установлено тридцать пушек и еще двадцать - в трюме.

Так была поделена пиратская добыча. На долю Болтона и двадцати двух человек выпал корабль и эта часть груза. Об этих несчастных больше ничего не слышно. Остается надеяться, что поднявшийся шторм поглотил их всех. Более вероятно, что в течение нескольких месяцев они продолжали бороздить моря, совершая преступления, от которых должны краснеть демоны, пока в пьяных драках и кровавых побоищах один за другим не сошли в могилу и не попали на судилище Христово. По недостоверным слухам, Болтон пересадил свой груз и команду на более быстроходное судно, а затем передал факел кведагскому купцу. Ходило много других слухов, но ни один из них не заслуживает доверия.

Граф Белломонт был тогда в Нью-Йорке в авторитете. Кидд надеялся на его защиту. Но граф чувствовал, что необходимы очень активные меры, чтобы оправдать себя, короля и министерство от всякой ответственности за грабежи Кидда. Поэтому, как только он узнал о прибытии Кидда на побережье, он приказал отправить вооруженный шлюп в погоню за ним.

Очевидно, что Кидд был тогда одним из самых несчастных людей. Его репутация была испорчена, жизненные перспективы разрушены, его спутниками были кровожадные пираты, которых он не мог не презирать, и ему грозила бесславная смерть на эшафоте.

С трепетом он подошел к Нью-Йорку. Поскольку его судно нуждалось в ремонте, он зашел в залив Делавер и ненадолго остановился в Льюистоне. Это было в начале июня 1699 года. Именно отсюда Белломонт узнал о его прибытии. Здесь один из пиратов, человек по имени Гиллам, ушел, имея при себе тяжелый сундук, нагруженный плодами его грабежей.

Кидд вскоре покинул гавань и таким образом избежал шлюпа, отправленного в погоню за ним. Вместо того чтобы плыть прямо в Нью-Йорк, он в растерянности следовал вдоль южного побережья Лонг-Айленда, пока не достиг его восточной оконечности, а затем, свернув в Саунд, осторожно пробрался к Ойстер-Бей. Отсюда он написал письмо Белломонту, а также еще одно очень любовное письмо жене и детям. В письме к графу он написал:

"Причина, по которой я не отправился прямо в Нью-Йорк, заключается в том, что шумные и лживые истории, которые обо мне рассказывали, заставили меня опасаться посещать или заходить в какую-либо гавань, пока я не получу известие от вашей светлости".

В ответ на эти письма из Нью-Йорка прибыл адвокат по имени Эмот, который посетил Кидда на борту "Антонио". Он принес капитану известия о его семье, а также важную информацию о том, что граф Белломонт в то время отсутствовал в Бостоне. Кидд поручил Эмоту немедленно отправиться в Бостон, чтобы получить от графа обещание обеспечить безопасность, если Кидд посетит его там.

"Сообщите графу, - сказал Кидд, - что люди, номинально находящиеся под моим командованием, совершали бесспорные пиратства. Но это никогда не происходило по моему попустительству или согласию. Когда эти деяния совершались, люди находились в состоянии мятежа, совершенно неподконтрольного мне. Не обращая внимания на мои настоятельные приказы, они запирали меня в каюте и совершали преступления, которые я не контролировал и за которые не нес никакой ответственности".

На это граф ответил: "Скажите капитану Кидду, что я обещаю ему свою защиту, если его заявление окажется правдой".

Кидд все еще находился в состоянии плачевного волнения. Доказать его слова было нелегко. Не было никаких доказательств, которые он мог бы привести, кроме показаний самих пиратов. И совсем не похоже, что они захотят сильно преувеличить свою вину, оправдывая его. Однако он отважился дойти до острова Блок. Оттуда он снова написал Белломонту письмо, в котором протестовал против своей невиновности и много говорил о преданности, с которой он посвятил себя интересам владельцев "Приключений". Он также послал леди Белломонт в подарок драгоценности на сумму триста долларов. Леди графа некоторое время хранила эти подарки от запрещенного пирата и преступника. Впоследствии, когда ее упрекнули в этом, они были переданы в общую опись вещей Кидда. Граф извинился за то, что оставил их у себя, сказав, что опасается, что, если они будут отвергнуты, даритель будет так оскорблен, что граф не сможет получить желаемые события.

Во время пребывания на острове Блок миссис Кидд с детьми присоединилась к капитану Кидду под присмотром мистера Кларка. Всех их приняли на борту "Антонио", и Кидд с бледными щеками и трепещущим сердцем отплыл в Бостон. Поскольку мистер Кларк пожелал вернуться в Нью-Йорк, Кидд свернул с курса и высадил его на острове Гардинерс. Капитан Кидд не рискнул сойти на берег в этом месте. Но по какой-то необъяснимой причине он передал на хранение мистеру Гардинеру, владельцу острова, весьма значительную часть своих сокровищ. Затем он отплыл в Бостон и вошел в гавань первого июля 1699 года.

Почти неделю он оставался на своем судне и спокойно передвигался по улицам. Шестого июля к нему подошел офицер, положил руку на плечо Кидда и сказал: "Вы - мой пленник". Пират попытался выхватить меч. Возможно, это было инстинктивное движение. А может быть, он сознательно предпочел быть зарубленным на месте, а не подвергаться суду. Вмешались другие. Его схватили и обезоружили, а меч остался в ножнах.

Очевидно, что было очень много шансов на то, что суд закончится в пользу Кидда. Закон гласит, что каждый человек должен считаться невиновным, пока его вина не *будет доказана*. Пиратство Кидда совершалось на другом конце земного шара. Никто из его жертв не мог выступить против него. Не было никого, кого можно было бы привлечь в качестве свидетелей, кроме его собственных матросов, которые не захотели бы признать, что участвовали в пиратском плавании, что обрекало бы их на виселицу. Поэтому, казалось бы, на пути его осуждения стояли непреодолимые трудности.

Миссис Кидд, приехав из Нью-Йорка на остров Блок с детьми, чтобы присоединиться к мужу, взяла с собой служанку, около трехсот долларов деньгами и несколько ценных предметов из пластины. Все это было конфисковано вместе со всеми вещами, находившимися на борту "Антонио", а сокровища переданы на хранение на остров Гардинерс, куда их доставило судно, посланное в Бостон с этой целью.

Вся сумма оказалась гораздо меньше, чем ожидалось. Там было одиннадцать сотен и одиннадцать унций золота, две тысячи триста и пятьдесят три унции серебра, пятьдесят семь мешков сахара, сорок один тюк товаров и семнадцать кусков холста. Миссис Кидд обратилась к губернатору и совету с просьбой вернуть ей ее имущество, что и было сделано.

Небольшое количество найденного имущества вызвало подозрение, что, медленно проплывая по водам Лонг-Айленд-Саунд, Кидд наверняка зарыл на острове Наперсток и в других местах побережья большое количество золота и драгоценностей. И действительно, трудно объяснить, что стало с огромными сокровищами такого рода, которые, как предполагается, он нашел у торговца Кведага. Эти слухи усилились после заявления о том, что, пока Кидд находился на острове Блок-Айленд, из Нью-Йорка пришли три шлюпа и ушли

с частью его сокровищ. Кидд признал это, но сказал, что товары принадлежали его людям и были отправлены ими.

Сразу же по прибытии Кидда граф послал за ним и провел довольно долгую беседу, правда, в присутствии свидетелей. Был тщательно составлен рассказ о его предполагаемых действиях. Миссис Кидд поселилась в пансионе, который содержал мистер Дункан Кэмпбелл. Граф внимательно следил за Киддом, намереваясь, по его словам, в конце концов арестовать его. Но он счел целесообразным потянуть с ним время, чтобы выяснить масштабы его приключений и то, как он распорядился приобретенным имуществом. Кидд прислал в пансион несколько золотых пылинок и слитков, которые, по его словам, предназначались в подарок даме графа. Они были оценены примерно в четыре тысячи долларов. При обыске в доме их нашли между двумя пуховыми перинами.

Поскольку Кидд, похоже, не желал открываться, а граф опасался, что в бурную ночь он может сбежать, он решил держать его в тюрьме. Это привело к его аресту, о котором мы уже упоминали, на шестой день после его прибытия. Арест произошел на улицах Бостона, недалеко от дверей резиденции графа. В то же время несколько комиссаров завладели его шлюпом. Они изъяли и изучили все его бумаги, а также поставили охрану над имуществом. Довольно много его людей также были арестованы, всего двенадцать человек, по обвинению в пиратстве и грабеже в открытом море. Предполагается, что остальные сбежали.

Семнадцатого июля в Бостон прибыл капитан Николас Эвертс с заявлением, на которое мы уже ссылались, о том, что Болтон, оставшийся за главного на судне "Куэдаг Мерчант", перенес его груз на другое судно, перевез товары в Куракоа и поджег "Мерчант". Он показал, что видел пламя горящего корабля, когда тот огибал побережье Сан-Доминго.

Кидд и его единомышленники-пираты содержались под стражей в Бостоне в течение нескольких месяцев. Тем временем сведения об их поимке были отправлены в Лондон. Правительство страны отправило военный корабль, чтобы доставить их в Англию для суда. Во всей Великобритании и в этой стране царил сильное волнение, вызванное распространившимися слухами о сотрудничестве Кидда с королем и некоторыми представителями министерства. С момента его ареста прошло уже много месяцев, а он все еще не предстал перед судом. Корабль, отправленный для доставки его в Лондон, попал в сильный шторм и был отведен назад. Это вызвало дополнительную задержку и усилило волнение. Поговаривали, что министерство, заботясь о собственной репутации, решило не предавать его суду. Таким образом, во всей Англии его перестали рассматривать как обычного пирата и возвели в достоинство человека, имеющего право на государственный суд.

Сразу же после прибытия Кидда палата общин направила королю петицию с просьбой отложить суд над ним до следующего парламента. Вопрос о его виновности или невинности настолько увяз в политических проблемах, что сильная партия была готова приложить максимум усилий, чтобы добиться его осуждения. Они настаивали на отсрочке, мотивируя это тем, что такой срок необходим для получения из Индии документов и показаний под присягой, касающихся его операций. В результате Кидд и его спутники были заключены в Ньюгейтскую тюрьму на целый год.

В это же время Палата общин вынесла обвинительный приговор графу Оксфорду и лорду Сомерсу за их связь с Киддом и за чрезвычайное поручение, которое они способствовали передаче его в руки. Утверждалось, что ему были даны поручения и гранты, которые наносили большой ущерб интересам торговли и были бесчестны по отношению к королю. В соответствии с этим поручением Кидд мог захватить любое судно и, не передавая вопрос на

рассмотрение какого-либо суда, по собственному желанию объявить его пиратским. После этого он мог конфисковать корабль и груз в свое пользование и распорядиться командой любым способом, который покажется ему наилучшим. Именно так он и поступил в соответствии с решением комиссии.

Это были, безусловно, очень необычные полномочия. Утверждалось, что они противоречат законам Англии и Биллю о правах. На эти аргументы друзья обвиняемых дворян ответили, что пираты - враги рода человеческого; что в этом качестве любой человек имеет право уничтожить их и захватить собственность, которую они так незаконно приобрели и на которую у них нет законного права. Также было заявлено, хотя, возможно, королевская комиссия вряд ли подтвердила бы это утверждение, что Кидд был уполномочен захватывать только ту собственность, для которой не было найдено другого владельца. Разумеется, не было предусмотрено никаких мер по поиску такого владельца. Однако, как утверждалось, и весьма правдиво, комиссия содержала важную оговорку:

"Мы также требуем, чтобы вы доставили или обеспечили доставку таких пиратов, вольных разбойников или морских бродяг, которых вы захватите, для судебного разбирательства, чтобы они могли быть привлечены к ответственности в соответствии с законом, принятым в таких случаях".

Тот факт, что Кидд полностью проигнорировал эти инструкции, объявив себя судом, который должен судить и осуждать, не может быть справедливо выдвинут в качестве обвинения против министров, которые его назначили.

По этим вопросам народные чувства разгорелись с новой силой. Стороны встали на одну из сторон. Возбуждающие слухи наполнили воздух. Уверенно утверждали, что лорды, находившиеся в то время под судом, при попустительстве министерства, чтобы избежать расследования, которое повлечет за собой суд над Киддом, поставили Большую печать Англии на помиловании пирата. Это привело антимиистерскую партию в высшую степень отчаяния. Они решили во что бы то ни стало повесить Кидда, надеясь таким образом доказать, что министры виновны в равной степени с ним. С другой стороны, сами министры пришли к выводу, что любая попытка выгородить Кидда приведет к гибели их самих. Для их репутации было необходимо, чтобы они проявили большее рвение, чем другие, чтобы привести Кидда на эшафот.

Таким образом, у несчастного пирата не было ни единого шанса на справедливый суд. Несомненно, он был виновен. Но очень сомнительно, что его вина была доказана, когда он предстал перед судом. Законопроект об импичменте против лордов не был принят. Хотя их участие вместе с Киддом в прибылях экспедиции, которая была санкционирована только их собственными официальными актами, считалось весьма предосудительным, при голосовании за импичмент высказалось всего двадцать три человека, в то время как против билля было пятьдесят шесть.

Граф Белломонт, измученный процедурой в Палате общин и зная, что против него собираются принять меры для отзыва из провинциального правительства и, возможно, для еще более сурового наказания, заболел и умер в Нью-Йорке в марте 1700 года. Так он избежал дальнейших неприятностей этого вечно беспокойного мира.

В конце 1700 года из Ост-Индии прибыли бумаги, за которыми было послано. От нескольких ост-индских купцов, подданных короля Персии, пришло прошение с подробным описанием захвата судна "Куэдаг" и просьбой вернуть им имущество, которое они таким образом лишились и большая часть которого была переправлена в североамериканские колонии. От

имени просителей в Лондон прибыл очень уважаемый ост-индеец по имени Коги Баба. Его вызвали в Палату общин. В то же время сам Кидд был доставлен из своей тюрьмы в коллегия адвокатов.

После допроса в палате было внесено предложение объявить недействительным пожалование графу Белломонту и другим членам компании всех сокровищ, захваченных Киддом. Но это предложение было отклонено. Затем было проведено голосование, в ходе которого короля просили немедленно возбудить дело против капитана Кидда за пиратство и убийство. В соответствии с этим обвинением он предстал перед судом в Олд-Бейли в 1701 году.

Вместе с ним судили и нескольких сообщников Кидда. Некоторые из них попросили короля о помиловании, заявив, что сдались в течение срока, ограниченного королевской прокламацией. Губернатор Нью-Джерси, полковник Басс, присутствовавший в суде, подтвердил истинность этого утверждения, поскольку капитуляция была совершена именно ему.

На это ему ответили: "В прокламации были названы четыре комиссара: Томас Уоррен, Израэль Хейс, Питер Деланойе и Кристофер Поллард. Эти комиссары были посланы в Америку для получения покорности от тех пиратов, которые сдадутся. Никакие другие лица не имели права принимать их капитуляцию. Поэтому они не выполнили условия прокламации".

Они были осуждены и повешены. Один из членов экипажа, Дарби Малленс, выступил со следующей убедительной защитой:

"Я служил по поручению короля. Поэтому я не мог ослушаться своего командира, не подвергнув себя самому суровому наказанию. Когда корабль отправляется в экспедицию по приказу короля, людям никогда не разрешают призвать своих офицеров к ответу. От них требуется беспрекословное повиновение. Любой другой курс разрушил бы всю дисциплину. Если совершается что-то противозаконное, офицеры должны за это отвечать, потому что люди, подчиняясь приказам, делают только то, что является их долгом".

Суд ответил: "Когда человек действует по приказу, он оправдан только в том, что делает то, что законно, а не то, что незаконно".

Заклученный ответил: "Я ни в чем не нуждаюсь, чтобы оправдать себя в том, что законно. Но случай моряка очень тяжел, если он подвергается бичеванию или расстрелу, если отказывается повиноваться своему командиру, и повешению, если повинуется ему. Если бы моряку было позволено оспаривать приказы своего капитана, в море не могло бы существовать такого понятия, как командование".

Суд ответил: "Команда, в которую вы входили, брала часть добычи; она несколько раз бунтовала; она бралась контролировать капитана; она не обращала внимания на комиссию; она действовала во всем по обычаям пиратов. Вы виновны и должны быть повешены". Его повесили.

Кидда судили за пиратство и убийство Уильяма Мура. Ему не предоставили адвоката, а оставили возможность самому строить свою защиту. В целом, проходя через это страшное испытание, он выглядел на редкость хорошо. Открывая свою защиту, он сказал:

"Я был купцом в Нью-Йорке, с хорошей репутацией и в хороших обстоятельствах, когда мне предложили принять участие, согласно королевской комиссии, в похвальном деле

подавления пиратства. Мне не было нужды самому участвовать в пиратских приключениях. Люди, как правило, были отчаянными личностями, и они подняли мятеж против меня. Я потерял над ними всякий контроль. Они делали все, что хотели. Они угрожали расстрелять меня в моей каюте. Девяносто пять человек дезертировали в один момент и уничтожили мою лодку. Таким образом, я лишился возможности привести корабль домой. Следовательно, я не мог предъявить призы ни одному суду, чтобы они были осуждены. Все они были взяты в соответствии с комиссией, за широкой печатью, и у них были французские документы".

Когда присяжные были созваны, и ему предложили найти причину, если он того пожелает, для исключения кого-либо из них, он ответил

"Я не буду вызывать никого. Я не знаю ничего, кроме того, что все они честные люди".

Во время процесса Кидд был очень взволнован и часто прерывал суд своими восклицаниями и объяснениями. Сначала его судили за убийство Уильяма Мура. В этом обвинительном заключении очень подробно описывалось событие, говорилось, что канонир умер от смертельного ушиба, полученного от рук капитана; что с тридцатого дня октября по тридцатый день он томился, томился и жил, но на тридцатый день умер; и что Уильям Кидд, преступно, добровольно и по злему умыслу, убил и убил его.

На это Кидд ответил, и, вероятно, совершенно искренне, как мы уже говорили, что у него не было намерения убивать этого человека; что он убил его, чтобы подавить мятеж и предотвратить участие команды в жестоком акте пиратства; что его совесть никогда не осуждала его за этот поступок, и что он чувствовал, что за него он заслуживает скорее одобрения, чем порицания.

Он рассказал очень простую, незамысловатую историю, которая, если она правдива, а ее правдивость невозможно опровергнуть, оправдывает его в этом деле. Разумный читатель этого повествования поймет, что было много подтверждающих обстоятельств, подтверждающих точность его рассказа.

"Я сообщу суду, - сказал он, - о фактах в точности, как они имели место в данном случае. Мы находились примерно в трех милях от голландского корабля, когда я заметил, что многие из моих людей взбунтовались и требуют его захвата. Мур, обращаясь к мятежникам, сказал, что он может предложить план, по которому корабль может быть захвачен, и при этом все, кто участвовал в этом предприятии, будут в полной безопасности.

"И как же это сделать, - спросил я?

Он ответил: "Мы вызовем корабль, пригласим капитана и офицеров на борт, чтобы они посетили наших офицеров. Пока они будут находиться в каюте с нашим капитаном, мы сядем в лодки и разграбим корабль. Капитан закроет глаза и заткнет уши, и тогда он и офицеры смогут засвидетельствовать, что корабль не был захвачен".

На это я ответил: "Это было бы предательством, подобным иудиному, - грабить корабль под видом дружбы. Я не смею так поступать".

"Мы должны это сделать", - ответил Мур. Мы уже нищие. У нас нет другого выхода. Вы привели нас к полному разорению".

"Неужели мы должны быть виновны в преступлении, - сказал я, - что захватили этот корабль, потому что мы бедны?

"На это Мур и мятежники так разбушевались, что я схватил случайно оказавшееся под рукой ведро с помоями. В порыве страсти я ударил его, не собираясь убивать. Если бы я предвидел его смерть, мне не следовало бы использовать столь грубое и случайное оружие. Я искренне сожалею, что убил его. И если этот поступок не может быть оправдан как предотвращение мятежа, он, безусловно, не должен быть признан чем-то большим, чем непредумышленное убийство".

В этих аргументах было много силы. По меньшей мере сомнительно, что разумные присяжные в наше время при таких показаниях вынесли бы вердикт о виновности в убийстве первой степени. Один из тех, кто внимательно изучил все заседания суда по этому делу, пишет

"И все же, решив повесить его во что бы то ни стало, адвокаты давали подсказки, свидетели били в лоб, а присяжные после утомительного повторения получили указание признать его виновным".

Так и было сделано. Его объявили убийцей Джона Мура, и за это преступление он был обречен на смерть.

На следующий день его судили по обвинению в пиратстве. Двое из его команды, которые, по их признанию, участвовали в его пиратских похождениях, выступили в качестве свидетелей. Один из них был палубным матросом по имени Палмер. Другой - хирург, по имени Брэдингем. Кидд подверг их тщательному перекрестному допросу, но их рассказы полностью совпали, были прямыми и последовательными.

Единственной защитой Кидда было то, что он действовал только как капер, по поручению Его Величества. Он заявил, что никогда не захватывал корабль, который, по его мнению, не был бы французским, не принадлежал бы французским владельцам и не ходил бы под французскими документами. Едва ли можно сомневаться в том, что это заявление было абсолютно ложным. Кидд предположил, что оба свидетеля против него были жалкими бродягами, чьи показания не заслуживали ни малейшего доверия. Касаясь показаний Брэдингема, он воскликнул:

"Этот человек противоречит сам себе в сотне мест. Он говорит тысячу неправд. Он знает об этих вещах не больше, чем вы. Этот парень спал пять или шесть месяцев вместе в трюме".

В другой раз, когда свидетельство было сильно направлено против него, он горько воскликнул:

"Тяжело, что жизнь одного из подданных короля должна быть отнята под лживыми клятвами таких негодяев, как эти. Поскольку я не поддался их желанию и не стал пиратом, они теперь пытаются доказать, что я был им".

Когда генеральный прокурор спросил, есть ли у Кидда еще вопросы к свидетелям, тот в отчаянии ответил:

"Нет! Нет. Брэдингем спасает свою жизнь, отнимая мою. Я не стану больше беспокоить суд, ибо это глупость. Пока эти люди будут клясться так, как они это делают, никакие мои клятвы не помогут".

Приговор был вынесен. Судья огласил страшный приговор:

"Уильям Кидд, приговор, который закон назначил вынести тебе за твои преступления и который этот суд выносит, состоит в том, что ты, упомянутый Уильям Кидд, должен

отправиться отсюда в то место, откуда пришел, а оттуда - к месту казни, где тебя повесят за шею, пока ты не умрешь. И да будет милостив к твоей душе Бог бесконечного милосердия".

Кидд ответил: "Милорд, это очень тяжелый приговор. Со своей стороны, я самый невинный человек из всех. На меня давали клятву лжесвидетели".

ГЛАВА V.

Кидд и Стеде Боннет.

Вина Кидда.- Слухи о зарытых сокровищах.- Откровения Месмерика.- Приключения Брэдиша.- Станный характер майора Боннета.- Его пиратства.- Встречи.- Признаки безумия.- Не искушение стать пиратом.- Черная борода.- Боннет низложен.

Мистер Чарльз Эллиот в своей "Истории Новой Англии" пишет: "Похоже, что те, кого в Англии обвиняли в пособничестве капитану Кидду, считали необходимым начать активное преследование и показать пример, чтобы удовлетворить бурное общественное мнение. Он предстал перед судом, был осужден и приговорен за убийство Уильяма Мура, одного из своих матросов, которого он ударил во время ссоры.

"Это, похоже, была единственная кровь, пролитая против него; обвинение в пиратстве вряд ли могло быть доказано. По обычаю того времени, Кидду не предоставили адвоката. Он оправдывался за содеянное, но суд обошелся с ним грубо; а Ливингстон, который был одним его партнеров и поручителей, завладел его бумагами и отказался отдать их ему.

"Кидд, вероятно, и не думал быть обвиненным в пиратстве и не считал себя пиратом; и если бы против его партнеров не было выдвинуто обвинение, он бы не умер на виселице. Его повесили в Казненном доке 12 мая 1701 года, и вся Англия была потрясена делами пирата Кидда. То, что Кидда повесили как пирата, а не отпраздновали как победителя, - чистая случайность".

Эти события произошли сто семьдесят пять лет назад. И все же, по какой-то необъяснимой причине, в то время как сотни других событий, гораздо более значимых, канули в Лету, имя капитана Кидда с того часа и до сих пор является почти обиходным словом как в Англии, так и в Америке.

Многие считали, что судно "Кведагский купец", вместо того чтобы сгореть в море, было приведено ночью в реку Гудзон и затонуло недалеко от Хайленда с большей частью своих сокровищ на борту. Несколько обстоятельств, казалось, подтверждали это утверждение. У основания Дандерберга можно было увидеть затонувший, глубоко в русле реки и почти погребенный в ее песках, обломок какого-то большого корабля. Был опубликован памфлет под названием:

"An Account of Some of the Traditions and Experiments Respecting of Captain Kidd's Piratical Vessel" ("Рассказ о некоторых преданиях и опытах, связанных с пиратским судном капитана Кидда").

Традиции, о которых здесь идет речь, утверждали, что судно Кидда "Куэдагский купец", груженное сокровищами Востока, было преследовано вверх по Северной реке английским

военным кораблем. Кидд, обнаружив, что спастись невозможно, собрал столько денег, сколько смог унести, и поджег корабль, оставив на борту большую часть золота и серебра. С частью команды он поднялся по реке гораздо дальше, на лодках, и затем пересек страну, через дикую местность, к Бостону.

Эти предания приукрашены множеством романтических историй. Говорят, что когда он и его товарищи по пиратскому походу шли по реке, они пришли к бревенчатому дому в лесу. Хозяин дома отсутствовал на работе. Женщина, решив, что это дикари, в ужасе убежала при их приближении. В испуге она оставила одного из своих детей. Кровавый пират Кидд в порыве беспечности пронзил ребенка мечом.

Старый индеец, забредший далеко в Мичиган, рассказал, что он был на берегу реки, когда пираты подожгли корабль и сели в лодки. Он очень красочно описал полуночную сцену, как, сгинув во мраке леса, он увидел ее в ярком освещении пылающего судна. Ему пришлось проделать весь путь от Мичигана до Гудзона, чтобы указать место затонувшего судна. В глубине воды виднелись обугленные бревна. Была опубликована еще одна брошюра, озаглавленная:

"Чудесное месмерическое откровение, в котором рассказывается об обнаружении и описании затонувшего судна возле Колдуэллс-Лэндинг, предположительно принадлежащего пирату Кидду; включая рассказ о его характере и смерти, на расстоянии почти трехсот миль от этого места".

Это странное гипнотическое откровение было получено от миссис Честер, жены Чарльза Честера из Линна, штат Массачусетс. Она заявила, что никогда ничего не слышала о затонувшем судне; что никогда не была на реке Гудзон; что никогда не читала и не слышала о карьере Кидда; и что с ней даже никогда не разговаривали на эту тему, пока, когда ее поместили в магнетическое состояние, ей не было сделано необычное откровение.

Находясь в этом магнетическом состоянии, она увидела затонувшее судно самым ясным зрением. Ее глаза, наделенные сверхъестественной силой, пронзали воду, бревна, песок и сундуки. Там она увидела слитки массивного золота, груды серебряных монет и драгоценные камни, в том числе множество крупных и блестящих бриллиантов. Драгоценности были упакованы в простреленные мешки из прочного холста. Мешки истлели, а драгоценности лежали блестящими кучками. Она также увидела "золотые часы, похожие на утиные яйца в пруду", и прекрасно сохранившиеся останки очень красивой женщины с ожерельем из крупных и блестящих бриллиантов на шее.

Как раз на этом месте был замечен мужчина, который, как показалось миссис Честер, был капитаном Киддом. Это был крупный, крепкий мужчина, не очень высокого роста, с широкой грудью и плечами, толстой шеей, аквилонским носом, пронзительными глазами и головой, свидетельствующей о большой силе и всех разрушительных качествах.

Один очень способный писатель в журнале Merchant's Magazine за 1846 год с сарказмом пишет об этом завораживающем объявлении:

"Это необычайное откровение, подтвержденное традициями, представляет нам еще один триумф животного магнетизма и должно служить не только для развития этой науки, но и для демонстрации того, насколько безопаснее полагаться на традиции, чем на свидетельства, зафиксированные в судах, состоявшихся одновременно с событиями, или на официальные документы, хранящиеся в государственных архивах".

"В данном случае месмеризм сделал прогрессивный шаг; ведь он не только раскрыл то, что *сейчас* можно найти в водах *Петушиного плеса*, но и то, кто *был там* сто сорок пять лет назад. В этом новом приложении науки мы можем надеяться не только увидеть, как земля расчленяется, но и сами формы и черты древнего времени, доведенные до нашего сегодняшнего вида.

"Что еще более примечательно, если традиции существовали, как утверждается, так это то, что ни один человек или компания не взялись, когда свидетели были живы, поднять судно, особенно если учесть, что около времени сделок Кидда нашлось так много людей, достаточно доверчивых, чтобы погубить себя в напрасных исследованиях на его деньги. Но, возможно, в ту эпоху не было ни предприимчивости, как в наши дни, ни мошенничества".

Как правило, у традиции есть основания. В ее основе, как правило, лежит истина.

Как мы уже упоминали, во времена капитана Кидда моря кишмя кишели пиратами. Чтобы рассказать об их приключениях, потребовались бы целые тома. Многие из этих беззаконников совершали поступки куда более необычные и позорные, чем те, что совершил Кидд. Однако в то время был один пират по имени Брэдиш, чьи деяния в народном сознании смешались с деяниями Кидда.

Он был боцманом на корабле с таким же названием, как и тот, на котором Кидд отплыл из Нью-Йорка, - "Приключение". Корабль направлялся на Борнео, самый большой остров в мире, если признать Австралию континентом, и отплыл из Англии в марте 1697 года. Во время плавания судно остановилось на острове Полоне, чтобы набрать воды. Брэдиш, отчаянный человек, сговорился с несколькими матросами подсмотреть удобный случай, захватить корабль и отправиться в пиратское плавание.

В Полоне капитан и несколько его офицеров сошли на берег в одной из лодок. Брэдиш принял на себя командование, молча поднял якорь, расправил парус и вышел в море. Перед ними открылся широкий мир, куда они могли отправиться по своему желанию. Торговля морей разбросала свои богатства для их разбоя. На борту было около сорока тысяч долларов золотом. Эти деньги Брэдиш разделил поровну со своей пиратской командой. Затем он подготовил палубу к бою, установил на носу корабля сторожевик и начал плавание в поисках новых сокровищ.

Они направили свой курс к американскому побережью. Какие суда они захватили по пути, неизвестно. Достигнув Лонг-Айленда, Брэдиш сошел на берег и передал на хранение какому-то единомышленнику большую сумму денег и драгоценности. Если бы его преследовал военный корабль, он мог бы легко вывести свое судно на берег, а команда рассеяться по лесам. Большая часть его сокровищ останется в целостности и сохранности.

Он бежал к острову Блок. Здесь они купили два небольших судна и, разделившись на две партии, разошлись, каждая взяв свою долю оставшихся сокровищ. Говорят, что их было достаточно, чтобы загрузить оба небольших судна. Многие из людей высадились на берег Род-Айленда и Коннектикута. Они вели себя очень вежливо, заходили в дома фермеров, покупали лошадей и еду, за что обильно расплачивались. Слух о высадке и рассеянии пиратов распространился. Был издан указ об их аресте. Капитан и около восемнадцати человек были задержаны, отправлены в Англию, преданы суду и казнены. Что стало с большим кораблем "Приключение", неизвестно.

Многие предполагают, что оно попало в Северную реку, а затем было затоплено и брошено вблизи Хайлендса.

На этом мы прощаемся с капитаном Киддом, предоставляя нашим читателям самим составить мнение о степени похвалы или порицания его характера на основании приведенных здесь фактов.

Примерно в то же время, когда Уильям Кидд переживал свои странные приключения, на сцене появился еще один буканьер, чей характер и карьера были еще более поразительными. На Барбадосе жил джентльмен, отличавшийся богатством, положением и образованностью, по имени Стеде Боннет. Он обладал большим состоянием и пользовался большим уважением за свою интеллектуальную культуру и благородный характер. Казалось, он не подвергался никакому искушению вступить на путь виновной и опасной жизни пирата. Его меланхоличная судьба вызывала скорее жалость, чем осуждение, поскольку было принято считать, что он стал жертвой какой-то странной психической галлюцинации, которая, по крайней мере, в какой-то степени освобождала его от моральной ответственности.

Некоторые домашние горести сделали его несчастливym в своем доме. За свой счет он построил шлюп, вооруженный десятью пушками, и укомплектовал его семьюдесятью матросами - отчаянными людьми, готовыми на любые подвиги и преступления. Шлюп он назвал "Месть". В его намерения входило напасть на испанскую торговлю, которую ни один из английских судов в то время не стал бы карать как пиратство.

Но он сразу же начал карьеру пирата, захватывая и грабя каждое встречное судно, не обращая внимания на то, под каким флагом оно плавают. Его первое плавание состоялось у мысов Виргинии. Первым судном, с которым он столкнулся, была "Анна" из Глазго. Несколько пушечных ядер, брошенных через нос судна, привели его в чувство. Его лодки, наполненные вооруженными до зубов бесноватыми, поднялись на борт злополучного приза и разграбили его, забрав все, что пираты пожелали: деньги, одежду, провизию и боеприпасы. Затем кораблю разрешили продолжить путь.

Прошел день или два, и на далеком горизонте показался еще один парус. Вскоре его нагнал быстроходный шлюп, распутивший чудесное облако парусины. Это оказался "Турбет" с его собственного острова Барбадос. Вместо того чтобы отнестись к нему по-доброму, он безжалостно разграбил его, посадил команду в лодки, чтобы они, как могли, добирались до берега, и поджег судно.

Едва дым и пламя горящего судна скрылись из виду, как показался еще один парус. Это оказалось судно "Индевор" из Бристоля. У него было похищено все ценное. Вскоре та же участь постигла и другое судно. Это был "Янг" из Лейта.

Стеде Боннет не был моряком. Он не был знаком с навигацией. Однако он нанял опытного моряка, чтобы тот управлял судном, подчиняясь его командам как владельца всего предприятия. После этого короткого и очень успешного плавания по побережью Вирджинии он приказал отвести шлюп к берегам Новой Англии. Когда они проходили мимо восточной оконечности Лонг-Айленда, им встретилось судно, направлявшееся из одной из колоний Новой Англии в Вест-Индию. Оно было немедленно разграблено.

Стеде Боннет выступил на остров Гардинера, где высадился вместе с частью своей команды. Он вел себя очень по-джентльменски, вежливо обращался ко всем, кого встречал, сделал

много покупок и щедро заплатил за все, что взял. Затем он взял курс на Южную Каролину и прошел вверх и вниз до гавани Чарльстона. Два судна, вошедшие в гавань, он захватил почти одновременно. Одно из них было барбадосским шлюпом, груженным ромом, сахаром и неграми. Другой - бригантину из Новой Англии. Трюм "Мести" был уже набит добычей, а для негров места не было. Поэтому, взяв те немногие вещи, которые им были нужны, они высадили команду и негров на остров, а барбадосский шлюп безрассудно столкнули на берег и подожгли. Бригантину Новой Англии они ограбили, забрав все деньги и другие ценные вещи, которые им были нужны, и отпустили ее.

Во время этого плавания они встретили в компании пиратов еще одно пиратское судно, которым командовал отчаянный англичанин по имени Эдвард Тич. Из-за массы волос, покрывавших его лицо, он был известен под именем Черная Борода. Его борода доходила до глаз, была очень черной и такой длинной, что он привык заплетать ее в косы и скручивать лентами в кии, или хвосты, которые вешал на уши. Говорят, что внешне он был отвратительным чудовищем. Этот злодей захватил большой и очень крепкий восточноиндийский корабль, на котором установил сорок тяжелых пушек. С этим мощным вооружением он бороздил моря, бросая вызов всем нападавшим. Однажды он столкнулся с тридцатипушечным британским кораблем. После нескольких часов боя корабль бежал и укрылся в гавани Барбадоса под защитой пушек форта.

Продолжая свой триумфальный поход, Тич наткнулся на пиратский шлюп Бонне. Обнаружив, что Боннет ничего не смыслит в морском деле, он без труда организовал заговор среди своих людей, сместил его и поставил одного из своей команды, человека по имени Ричардс, командовать "Возмездием". Таким образом, у него появилось два судна, на которых он мог продолжить свою незаконную карьеру. Он взял свергнутого капитана на борт своего корабля, сказав ему с язвительной улыбкой:

"Я понимаю, мой дорогой сэра, что вы не привыкли к заботам и усталости, связанным с командованием судном, и я избавлю вас от них. Вам будет гораздо приятнее жить в свое удовольствие в моей каюте. Там у вас не будет никаких обязанностей, и вы сможете следовать своим наклонностям".

Карьера этого самого свирепого из пиратов была столь странной, что мы должны на время оставить Стеде Бонне и посвятить отдельную главу этому извергу в человеческом обличье по имени Черная Борода.

ГЛАВА VI.

Приключения Эдварда Тича, или Черной Бороды.

Захват "Протестантского Сезара" - Пиратская эскадра - Виллания буканьеров - Злодеяния Черной Бороды - Иллюстрированные анекдоты - Карусели на берегу - Предполагаемое сообщничество с губернатором - Место укрытия в районе залива Окрэкок - Замысел его поимки - Шлюпки, посланные с двух военных кораблей - Кровавая битва - Смерть пирата - Его отчаянный и демонический характер.

Черная Борода, захватив "Месть", поднял черный флаг пиратства на обоих своих судах. Вскоре он захватил третье судно, которое укомплектовал и вооружил, пополнив свою

пиратскую эскадру. Войдя в Гондурасский залив, он взял из Бостона корабль под названием "Протестантский Сезар" и четыре шлюпа. Капитан "Протестанта Сезара" Уайар, когда над его палубой засвистели пиратские шары, бросил корабль и, сев в лодки, со всей командой сбежал на берег. Один из шлюпов также принадлежал Бостону. Разграбив корабль и шлюп, они подожгли их в отместку, потому что они принадлежали Бостону, где несколько человек были повешены за пиратство. Три других шлюпа они разграбили, а затем отпустили.

Затем они некоторое время продолжали плавание среди Вест-Индских островов, захватывая судно за судном. Затем, приплыв к побережью Южной Каролины, они в течение недели курсировали вверх и вниз перед гаванью Чарльстона. Здесь они захватили корабль, направлявшийся в Лондон, с несколькими пассажирами, командиром которого был капитан Роберт Кларк. Они также захватили три судна, заходившие в порт, на борту одного из которых было четырнадцать негров.

Столь сильные пиратские силы, появившиеся в этой важной гавани, повергли в ужас всю провинцию. Они были совершенно не в состоянии противостоять такому вооружению. В гавани стояло восемь судов, готовых к выходу в море. Они не осмеливались выйти в море и даже боялись, что пираты войдут в гавань и захватят их. Таким образом, торговля в этом месте на какое-то время была полностью разрушена. Тяжесть бедствия усугублялась тем, что провинция только что пережила дорогостоящую и изнурительную войну с индейцами.

Тич испытывал острую нужду в лекарствах. Поэтому он задержал все захваченные им суда с экипажами и пассажирами и отправил капитана Ричардса на корабле "Мечь" в Чарльстон со следующим посланием губернатору:

"Мне нужен сундук с лекарствами. Пришлите мне такой сундук на предъявителя. Если вы не выполните это мое требование немедленно, не применяя никакого насилия к лицам моих послов, я отрублю головы всем пленникам, находящимся в моих руках, и отправлю их к вам, а также сожгу все корабли".

Мистер Маркс, один из пленников, был отправлен с Ричардсом и другими пиратами, чтобы предъявить это требование. Пока мистер Маркс обращался с этим заявлением к губернатору и совету, Ричардс и его пиратская шайка нагло разъезжали по улицам с саблями в руках и пистолетами на поясах. Горожане находились в состоянии наивысшего негодования, но не осмеливались произнести ни слова и даже нахмуриться. Злодеи безнаказанно вернулись на свои корабли, унеся с собой сундук с лекарствами стоимостью в две тысячи долларов. На карту были поставлены жизни стольких мужей, сыновей и братьев, что общество жаждало примирения с пиратами.

Черная Борода, получив сундук, освободил суда и пленников. Он забрал с кораблей золотые и серебряные монеты на сумму в семь тысяч долларов, а также провизию и другие ценные вещи. Затем они отплыли к побережью Северной Каролины. Корабль Черной Бороды они называли "Человек войны". Одним шлюпом, как мы уже упоминали, командовал Ричардс. На другой шлюп Черная Борода посадил в качестве командира человека по имени Руки (). У него также было еще одно судно, которое служило тендером. Таким образом, пиратская эскадра теперь состояла из четырех судов.

Количество награбленного, денег и товаров, было очень велико. Черная борода разработал план, как заполучить почти всю добычу для себя и еще для нескольких своих фаворитов в банде. Поэтому под предлогом ремонта он посадил свой корабль на мель в заливе Окрэкок. Он вызвал на помощь шлюп Хэндса и перегнал его на берег.

Затем он поднялся на борт тендерного шлюпа, где собрал своих единомышленников, числом сорок человек, и хранил всю монету и множество самых ценных вещей. Семнадцать человек из команды, от которых он хотел избавиться, он высадил на небольшой песчаный остров в трех милях от материка. Здесь они были обречены на гибель, не имея ни пищи, ни воды, ни возможности спастись. На острове не было ни птиц, ни зверей, ни трав.

Король, как мы уже упоминали, издал указ о помиловании всех пиратов, которые сдадутся. Этот отъявленный негодяй с двадцатью своими товарищами приплыл к резиденции губернатора, сдался и получил полное помилование за все свои прошлые преступления, сохранив при этом награбленное богатство. Это было сделано без намерения отказаться от своего образа жизни, а лишь для того, чтобы получить передышку и подготовиться к будущим действиям.

Боннет остался позади, вместе с "Возмездием". Он снова, с частью людей, принял на себя командование кораблем, которого лишился. Но мы должны оставить его на время, пока не проследим карьеру Черной Бороды.

Чарльз Иден был тогда губернатором Северной Каролины. Он был либо очень коррумпированным, либо очень простым человеком. Губернатор отдал Черной Бороде в полное владение захваченный им корабль, который он назвал "Месть королевы Анны". Состоялся адмиралтейский суд, и хотя Тич никогда не получал никаких заказов как капер, и это было мирное время, а "Королева Анна" принадлежала английским купцам, она была осуждена как приз, захваченный у испанцев, и признана принадлежащей Тичу.

Черная Борода пробыл несколько недель в столице провинции, обратился к красивой шестнадцатилетней девушке и был обвенчан с ней губернатором, который, вероятно, получил от пирата очень богатые подарки. Его биограф утверждает, что это была четырнадцатая жена Тича, двенадцать из которых остались в живых. Вскоре он снова вышел в море под черным флагом пирата. Он взял курс на Вест-Индию, захватив по пути два или три английских корабля, которые он разграбил, но оставил корабли и команду невредимыми. Затем он захватил два французских корабля. Грузы обоих он сложил в один. Экипажи обоих он разместил на другом и отправил их в плавание. С богатым призом он вернулся в Северную Каролину и разделил добычу с губернатором.

Черная борода и четыре человека из его команды сошли на берег и дали торжественную клятву, что нашли французский корабль в море брошенным и без единой души на борту. Любопытно наблюдать, к каким ухищрениям прибегают люди, чтобы успокоить угрызения совести. Сняв с корабля всю компанию, капитан и команда шлюпки поднялись на борт и действительно нашли его "без единой души на борту". Таким образом, они убедились, что не давали ложной клятвы. В соответствии с этими показаниями суд признал французское судно законным призом. Губернатор получил шестьдесят голов сахара на свою долю. Мистеру Найту, его секретарю, сборщику порта, досталось двадцать. Всю остальную добычу пираты поделили между собой.

Французское судно все еще оставалось в руках пирата. Он очень боялся, что в реку может войти какое-нибудь судно, знакомое с ней, и его злодейство будет раскрыто. Он поджег судно и сжег его у самой кромки воды, а днище затопило. Черная борода еще некоторое время крейсировал вдоль берегов Памлико Саунд. Он был богат и расточителен в обращении со своим богатством. Иногда, просто по своей неосторожности, он грабил суда. И снова он покупал вещи, платя за них в три или четыре раза больше их стоимости.

Он часто сходил на берег со своими вооруженными последователями и проводил ночи, а иногда и дни в буйном веселье. Плантаторы не осмеливались делать ему замечаний. Он был жестоким негодяем, и часто, когда он был в бешенстве от выпитого, жены и дочери плантаторов подвергались самым ужасным оскорблениям. Временами он был очень любезен, одаривая своих гостей ромом, сахаром и другими ценными вещами. Часто он принимал вид повелителя, взимал большие взносы и даже издевался над губернатором, просто чтобы показать ему, на что он осмелился пойти.

Торговцы и плантаторы совещались вместе, чтобы решить, как поступить в этой ужасной ситуации. Было ясно, что губернатор либо в соучастии с пиратом, либо потрясен им. Поэтому напрасно было надеяться на его вмешательство. Поэтому они, как можно более тайно, отправили губернатору Вирджинии письмо с просьбой выделить вооруженные силы из числа военных кораблей, стоявших в то время на перед Джеймстауном, чтобы захватить и уничтожить этого грозного пирата.

В реке Джеймс находились два корабля, "Жемчужина" и "Лайм". Губернатор посоветовался с двумя командирами. Было решено, что губернатор должен нанять два небольших шлюпа с небольшой осадкой, которые могли бы легко заходить в бухты и на отмели Памлико Саунд. Военные моряки должны были разместить на борту этих шлюпов сильную команду, состоящую из хорошо вооруженных людей. Они должны были взять с собой только стрелковое оружие, так как для установки пушек потребовались бы такие глубины, которые затруднили бы их действия. Эти шлюпы, быстро движимые как парусами, так и веслами, могли преследовать пирата во всех его укрытиях; могли догнать его, если он попытается бежать, и, одновременно высадившись на пиратское судно, могли одолеть и перебить команду.

Экспедиция была быстро снаряжена. В то же время губернатор Виргинии издал прокламацию, предлагавшую вознаграждение в пятьсот долларов за поимку живым или мертвым капитана Тича, которого обычно называют Черной Бородой; двести долларов за каждого другого командира пиратского корабля; за всех младших офицеров - семьдесят пять долларов; за каждого пирата на борту такого корабля - сорок долларов. Эта прокламация, копия которой сейчас лежит передо мной, была датирована в Уильямсбурге, 24 ноября 1718 года, и подписана губернатором А. Споттсвудом.

21 ноября два шлюпа вошли в устье залива Окракок и увидели пирата. Губернатор Северной Каролины и его секретарь мистер Найт, узнав об этих приготовлениях и опасаясь, что поимка пирата раскроет их злодеяния, послали ему предупреждение об опасности. Найт написал ему:

"Я послал вам четырех ваших людей. Это все, кого я могу встретить в городе. Будьте начеку".

Черная Борода, один из самых безрассудных и решительных десперадо, привел свое судно в готовность к обороне. В то время его команда состояла всего из двадцати пяти человек. Видя приближение шлюпов и предвкушая битву с утренней зарей, он провел ночь в пьяных кутежах. Лейтенант Мейнард, командовавший экспедицией, обнаружил, что вода слишком мелководна, а канал слишком запутан, чтобы он мог добраться до корабля этой ночью. Под покровом темноты он выслал лодку, чтобы обозначить путь.

Утро выдалось безоблачным и спокойным. Ветра почти не было, и на зеркальной поверхности Саунда не было видно ни малейшей ряби. Пирату не было спасения. Легкое дыхание, овевавшее воды, было справедливым. Шлюпы расправили паруса и, энергично взявшись за весла, понеслись на пирата. Когда они приблизились, Черная Борода встал на

своей палубе и с отвратительными клятвами, которые мы опустим, перемежая свою речь, выкрикнул:

"Вы, злодеи, кто вы и что вам нужно?".

"Наши цвета показывают, - ответил лейтенант Мейнард, - что мы не пираты".

"Пошлите свою лодку на борт, - воскликнул Черная Борода, - чтобы я мог узнать, кто вы такие".

"У меня нет свободной лодки, - ответил Мейнард, - но как только я смогу добраться до вас на шлюпах, я сам поднимусь на борт".

Черная Борода взял стакан сырого бренди. Выливая обжигающую жидкость в горло, он воскликнул в тоне ярости и в страшных ругательствах, к которым примешивалось каждое его высказывание, что если они попадут в его руки, то не получат четверти.

"Я не жду четверти, - ответил Мейнард, - и не прошу ее".

Высота борта шлюпа Мейнарда, шедшего впереди, составляла всего лишь фут. Люди, находившиеся на палубе, были полностью открыты. Черная Борода обрушил на них шквал виноградных выстрелов. Бойня была ужасной. Двадцать человек были убиты или ранены одним выстрелом. Мейнард, опасаясь нового выстрела, приказал всем оставшимся в живых немедленно спуститься в трюм, а сам остался на палубе у штурвала. Людям было приказано держать шпаги и пистолеты наготове, чтобы в момент подачи команды броситься на абордаж.

Когда шлюп приблизился к пирату, они бросили на его палубу новый вид ручных гранат. Они представляли собой обычные бутылки из-под мусора, наполненные порохом, шариками и пулями, и взрывались фитилем, пропущенным через горлышко. Они могли бы стать отличной добычей, если бы люди не были спрятаны в трюме.

Как только носы шлюпа коснулись пиратского корабля, и дым немного рассеялся, Черная Борода, увидев, что на палубе осталось совсем немного людей, крикнул своим людям:

"Все злодеи, кроме трех или четырех, сбились в кучу. Давайте прыгнем на борт и перебьем их".

Приказ был мгновенно выполнен. Четырнадцать пиратов, сверкая саблями, перепрыгнули через носы шлюпа Мейнарда на его палубу. В трюме оставалось двенадцать человек, не раненых. По сигналу они бросились наверх, и завязалась отчаянная схватка.

Черная борода бросился к лейтенанту Мейнарду, стоявшему у руля. Пистолеты были разряжены одновременно. Пират получил легкую, но не инвалидную рану. Они бросились друг на друга с мечами. В ходе ожесточенной схватки лезвие шпаги Мейнарда сломалось в его руке. Он отступил назад, чтобы вскинуть пистолет. Черная борода как раз собирался зарубить его, когда один из людей Мейнарда ударил его сзади, нанеся страшную рану на шее. В тот же момент десперадо, который, казалось, был почти нечувствителен к ранам, получил пулю в тело из пистолета лейтенанта.

Другой шлюп, названный "Рейнджер", подошел и взял пирата на абордаж. Черная борода сражался как тигр. В конце концов пистолетный выстрел пробил жизненно важную часть, и он упал замертво, получив двадцать пять ран. Еще восемь пиратов, взявших на абордаж шлюп Мейнарда, корчились в крови. Остальные, многие из которых были тяжело ранены,

выпрыгнули за борт. Тонущие несчастные кричали, требуя четвертования. Они были удовлетворены. Их оставили только для того, чтобы повесить.

Голову Черной Бороды отсекли от тела и повесили на конце бушприта шлюпа Мейнарда. С этим отвратительным трофеем он отплыл в Ньюберн, чтобы получить помощь для своих раненых людей. При изучении бумаг, найденных на борту пиратского судна, была обнаружена переписка губернатора Идена и его секретаря с пиратом. Кроме того, в Нью-Йорке было несколько купцов, которые поддерживали с ним дружеские отношения. Эти бумаги, несомненно, были бы уничтожены, если бы не отчаянная решимость пирата.

У Черной Бороды оставалось мало надежды на спасение. Поэтому он отправил одного из самых демонических пиратов со спичкой в пороховую комнату. Заверив его, что если их схватят, то непременно повесят, и что гораздо лучше умереть от собственного поступка в одно мгновение, чем погибнуть на эшафоте, он велел ему, если корабль возьмут на abordаж и захватят, чиркнуть спичкой и взорвать их всех вместе. Случилось так, что в трюме корабля находились двое заключенных. Они схватили пирата и не дали ему осуществить задуманное.

Это был тот самый Черная Борода, о котором мы уже упоминали, который однажды, разгоряченный выпивкой, сказал своим собутыльникам:

"Давайте устроим свой собственный ад и посмотрим, кто дольше всех сможет в нем продержаться".

Однажды вечером, выпивая в своей каюте с двумя или тремя собутыльниками, он тайком достал пару небольших пистолетов, задул свечу и, скрестив руки, разрядил их наугад в середину компании. Одна из пуль попала офицеру в колено и искалечила его на всю жизнь. Другая пуля, к счастью, никого не задела. Когда его спросили, зачем он это сделал, он ответил:

"Если бы я не убивал время от времени некоторых из вас, вы бы забыли, кто я такой".

В его журнале были найдены следующие записи, сделанные его собственной рукой под разными датами:

"Ром весь вышел; наша компания немного протрезвела.

"Смятение среди нас; мошенники замышляют заговор.

"Большие разговоры о разлуке.

"Взяли судно с большим количеством спиртного на борту; так что компания разгорячилась".

Очевидно, что эти безбожные несчастные вели безрадостную и жалкую жизнь. Опыт подтверждает слова Библии о том, что "путь преступника труден".

Корабль и магазины, захваченные лейтенантом Мейнардом, оценивались всего в двенадцать тысяч пятьсот долларов. Хотя этот жалкий пират растратил награбленное с большой расточительностью, предполагалось, что у него припрятаны ценные сокровища. Во время кутежа в ночь перед его поимкой один из мужчин спросил, знает ли его жена, где он зарыл свои деньги, если с ним что-нибудь случится во время помолвки. Он ответил: "Дьявол и я один знали, где они находятся. Тот из нас двоих, кто проживет дольше всех, получит все".

В плен попали шестнадцать пиратов, все они были ранены. Их доставили в Виргинию и повесили, за исключением двух, которых помиловали. Губернатор Иден был так напуган открывшимся ему фактом пособничества Черной Бороде и так боялся, что его призовут к

ответу за свое поведение, что заболел от испуга и через несколько дней умер. Его шестьдесят бочонков сахара и двадцать, которые он отдал Найту, были захвачены лейтенантом Мейнардом и конфискованы. Таким образом, все эти виновные были разорены. Часто и верно говорят, что сатана помогает своим жертвам попасть в затруднительное положение, но никогда не выручает их.

ГЛАВА VII.

Завершение карьеры Стеде Боннета.

Покинутый Черной Бородой Боннет.- Добивается помилования короля.- Принимает комиссию в качестве капера.- Спасает пиратов Черной Бороды.- Пиратская карьера.- Заходит в реку Кейп-Фир для ремонта.- Захвачен полковником Рэтом.- Конфликт.- Бегство из тюрьмы.- Преследование, суд и приговор.

Следует помнить, что Стеде Боннет был свергнут Черной Бородой. Когда Черная Борода бросил большую часть своей команды в заливе Окрэкок, а других высадил на необитаемом острове, чтобы лишить их доли добычи, Боннет остался с остальными. Его собственный шлюп, "Месть", был на берегу. Он снял его, принял на себя командование, укомплектовал пиратами и отплыл в Баттаун, где сдался, воспользовавшись прокламацией короля, и получил свидетельство о помиловании.

Как раз в это время разразилась война между Англией, Францией и Голландией, как союзниками, с одной стороны, и Испанией - с другой. Боннет отплыл из Баттауна на остров Сент-Томас, чтобы получить заказ на каперство против испанцев. Когда он был на пути в бухту, то случайно узнал от двух пиратов, что Черная Борода и его банда ушли, и что, забрав все деньги и ценные вещи, они оставили несколько человек погибать на необитаемом острове. Боннет отплыл им на помощь. Они были почти голодны, и уже день и две ночи не получали никакой пищи. Боннет нашел остров и спас их, добавив к своей команде.

Затем, вместо того чтобы отправиться в Сент-Томас за своим поручением, он направил свой курс к побережью Виргинии. Встретив судно, груженное провизией, он взял с него двенадцать бочек свинины и четыреста центнеров хлеба. Полагая, что это честный человек, а не пират, он отдал взамен восемь бочек риса и старый кабельтов. Никакой сделки не было. Он брал, что хотел, и отдавал, что хотел. Через два дня после этого Боннет преследовал и захватил шлюп в шестьдесят тонн. Это был акт безусловного пиратства. Он забрал со своего приза два бочонка рома и два бочонка патоки. Экипаж был выброшен на берег. Восемь человек были посланы взять на себя ответственность за приз. Ночью они сбежали, чтобы заняться пиратством по собственному почину.

Боннет сбросил с себя все ограничения. Взяв себе имя капитана Томаса, он бороздил моря, грабя каждое встречное судно. В нескольких милях от мыса Генри он захватил два корабля из Виргинии, направлявшихся в Глазго. Это были сравнительно малоценные призы, содержащие только табак. На следующий день он захватил небольшой шлюп. Со странной непоследовательностью, отличавшей его характер, он забрал со шлюпа двадцать бочек свинины, которые заменил двумя бочками риса и бочкой патоки. С этого шлюпа два человека добровольно присоединились к его компании.

Следующее судно, которое они захватили, направлялось в Глазго из Виргинии. На борту они не нашли ничего нужного, кроме расчесок, булавок и иголок. За них Боннет заплатил бочкой свинины и двумя бочками хлеба. Взяв курс на Филадельфию, он захватил шхуну, направлявшуюся в Бостон. Она оказалась бесплодным призом.

Вскоре после этого он захватил три судна, два из которых направлялись из Филадельфии в Бристоль, Англия, а одно - на Барбадос. В них Боннет обнаружил около тысячи долларов монетами. Он ограбил их и отпустил. В два последних дня июля он захватил два довольно богатых приза. Они были хорошо снабжены провизией, а на их борту находилось от двух до трех тысяч долларов деньгами. Он пересадил экипажи на шлюпки и оставил себе и суда, и груз. Его собственный военный шлюп, который он переименовал в "Ройял Джеймс", дал течь, и нуждался в ремонте. Он бросился в реку Кейп-Фир, чтобы найти какую-нибудь укромную бухту, где вдали от посторонних глаз можно было бы привести в движение свое судно. Сто пятьдесят лет назад этот поток представлял собой огромное уединение, окаймленное густым и бескрайним лесом.

Когда Боннет входил в реку, он захватил небольшое судно, которое разорвал на части, чтобы починить свое собственное. В одной из бухт широкого потока он задержался на два месяца, чтобы сделать ремонт. Тем временем в Южной Каролине появился новый губернатор. До Чарльстона дошла весть о том, что вверх по реке скрывается пиратское судно с двумя призами. Все жители были встревожены, опасаясь нового визита. Губернатор и совет собрались для обсуждения.

Полковник Уильям Рет предстал перед ними и великодушно предложил за свой счет снарядить два судна и напасть на пиратов. Его предложение было принято, и ему было дано соответствующее поручение. Через несколько дней два шлюпа были снаряжены. Один из них, названный "Генри", имел восемь пушек и семьдесят человек, а командовал им капитан Джон Мастерс. Другим, "Морская нимфа", с восемью пушками и шестьюдесятью людьми, командовал капитан Фейзер Холл. Оба корабля находились под командованием полковника Рета.

14 сентября оба судна отплыли. Когда они достигли острова Салливан, к ним подошло небольшое судно из Антигуа. Капитан сообщил, что недалеко от острова его захватило и разграбило пиратское судно с двенадцатью пушками и девяноста людьми под командованием Чарльза Вейна; также были захвачены два других судна, одно из них с побережья Гвинеи, с девяноста - ста неграми-рабами на борту. Командовать этим работоторговцем был назначен пират по имени Йитс с двадцатью пятью людьми. Вейн также захватил два корабля, направлявшихся из Чарльстона в Лондон.

Полковник Рет, услышав эти известия, решил преследовать Вейна. Ходили слухи, что пираты отплыли на юг. 15 сентября полковник Рет на двух шлюпах пересек бар и направился вдоль южного побережья, обыскивая все бухты и заливы. Не найдя Вейна, он повернул на север и вошел в реку Кейп-Фир, преследуя свой первый замысел. При подъеме по реке оба шлюпа сели на мель, что вызвало значительную задержку. Так бдительные пираты узнали, что в реке на мель сели два шлюпа. Боннет послал вниз три лодки, переполненные пиратами, чтобы напасть на них. Экипажи вскоре обнаружили свою ошибку и, поспешно вернувшись к Боннету, сообщили ему нежелательную новость: два хорошо вооруженных шлюпа поднимаются по реке с явным намерением напасть на него.

Боннет немедленно начал готовиться к бою. С ним было несколько пленников. Он написал письмо губернатору, поручив его одному из этих пленников, капитану Маннерингу. Оно заключалось в следующем:

"Если шлюпы, которые сейчас поднимаются по реке, будут посланы против меня губернатором, я уберусь восвояси. И я сожгу и уничтожу все корабли или суда, идущие в Южную Каролину или выходящие из нее".

Какой эффект произвело это письмо на губернатора, мы не знаем. Но на следующее утро прилив подтолкнул шлюпы полковника Рета, и он пошел в атаку. Вскоре мачты трех пиратских судов были хорошо видны над поросшим лесом участком суши. Шлюпы пошли вперед, атакуя с каждой стороны пирата, намереваясь взять его на абордаж. Боннет, заметив это, подошел как можно ближе к берегу. Вода была мелководной, и, когда начался прилив, оба шлюпа вскоре натолкнулись на песчаную отмель. Один из них находился совсем рядом с "Ройял Джеймс" и мог открыть по нему огонь. Другой находился на расстоянии более чем пушечного выстрела. Корабль пиратов тоже сел на мель и, к счастью для них, перевернулся на палубу, наклонившись от противника. Таким образом, борта судна представляли собой вал, который защищал пиратов от выстрелов и через который они могли прицельно стрелять в своих противников.

К этому добавилось еще и то, что судно "Генри", на котором находился полковник Рет, и которое село на мель в пределах pistolетного выстрела от пирата, наклонилось палубой в сторону пирата. Таким образом, каждый человек оказался незащищенным. Это давало пиратам огромное преимущество, которое они не замедлили использовать. Ни один из них не мог использовать свои пушки. В течение пяти часов противники вели ожесточенную перестрелку из стрелкового оружия. Пираты развевали на ветру свой кроваво-красный флаг и осыпали врагов клятвами, насмешками и оскорблениями.

"Почему вы не поднимаетесь на борт?" - кричали они. "Мы все ждем тебя. Приходите как можно быстрее. Мы окажем тебе самый теплый прием, который ты когда-либо видел".

Люди Рета ответили: "Потерпите. Мы сейчас заняты. Очень скоро мы нанесем вам визит, который вы никогда не забудете".

Поднимающийся прилив сначала накрыл шлюп полковника Рета. Поспешно починив такелаж, сильно пострадавший от пожара, он понесся на пирата, намереваясь нанести ему завершающий удар, взяв на абордаж. Через несколько мгновений на плаву должен был появиться другой шлюп, чтобы присоединиться к нападению. Боннет понял, что его положение безнадежно, и послал к полковнику Рету шлюпку с белым флагом перемирия. После некоторого времени, потраченного на капитуляцию, Бонне был вынужден безоговорочно сдаться.

В ходе жестокого боя на борту шлюпа Рета "Генри" было убито десять человек и ранено четырнадцать. Шестеро из раненых скончались от полученных ран. Несколько выстрелов попали в другой шлюп, "Морскую нимфу", убив двух человек и ранив четырех. Пираты, защищенные положением своего судна, потеряли семь человек убитыми и пять ранеными. Двое из последних вскоре умерли от ран.

Полковник Рет снялся с якоря 13 сентября, а 3 октября вошел в Чарльстон с тридцатью четырьмя пиратами в плену и их судами. Захват вызвал бурное ликование во всей провинции. Поскольку на берегу не было государственной тюрьмы, пиратов в течение двух дней держали под тщательной охраной в трюме одного из судов. За это время сторожевой домик был расширен и укреплен, и их перевели в это здание, над которым поставили караул из провинциального ополчения.

Майор Бонне был отдан под опеку маршала и заключен в крепкую комнату в его доме. Двое из этих несчастных, Дэвид Хариот, парусник, и Игнатиус Пелл, боцман, предложили выступить в качестве свидетелей. Их также отвели в дом маршала, чтобы отделить от остальной команды. Их тщательно заперли, а двое часовых каждую ночь патрулировали дом с заряженными мушкетами.

Прошло три недели, прежде чем удалось подготовить все необходимое для суда. В ночь на 24 октября Бонне и его парусник совершили побег. Боцман отказался идти с ними, так как ему гарантировали помилование в связи с тем, что он дал показания против своих товарищей. Бегство заключенных вызвало большой шум во всей провинции. Люди открыто заявляли, что губернатор и другие представители власти потворствовали их побегу.

Все общество было охвачено паникой. Боялись, что Бонне соберет еще одну компанию пиратов и страшно отомстит за повешение своих товарищей. Правительство было встревожено и упреками, и опасностью. Был издан указ, предлагающий вознаграждение в три тысячи пятьсот долларов за поимку беглого пирата. Несколько вооруженных лодок были отправлены в погоню за ним, чтобы обойти берег с севера и юга.

Боннет каким-то образом проник на борт небольшого парусника в гавани и вышел в море. Но начался шторм, и у него не оказалось провизии. Поэтому он был вынужден вернуться на остров Салливана. Каким-то образом губернатор получил об этом известие. Он незамедлительно сообщил об этом полковнику Рету и дал ему поручение преследовать Боннета. В ту же ночь энергичный полковник отправился на своем шлюпе с несколькими людьми на остров Салливана. Два пирата оставили свою лодку на берегу и забрели в лес, где и спрятались. Полковник Рет выследил их до самого укрытия. Они были обнаружены в зарослях вместе с негром и индейцем. Когда они попытались скрыться, их обстреляли. Пуля пронзила сердце Хариота, и он упал замертво. Негр и индеец были тяжело ранены. Несчастный Боннет, видя, что бегство безнадежно, и совершенно удрученный, сдался. Его в кандалах доставили обратно в Чарльстон.

Двадцать восьмого октября 1718 года состоялось заседание суда вице-адмиралтейства, которое продолжалось с несколькими перерывами до двенадцатого ноября.

Председательствовал Николас Трот, главный судья провинции Южная Каролина, а также другие помощники судьи. Перед этим судом Боннет и тридцать четыре члена его команды предстали перед судом. В обвинительном заключении перечислялись различные акты пиратства, которые они совершили. Все, кроме двух, заявили о своей невиновности.

Попыток защиты было немного. Команда утверждала, что их вывезли с необитаемого острова и отправили на остров Сент-Томас. Находясь в море, без провизии и в голодном состоянии, они были вынуждены, чтобы спасти свою жизнь, взять немного еды с других судов. Майор Бонне придерживается той же точки зрения, что они набросились на еду, которая им не принадлежала, но была единственным способом спасти свою жизнь.

Но их пиратские действия были четко доказаны, а также то, что они поделили между собой добычу, полученную преступным путем. Речь лорда-судьи, оглашавшего приговор Боннету, была столь восхитительна по тону, что заслуживает того, чтобы с небольшим сокращением вставить ее сюда:

"Вы, Стеде Бонне, признаны виновным в пиратстве. Полностью доказано, что вы пиратски захватили и разграбили не менее тринадцати судов с тех пор, как отплыли из Северной Каролины, приняв милость короля и притворившись, что оставили этот нечестивый образ жизни.

"Вы знаете, что совершенные вами преступления противоречат как закону природы, так и закону Божьему, в котором вам заповедано, что вы не должны красть. И апостол Павел прямо утверждает, что "воры не наследуют Царства Божьего".

"К воровству вы добавили еще больший грех - убийство. Скольких вы убили в своих пиратствах, я не знаю. Но мы знаем, что вы убили не менее восемнадцати человек из тех, кто был послан законной властью, чтобы положить конец вашим грабежам.

"Как бы вам ни казалось, что вы честно убивали людей в открытом бою, но знайте, что власть над мечом не была передана в ваши руки, вы не имели права применять силу или сражаться с кем-либо. Поэтому те, кто пал в бою, выполняя свой долг перед королем и страной, были убиты. И их кровь теперь взывает к вам об отмщении. Ибо таков голос природы, подтвержденный законом Божьим, что "кто прольет кровь человека, того кровь прольется от человека".

И учтите, что смерть - не единственное наказание, которое положено убийцам; им грозит "часть их в том озере, горящем огнем и серою, которое есть вторая смерть".

"Как ваша собственная совесть должна убедить вас в том, что вы совершили много и много зла, чем сильно оскорбили Бога, так, полагаю, мне нет нужды говорить вам, что единственный способ получить помилование и отпущение грехов от Бога - это истинное и нелицемерное покаяние и вера в Христа, только благодаря смерти и страстям Которого вы можете надеяться на спасение.

"Вы, будучи джентльменом и имея преимущество свободного образования, я полагаю, что мне нет нужды объяснять вам природу покаяния и веры в Христа. Они так полно упомянуты в Писании, что вы не можете не знать их. Но, учитывая ход вашей жизни, я имею основания опасаться, что принципы религии, привитые вам воспитанием, были испорчены, если не полностью уничтожены неверностью этого нечестивого века; и что время, отпущенное вам на изучение, вы скорее посвящали вежливой литературе, чем серьезным поискам закона и воли Божьей.

"В Писании содержится великая тайна искупления падшего человека. Они должны были научить вас, что грех унижает человеческую природу и что религия и следование законам Божьим гораздо предпочтительнее путей греха и сатаны. Я надеюсь, что нынешние страдания, которые Бог возложил на вас, теперь убедили вас в этом.

"И подумайте, как Он приглашает всех грешников прийти к Нему, и Он даст им покой; ибо Он заверил нас, что "пришел взыскать и спасти погибшее" и что "всякого, приходящего к Нему, Он ни в коем случае не изгонит вон". Так что сейчас, даже в одиннадцатый час, если вы искренне обратитесь к Нему, Он примет вас.

"Но не заблуждайтесь, что природа покаяния заключается лишь в голой печали о зле и наказании, которое грех навлек на вас. Ваша печаль должна проистекать из осознания того, что вы оскорбили милостивого и милосердного Бога. Но мне нет нужды давать вам какие-либо конкретные указания относительно природы покаяния. Я говорю с тем, чьи преступления произошли не столько от незнания, сколько от пренебрежения и неисполнения своего долга.

"Я лишь от души желаю, чтобы то, что я сейчас сказал из сострадания к вашей душе, подействовало на вас так, чтобы вы стали истинным кающимся. Исполнив свой долг перед вами как христианин, дав вам лучший совет, какой только могу дать, относительно спасения

вашей души, я должен теперь исполнить свой долг судьи. Приговор, который выносит вам этот суд, таков:

"Ты, Стеде Бонне, должен отправиться отсюда в то место, откуда пришел, а оттуда - к месту казни, где тебя повесят за шею, пока ты не умрешь. И да помилует тебя Господь".

В субботу, 8 ноября 1718 года, двадцать два пирата были повешены на той же виселице в Уайт-Пойнте, недалеко от провинциального города Чарльстона. Через несколько дней после этого на той же виселице взвился Стеде Бонне, джентльмен, отличавшийся богатством, положением и культурой.

ГЛАВА VIII.

Португалец Бартелеми.

Начало его карьеры.- Смелый захват.- Жестокость пиратов.- Разврат и плен.- Бартелеми обречен на смерть.- Его побег.- Страдания в лесу.- Достигает залива Тристе.- Усиливает эффект его несчастий.- Его новая пиратская авантюра.- Ошеломительный успех.- Торнадо.- Разорение и гибель.

Одним из самых смелых и знаменитых буканьеров был португалец по имени Бартелеми. Он был человеком с некоторым состоянием и следовал за большим потоком эмиграции в Вест-Индию. В Кингстоне (Ямайка) он услышал о больших состояниях, которые нажили буканьеры, промышлявшие на испанской торговле. Участвуя в нескольких экспедициях, он стал довольно богатым. В конце концов он за свой счет построил небольшое судно, которое вооружил четырьмя трехфунтовыми пушками и набрал команду из тридцати отчаянных людей, вооруженных мушкетами, пистолетами и саблями. Этот шлюп был снаряжен в британском порту, чтобы грабить испанские корабли так же открыто, как если бы он отправился на промысел.

Он начал свое плавание на южном побережье Кубы. Но прошло несколько дней, прежде чем он заметил большой корабль, богато нагруженный и хорошо вооруженный, направлявшийся из испанских колоний в Венесуэлу в Гавану. Как он потом узнал, экипаж корабля состоял из семидесяти человек, примерно столько же пассажиров и морских пехотинцев, а на борту было двадцать пушек.

Когда команда Бартелеми увидела размеры корабля и признаки его сильного вооружения, она не решалась атаковать. Все собрались вокруг мачты, чтобы обсудить этот вопрос. Общий голос был неутешительным. Речь Бартелеми была короткой и решительной. Он был человеком немногословным и стремительным.

"Мы пришли, - сказал он, - за призами. Здесь есть великолепный приз. Нельзя упускать такую возможность. Ничто великое не может быть достигнуто без риска".

Они пустились в погоню. Корабль спокойно ожидал их приближения; "он был так же удивлен нападением, - пишет Торнбери, - как ласточка была бы удивлена, если бы ее преследовала кошка". Пираты предприняли отчаянную попытку взять корабль на abordаж. Подробности схватки нам не известны. Известен лишь результат. После нескольких отражений, долгого и кровавого боя пираты подняли крики победы на залитой кровью палубе своего приза. Десять

из них были убиты, четверо ранены. Все на борту корабля, кроме сорока человек, были убиты. Многие из них были сильно искалечены пулевыми ранениями и порезами от шпаг.

Пираты, обшарив карманы убитых в поисках свободных дублонов, выбросили тела за борт. Беспомощных раненых постигла та же участь. Оставшихся в живых, лишив всего ценного, посадили в лодку и пустили по дрейфу, чтобы они жили как им вздумается. Приз оказался стоимостью от восьмидесяти до ста тысяч долларов. Бартелеми оказался под командованием поистине великолепного корабля, хорошо вооруженного, снабженного боеприпасами и провизией. Кроме того, в качестве тендера у него был маленький шлюп. Хотя его команда состояла всего из двадцати человек, он мог в любой момент удвоить или утроить ее число в переполненных портах Кингстона или Тортуги. Когда он плыл вокруг западной оконечности острова Куба, то неожиданно наткнулся на три больших корабля, направлявшихся в Гавану. Пиратский корабль был тяжело нагружен и медленно бороздил волны. Испанские корабли бросились в погоню, схватили буканьеров, раздели их, загнали сабельными ударами под люки и оставили там размышлять о превратностях судьбы и своей приближающейся бесславной смерти через повешение.

Дурная слава о Бартелеми, как об одном из самых ужасных человеческих чудовищ, распространилась далеко и широко. Он скрыл свое имя, и его похитители не знали, какой приз им достался. Корабль, на котором находилась команда пиратов, был отделен от остальных бурей. Она укрылась в Кампеачи, на западном побережье огромного полуострова Юкатан. Толпы людей стекались на борт, чтобы увидеть пиратов в кандалах. Среди них был и тот, кто в прежние годы был хорошо знаком с Бартелеми. Подняв руки в изумлении, он провозгласил перед толпой:

"Это Бартелеми Португальский. Он самый злобный негодяй в мире. Он причинил испанской торговле больше вреда, чем все остальные пираты вместе взятые".

Радостная весть разнеслась по городу. На улицах появились радостные сборища. Все сердца пылали желанием отомстить человеку, погубившему столько испанцев. Народ обратился к губернатору с требованием выдать пирата от имени короля. Его арестовали, высекли железом и посадили на другое судно. Для его повешения соорудили виселицу. Губернатор не счел нужным устраивать суд. Из окна своей каюты Бартелеми мог видеть, как рабочие строят виселицу, на которой он должен был висеть в цепях, раскачиваясь в солнечную погоду и в шторм, пока стихия не растворит кожу и кости.

Этот негодяй обладал странной способностью завоевывать друзей. Капитан, к которому он попал в плен, хотел его спасти. Кто-то тайно передал ему напильник. Вскоре он освободился от кандалов. В его каюте оказались два больших глиняных кувшина, пустых и очень плавучих. Осторожно закрыв отверстия, он крепко связал их прочным шнуром и осторожно опустил в воду, когда полуночная тьма покрыла море. У дверей каюты был выставлен часовой. Он заснул. Опасаясь, что он может проснуться и поднять тревогу, пират незаметно подошел к нему с огромным ножом в руке. Метким ударом сверкающее лезвие пронзило его сердце, и часовой умер без борьбы и стога.

Пират бесшумно опустился в воду. Ухватившись одной рукой за крепкий шнур, прикрепленный к двум кувшинам, другой он медленно поплыл к берегу. Течение вынесло его на то самое место, где была установлена виселица. Она стояла в страшном мраке, а с ее бревен свисала цепь палача. Даже железное сердце Бартелеми содрогнулось, когда в мрачный час полуночи он задумался об участи, от которой пытался спастись.

Он ушел в лес. Но мало кто из наших читателей может представить себе, через какие пути тропического леса он продирался. Сознывая, что ищейки могут выйти на его след, он отыскал ручей и в темноте пробрался по нему на большое расстояние. Его жестоко терзали нависающие колючки, и он получал синяки, спотыкаясь о камни и скалы. Когда рассвело, он спрятался в куче хвороста, наполовину покрытой водой.

Изгибы ручья были таковы, что он прошел совсем немного от города. Весть о его побеге взбудоражила все население. Было известно, что за несколько часов, прошедших с полуночи до рассвета, он не смог бы пробраться далеко сквозь заросли кустарника, колючек и переплетенных лоз. Весь лес казался живым от его преследователей. Тысячи рабов кричали в своем варварском порыве. Стаи кровных гончих носились туда-сюда, принимаясь к каждому следу, и оглашали лес своим истощенным воем. Тревожные колокола города издавали громкие и торжественные звуки. Отряды испанских кавалеров с негодованием в сердцах и клятвами на устах проходили в пределах видимости от прячущегося несчастного, и он слышал их клятвы мести. Так прошел этот злосчастный день. "Путь преступника воистину труден".

Бартелеми, истекающий кровью, обессиленный, голодный и измученный укусами насекомых, терпел эти долгие часы душевных и телесных мук, пока ночь снова не омрачила картину. С наступлением темноты он возобновил свой испуганный бег, едва ли зная, куда. Его общий план состоял в том, чтобы под видом маскировки добраться до какого-нибудь отдаленного морского порта, где он надеялся скрыться под видом моряка. Каждый час он дрожал от страха, что его поймут, и единственной его пищей были коренья, ягоды и сырая рыба, которую он вылавливал из скал.

Он переходил вброд ручьи, где ему неминуемо грозила опасность быть разорванным челюстями крокодилов. Он пробирался через болота и едва избежал удушья в трясине. Его обувь была разорвана на ногах, одежда - на конечностях. Четырнадцать дней и ночей он терпел эти мучения. Единственным ориентиром для него был рев океана. Он двигался в юго-западном направлении. Он постоянно старался держать океан на расстоянии слышимости справа от себя.

Очевидно, что страдания не способны сделать человека лучше. Пират, несмотря на все свои беды, становился все более упрямым и жестоким. "За эти четырнадцать дней, - пишет один из его биографов, - он, должно быть, буквально вкусил смерть и предвкушал ужасы ада". Но это почти демоническое страдание не привело его ни к молитвам о покаянии, ни к обещаниям исправиться. Они лишь разжигали его аппетит к мести.

В конце концов он достиг большой океанской бухты, расположенной в ста двадцати милях от Кампичи и уместно названной Заливом Тристе. Здесь, к своему огромному облегчению, он обнаружил большой корабль буканьеров, стоящий на якоре. Он подал сигнал, и на корабль была послана шлюпка, чтобы взять его на борт. С притворным ликованием несчастный поведал о своих приключениях. Не было произнесено ни слова покаяния. Не было ни малейшего признания того, что понесенное им наказание было заслуженным. Напротив, он сказал пиратам:

"Я знаю о корабле в Кампичи, богато нагруженном, но слабо вооруженном. Его можно легко захватить. Предоставьте мне лодку и тридцать хороших людей, и через несколько дней я приведу корабль и весь его груз к вам".

Его просьба была удовлетворена. Лодка была снаряжена, и он поплыл вдоль побережья, полагая, что это контрабандист с контрабандным товаром. Через восемь дней он достиг

Кампичи. Когда лодка вошла в гавань, пиратский характер судна был настолько скрыт, что не вызвал никаких подозрений. В полночь пираты осторожно приблизились к обреченному судну. Поскольку команда считала себя в безопасности в гавани, на палубе находился лишь один часовой. Он окликнул судно. Бартелеми, прекрасно говоривший по-испански, встал на носу и ответил:

"Мы - часть команды. У нас на судне груз товаров с суши, за которые не уплачена пошлина".

В этот момент носы лодки коснулись корабля. Бартелеми и его команда вскочили на борт, держа в руках сабли. Одним ударом сабли они пронзили сердце дозорного, и он упал замертво. Несколько человек, случайно оказавшихся на палубе, были согнаны вниз, и люки на них были закрыты. Прошло не более пяти минут, прежде чем тридцать пиратов, все бывалые моряки, полностью овладели кораблем, а все офицеры и команда были крепко забаррикадированы под палубой в качестве пленников. Не было поднято никакого шума. Другие корабли в гавани не были подняты по тревоге. Они подняли якоря, расправили паруса и вышли в море.

Так неожиданно повернулось колесо фортуны. Дрожащий беглец, которому всего несколько дней назад грозила виселица, в лохмотьях и голоде, скитавшийся по пустыне, теперь оказался на палубе одного из лучших испанских кораблей, хорошо снабженного, хорошо вооруженного, с богатым грузом в трюме. Он был капитаном и, по сути, владельцем этого величественного судна. Его диктаторскую власть признавали тридцать отчаянных людей, готовых беспрекословно подчиняться его воле. Коммерция всех морей, очевидно, была в пределах его пиратской хватки.

От заключенного экипажа избавились так, как обычно избавляются пираты от тех, кто доставляет им неприятности. Их либо собирали в лодку и пускали по дрейфу, либо высаживали на ближайший берег, либо бросали в море. Знакомство с несчастьем и смертью делало пиратов такими же нечувствительными к человеческим страданиям, какими становятся рыбаки, наблюдающие за борьбой рыб на дне своей лодки.

Бартелеми, вместо того чтобы вернуться с призом к своим товарищам в Заливе Тристе, направил свои паруса на Ямайку. Он был очень воодушевлен и громко хвастался еще более грандиозными предприятиями, которые он собирался предпринять. С помощью внезапно обретенного богатства он создаст флот; под его командованием будут экипажи из пятисот человек; его кроваво-красный флаг должен заполнить все моря; он соберет армию и будет разорять провинции; он захватит какой-нибудь большой остров, монархом которого он станет, со своим флотом и армией. Так мечтал португальский пират. Он не принимал в расчет Бога. Бог решил иначе.

Было прекрасное утро, когда Бартелеми расхаживал по палубе, погрузившись в эти честолюбивые фантазии. Небо было безоблачным. Свежий ветерок раздувал паруса и приятно скрашивал жар тропического солнца.

В нескольких лигах к югу от острова Куба находится величественный остров Пайнс. Как ни велик он, но его грандиозность теряется в подавляющем величии острова-сестры. Корабль шел вдоль его южного побережья.

На юго-западном горизонте показалось небольшое облачко. Оно быстро увеличивалось в размерах и чернело. Это был тропический торнадо. Уже был слышен его рев, когда он вспарывал и бил по морю. Ужасный шторм налетел на корабль и закружил его, словно пузырь. Бог был там, в своем яростном недовольстве. Что мог сделать человек? Ничего.

Пираты бросились на колени и призвали Деву и всех святых прийти и помочь им. Но ни Дева, ни святые не пришли.

Корабль ударился о скалы и разлетелся на куски; серебро, золото, груз - все исчезло под страшными взрывами. Многие утонули. Бартелеми и несколько человек из команды были выброшены на берег горными потоками. Их одежда была сорвана со спин. На их телах были сильные ушибы, а некоторые кости были сломаны ударами о скалы. Измученный, запыхавшийся, искалеченный и полумертвый Бартелеми оказался на одиноком островке в полной нищете. Такова была работа одного короткого получаса. Так распорядился Бог похищенной пиратами добычей.

Жалкий, голодный бродяга Бартелеми добрался до Ямайки. Здесь он поступил простым матросом на борт пиратского корабля, и больше мы о нем не слышали. Без сомнения, его ждал жалкий конец, а тело, вероятно, было выброшено в море на корм акулам.

ГЛАВА IX

Франсис Лолонуа.

Ранняя жизнь Лолонуа.- Его отчаянный характер.- Вступление в ряды буканьеров.- Его жестокость, подобная страсти.- Отчаянные пираты объединяются вокруг него.- Снаряжает флот.- Захватывает богатые призы.- Планирует разграбление Маракайбо.- Авантюрное путешествие.- Описание Венесуэлы.- Зверства в Маракайбо и Гибралтаре.- Гибель победителей.

Одним из самых демонических пиратов, которые опустошали моря и земли, называя себя буканьерами и полагая, что ведут законную войну за свой личный счет, был дерзкий негодяй по имени Франсиск Лолонуа. Он был французом. Будучи совсем молодым человеком, он вместе с другими искателями приключений отправился в Вест-Индию, заплатив за свой проезд, согласно обычаю того времени, продажей в рабство на определенный срок.

Получив свободу, он отправился на остров Сан-Доминго. Здесь он вел бродячую жизнь, то охотясь, то занимаясь торговлей на островах в качестве обычного моряка. Вскоре он приобрел репутацию безрассудного отчаянного парня и привлек внимание пиратского губернатора пиратского рандеву на острове Тортугас. Ему поручили командование небольшим судном, чтобы охотиться на испанскую торговлю. Его успех был необычайным. Он разбогател. Его жестокости были столь ужасны, что слава о нем распространилась по обеим Индиям. Смерть была уделом его пленников, часто смерть от пыток.

Все свое богатство, золото, драгоценности и товары он погрузил на большой корабль, вооруженный тяжелыми пушками. Он потерпел крушение у берегов Кампичи. Команда едва спаслась. Разъяренные волны разбили на куски и поглотили нажитое пиратом имущество. Разъяренные испанцы, обрадованные кораблекрушением, преследовали тех, кто выбрался на сушу, и безжалостно перестреляли большинство из них. Лолонуа, переодетый в обычного матроса, был тяжело ранен. Он вымазался кровью и притворился мертвым. Когда испанцы ушли, его оставили на поле непогребенным, он укрылся в лесу. Все считали, что он мертв. Изгнание такого негодяя из мира стало предметом почти национального ликования. Запылали костры. Стреляли из пушек. Неверующие пили и клялись в своем веселье.

Благочестивые отправлялись в церкви и благодарили Бога за то, что мир избавлен от столь жестокого пирата.

Лолонуа, медленно оправляясь от ран, переодевшись в испанскую одежду, вошел в Кампичи. Он подружился с несколькими рабами, украл небольшую лодку и, как пишет его пиратский биограф, "прибыл на Тортугас, общее место убежища всех видов нечестия и, так сказать, семинарию всех видов пиратов и воров".

Его репутация удачливого пирата была такова, что он быстро получил под командование еще одно судно, укомплектованное командой из двадцати одного десперадо. На южной стороне острова Куба находилась процветающая деревушка под названием Кайос. Жители вели активную торговлю табаком, сахаром и шкурами. Их гавань не имела достаточной глубины для больших судов. Перевозки осуществлялись на лодках. Лолонуа решил разграбить это место.

От острова до Гаваны было совсем недалеко. Несколько рыбаков сообщили жителям о приближении пирата. В ужасе они послали в Гавану за помощью. Губернатор тут же отправил им на помощь военный корабль с десятью пушками и семьюдесятью пятью людьми. Губернатор, пораженный тем, что Лолонуа снова ожил, издал письменный приказ следующего содержания:

"Вы не должны возвращаться, пока полностью не уничтожите всех пиратов. Каждый из них должен быть немедленно повешен, за исключением Лолонуа, их капитана. Если возможно, вы должны доставить его живым в Гавану".

Корабль прибыл в Кайос до того, как пираты совершили нападение. Они бросили якорь недалеко от гавани. Пираты через своих сообщников получили информацию об их приближении. Они захватили две рыбацкие лодки. В темноте наступившей ночи они подкатили эти лодки, по одной с каждой стороны корабля, и со шпагой и пистолетом вскочили на борт. Нападение было столь внезапным и совершенно непредусмотренным, что те немногие из команды, кто находился на палубе, были быстро сбиты с ног или загнаны под воду.

Лолонуа командовал кораблем, а все его пленники находились под люками. Один за другим их поднимали и отрубали головы. Ни один не был пощажен. Расчлененные тела были брошены в море. Окровавленные палубы были вымыты. Пират, гордый своим достижением и восхищенный своими людьми, расхаживал туда-сюда, владелец сильного, хорошо вооруженного корабля, снабженного всем необходимым, чтобы помочь ему в его карьере насильника и кровопийцы. Он написал письмо губернатору и отправил его одному из своих пленных рыбаков. Оно было следующим:

"Впредь я никогда не отдам четверть ни одному испанцу. Я очень надеюсь, что мне еще доставит удовольствие применить к вашей персоне то наказание, которое я сейчас обрушил на тех, кого вы послали против меня. Этим я отплачу за доброту, которую вы оказали мне и моим спутникам".

Правитель был сильно встревожен и озадачен этими известиями. В гневе он дал торжественную клятву, что впредь никогда не даст четверти ни одному буканьеру, который попадет в его руки. Но жители Гаваны умоляли его не упорствовать в исполнении этой клятвы. Они направили к нему делегацию, чтобы сказать:

"Если эта угроза будет выполнена, пираты непременно сделают то же самое. У них в сто раз больше возможностей для мести, чем у губернатора. Мы должны зарабатывать на жизнь

рыболовством. И впредь, если эта угроза будет выполнена, мы всегда будем рисковать жизнью".

Некоторое время Лолонуа крейсировал среди островов, но безуспешно. Затем он взял курс на юг, к Маракайбо, важному порту на крайнем севере Южноамериканского континента. Пройдя шесть или восемьсот миль, он достиг входа в обширную бухту, ведущую к городу. Здесь он захватил корабль, шедший в обратном направлении, богато нагруженный пластинами и серебром из рудников.

Что он сделал с командой, мы не знаем. Они исчезли. Возможно, их всех бросили в море. С кораблем и грузом он вернулся на Тортугас, где был принят с всеобщим ликованием. Хотя теперь он был достаточно богат, чтобы жить безбедно, в нем проснулось честолюбие, и он захотел добиться еще большей славы. Он публично объявил всем пиратам на острове, что собирается снарядить флот, достаточный для перевозки пятисот человек. С ними он отправится к испанским владениям в Южной Америке и разграбит все города, поселки и деревни на побережье. Затем он захватит сам Маракайбо.

Все десперадо стремились поступить на службу к такому храброму и успешному вождю. Вскоре его флот был снаряжен, а банда набрана. На Тортугасе жил знаменитый буканьер по имени Майкл Баско. Он стал очень богатым и занимал важный государственный пост. Провозглашение Лолонуа вновь разожгло его пиратское рвение. В прежние годы он опустошал все эти края по морю и по суше. Он предложил Лолонуа стать партнером в его предприятии, если его поставят командовать сухопутными войсками. Договор был вскоре подписан. Восемь кораблей отплыли. Экипажи насчитывали шестьсот семьдесят пять человек. Сначала они взяли курс на Сан-Доминго и бросили якорь в маленькой гавани под названием Bayala. Здесь они сложили запасы для своего путешествия и пополнили свои экипажи большим количеством бродячих французов.

В последний день июля они снова расправили паруса. Просили ли они Божественного благословения на свое предприятие, мы не знаем. Но вероятность этого невелика. Один из этих пиратов проткнул мечом одного из членов команды за непочтительное поведение в церкви.

"Как мы можем ожидать, - возмущался он, - благословения Девы Марии, если мы ведем себя непристойно в ее присутствии?"

Лолонуа был адмиралом флота. Он занимал самый большой корабль, на котором стояло десять пушек. Они шли вдоль северного берега Сан-Доминго и, как раз когда удвоили самый восточный мыс, увидели большой, тяжело нагруженный испанский корабль, направлявшийся из Испании в ее колонии. Но в нескольких лигах за ними, на юго-восточной стороне Сен-Доминго, находился остров Савона. Лолонуа приказал флоту сделать там гавань и ждать его. Затем он отплыл, чтобы захватить испанский галеон.

Неожиданное сопротивление было встречено. Испанцы знали, что пощады от Лолонуа им ждать не приходится. Они сражались отчаянно, предпочитая погибнуть в жестоком бою, чем стать жертвами пиратов. Конфликт продолжался три часа. Корабль был захвачен, а оставшиеся в живых были преданы мечу.

Лолонуа был в восторге, обнаружив, что приз оказался гораздо богаче, чем он предполагал. Корабль был одним из самых крепких и хорошо построенных испанских судов, на нем стояло шестнадцать пушек. На борту находилось пятьдесят человек, несомненно, пассажиры. Но они были не чета бесшабашным пиратам, которые были ветеранами в таких войнах. На

корабле, помимо очень богатого груза, было сорок тысяч долларов в монетах и еще десять тысяч в драгоценностях.

Лолонуа отправил корабль обратно на Тортугас, чтобы его разгрузили, а затем сразу же присоединился к нему в Савоне, чтобы сопровождать экспедицию. Тем временем был захвачен еще один большой корабль, который направлялся на Испаньолу с военными припасами и суммой денег для оплаты гарнизона. На корабле было установлено восемь пушек. Оказавшись в полном окружении вражеского флота, капитан сдался без сопротивления.

Пассажиры и команда были уничтожены по обычаю пиратов. В этом важном захвате было семь тысяч фунтов пороха, большое количество мушкетов и другого стрелкового оружия, а также двенадцать тысяч долларов в деньгах. Губернатор Тортугаса, француз, приказал как можно быстрее снять груз с корабля и, поместив на борт свежую провизию и пополнив ряды пиратов, чтобы восполнить потери тех, кто пал в бою или по болезни, отправил его обратно в Савону.

Лолонуа сделал его своим флагманом, как самый большой и лучший из флота. Город Маракайбо располагался на острове, в одноименном озере и в верховьях Венесуэльского залива. Длина острова составляла около шестидесяти миль, а ширина - тридцать шесть. Проход в город осуществлялся по узкому каналу, который охранялся фортом. В городе проживало около четырех тысяч смешанного населения, которое вело процветающую торговлю шкурами и табаком. Жилища располагались на возвышенности, идущей вдоль западного берега озера, откуда открывался прекрасный вид на сушу и водные пейзажи. В городе имелась большая каменная церковь, четыре вместительных монастыря и больница. Заместитель губернатора, подчиненный губернатору в Караккасе, управлял как гражданскими, так и военными делами.

Жители провинции были богаты скотом. Огромные стада паслись на роскошных пастбищах, простиравшихся почти на сто миль вокруг. Скот держали в основном ради его шкур, которые всегда находили свободный рынок. Апельсины, лимоны, бананы и другие тропические фрукты также были в изобилии. Гавань была просторной и безопасной, с самой лучшей древесиной под рукой. В болотах и зарослях вокруг было много свирепых индейцев. Они были сравнительно бессильны, хотя время от времени совершали волчьи набеги.

Примерно в ста двадцати милях от Маракайбо, дальше по течению озера, находился еще один довольно важный колониальный испанский город, называвшийся Гибралтар. Его население составляло около пятнадцати сотен человек. Почти все они занимались торговлей, закупая продукты в стране и отправляя их на другие рынки. На окрестных плантациях производилось большое количество сахара. Также собирали огромные запасы какао, от которого происходит слово "какао". Это плоское продолговатое семя шоколадного дерева, которое было одним из важнейших предметов торговли. Они также выращивали превосходный сорт табака, который пользовался большим спросом в Европе и назывался "табак священников".

Еще дальше к югу, за высоким горным хребтом, находилось другое поселение под названием Мерида. Вершины этих гор достигали области сильного холода и были покрыты вечным снегом. Через этот скалистый барьер было несколько узких проходов, которые можно было преодолеть только на уверенно идущем муле.

Как только Лолонуа вошел в Венесуэльский залив, он осторожно прокрался вдоль его берегов и бросил якорь за лесистым мысом, где был скрыт от посторонних глаз. На рассвете

следующего утра он снова развернул паруса и при попутном ветре стремительно понесся к озеру Маракайбо. Тайно все люди были высажены на берег. Они отправились атаковать со стороны суши форт, расположенный примерно в четырех или пяти лигах от города и охранявший вход в гавань. Оборонительные сооружения здесь состояли лишь из прочных плетеных корзин высотой около семи футов, засыпанных землей и камнями. Внутри форта находилось шестнадцать тяжелых орудий.

Несмотря на все меры предосторожности, предпринятые для внезапного нападения на форт, орлиные глаза заметили их приближение и подняли тревогу. Комендант отправил группу людей в засаду на единственном пути, по которому пираты могли подойти к форту. Они должны были ждать, пока пираты не пройдут этот пункт, а затем, по сигналу, когда губернатор нападет на них спереди, из-за своего вала, они должны были яростно обрушиться на тыл врага.

Лолонуа был демоном со способностями демона. Он разгадал эту хитрость, обошел засаду, напал на отряд с тыла и почти всех перебил. Затем он двинулся на форт. Испанцы не были трусами. Три часа длилось сражение, в котором с обеих сторон было одинаковое отчаяние. Отзвуки артиллерийских взрывов встревожили весь город. По улицам поползли вести, конечно же, преувеличенные:

"Пираты, две тысячи человек, идут на нас".

Их зверства были хорошо известны. Все жители бежали, захватив все ценные вещи, какие только могли - одни в лодках, другие на суше. Мужчины, падающие в обморок женщины и плачущие младенцы - все это бурлящей массой бежало в поисках убежища в Гибралтаре.

Форт был взят. Почти все его защитники лежали безмолвной смертью. Корабли, которым больше нечего было бояться, расправили паруса и вошли в гавань. Пираты разрушили форт, взорвали все пушки, какие смогли, а остальные забили шипами. Лолонуа проявил привычную осторожность. Все прилегающие заросли были прострелены виноградными пулями. Под защитой его пушек лодки, переполненные вооруженными людьми, подошли к берегу. Одна половина высадилась. Остальные остались в лодках с ружьями в руках, саблями на боку и пистолетами на поясе, чтобы действовать как резерв.

На их нападение не последовало никакого ответа. Не было видно ни одного человека. Город был совершенно заброшен. Они нашли провизию в огромном количестве, а также большое количество вина и других опьяняющих напитков. Затем эти звероподобные люди начали пиршество, которое продолжалось несколько дней. Их отвратительные оргии невозможно описать. Вероятно, во время этих пиршеств они испытывали нечто вроде того, что они называли радостью. Но это были лишь те радости, которые испытывают демоны. Мильтон описывает Сатану, ликующего над некоторыми своими кознями, как "ухмыляющегося ужасной улыбкой".

В конце концов, пресытившись необузданными излишествами, они обратили свое внимание на сбор награбленного. Следует помнить, что до Гибралтара было сто двадцать миль. Здесь были старики, немощные женщины, больные и только что родившиеся младенцы. Было очевидно, что многие из них не могли убежать далеко и должны были скрываться в окрестных лесах. Нельзя было сомневаться и в том, что здесь зарыто много сокровищ, которые невозможно перевезти на большое расстояние.

Отряды вооруженных людей, всего более двухсот человек, были отправлены исследовать лес. Они уходили каждое утро, в течение нескольких дней, и возвращались ночью. В первую

же ночь они привели двадцать тысяч долларов монетами, восемь мулов с товарами и двадцать пленников - мужчин, женщин и детей. Несколько из них Лолонуа посадил на дыбу, чтобы заставить открыть, где спрятаны другие люди и где зарыты другие сокровища. Изверг пытал маленьких детей на глазах у их родителей, чтобы вырвать признание.

Ужасным было состояние испанцев в лесу. Они страдали от всех видов воздействия. Их пожирали насекомые. Они умирали от голода. Они присматривали за больными и умирающими товарищами. И каждый миг им грозила опасность быть схваченными и подвергнуться самым ужасным мучениям, чтобы вырвать признание в спрятанных сокровищах, когда у них не было никаких сокровищ.

На следующую ночь привели еще одну партию пленников с другой добычей. Лолонуа призвал пленников к себе. Выхватив свою острую саблю, он, не проявляя ни малейших эмоций, на глазах у всех остальных разрубил одного из них на куски. Делал он это медленно и целенаправленно, чтобы максимально продлить жизнь. Затем, повернувшись к остальным, он с пиратской клятвой произнес:

"Если вы не откроете мне, где спрятали остальные свои товары, я буду служить каждому из вас одинаково".

В течение пятнадцати дней пираты оставались в Маракайбо. Они совершали над своими пленниками жестокости столь ужасные, что мы вынуждены прикрыть их завесой. Затем они приготовились двигаться к Гибралтару.

Губернатор этой провинции, которую называли Венесуэла, или Маленькая Венеция, из-за ее многочисленных болот, жил в Мериде. Он был бывалым солдатом, прославившимся в войнах во Фландрии. Кроме того, он был немного хвастуном. Охваченные паникой жители Гибралтара обратились к нему с умоляющими просьбами о помощи. Он ответил им хвастливо:

"Не беспокойтесь. Я скоро буду рядом с вами, во главе четырехсот опытных солдат. Пираты будут полностью истреблены".

Со своей небольшой армией он достиг Гибралтара. Объединив жителей, он вскоре получил в свое распоряжение восемьсот хорошо вооруженных людей. Он возвел две батареи, чтобы командовать подходами к городу. На одной из них он установил двадцать орудий, на другой - восемь. Он также забаррикадировал главный вход в город. Чтобы обмануть пиратов, он открыл дорогу, которая кружным путем уходила в непроходимые болота.

Когда Лолонуа приблизился к городу, он увидел, что над его обороной развевается королевское знамя Испании, и это говорило о том, что без сражения ему не овладеть этим местом. Он созвал вокруг себя своих офицеров и обратился к ним с такими словами:

"Трудности нашего предприятия стали очень велики. У испанцев было много времени, чтобы подготовиться к обороне. У них есть достаточный запас боеприпасов, и они собрали большое количество людей. Тем не менее, давайте будем храбрыми. Мы должны либо защищаться, как доблестные солдаты, либо потерять жизнь вместе со всеми богатствами, которые мы получили. Я - ваш капитан. Поступайте, как я. Мы сражались с меньшим числом людей, чем сейчас. Мы побеждали врагов более многочисленных, чем те, что могут противостоять нам здесь. Чем их больше, тем больше наша слава и тем больше наше богатство. Но знайте, что первого, кто подаст хоть малейший признак страха, я прикончу собственной рукой".

Они высадились с кораблей чуть позже полуночи. Всего их было триста восемьдесят человек. У каждого на поясе висел мушкет с тридцатью пулями, патроны, тесак и два-три заряженных пистолета. Начиная свой поход, который, как они знали, должен был привести к гибели некоторых из них, они пожимали друг другу руки в знак взаимной поддержки.

"Идите, братья мои, - сказал Лолонуа, - за мной и будьте мужественны".

Достигнув баррикады, где их встретил шквальный огонь, они свернули на новую дорогу, которая была открыта, чтобы их напугать. Это сражение в лесу, среди болот и зарослей, переплетенных лиан и мучительных колючек, невозможно описать. Бойцы иногда оказывались по пояс в трясине. Путаница тропического леса была такова, что они часто не могли увидеть друг друга или приблизиться. Стрельба велась в основном наугад. Воздух был тяжелым от влаги. Большие орудия батарей бросали шары и виноградные пули, пробиваясь сквозь ветви. Сернистый дым удушливыми складками стелился по морю.

Пираты срубали ветки деревьев и бросали их в болото, и так постепенно пробирались, пока не достигли твердой земли. Здесь испанцы снова были готовы принять их, выставив батареи. Многие из пиратов погибли в болоте. Теперь их положение казалось отчаянным. Лолонуа оказался на высоте. Он симулировал панику. Пираты бросились врассыпную с криками: "Спасайся, кто может". Они бежали к кораблям.

Испанцы, обманутые притворным замешательством, бросились из-за своих укреплений в погоню с радостными криками: "Они летят, они летят!". Лолонуа и его люди, оттеснив их на некоторое расстояние от своих батарей, бросились на них с безрассудной свирепостью тигров. Их кровавая работа вскоре была завершена. Несколько испанцев в ужасе убежали в лес. Все остальные были перебиты. Гибралтар оказался во власти пиратов.

Пятьсот испанцев лежали мертвыми на земле. Многие из тех, кто убежал в лес, были ранены, и не мало из них умерло, так как они были лишены всякой помощи в перевязке ран. Опасаясь, что такое количество мертвых тел может стать причиной заражения, пираты сложили их в две большие лодки и затопили в озере. Еще много гниющих трупов было разбросано по лесу. По признанию пиратов, в этом конфликте они потеряли восемьдесят человек. Вероятно, их число было больше. Хотя большинство жителей сбежало из города, победители захватили около ста пятидесяти пленников - мужчин, женщин и детей. Они дорожили этими пленниками, поскольку, подвергая их пыткам, надеялись найти, где спрятаны деньги.

Город был основательно разграблен. Они обыскивали каждый уголок. Несчастных пленников закрыли в церкви. Банды людей были отправлены разорять окрестные плантации. Поскольку провизии стало не хватать, пленников оставили без хлеба и воды. Сердца пиратов были тронуты их жалобными стонами не больше, чем каменные блоки, из которых была построена церковь. За те четыре недели, что пираты удерживали Гибралтар, почти все пленники умерли от голода.

Их банды бродили по лесам на огромные расстояния, принося добычу и пленников. Было привезено много женщин. Для получения денег применялись все мыслимые меры. Вся местность была безжалостно превращена в почерневшую, дымящуюся пустыню. Лолонуа хотел продолжить свою безумную карьеру за горами до Мерида. Но среди его людей вспыхнула заразная болезнь. Казалось, Божья рука поразила их. Все заболели. По улицам шатались скелеты. Эти люди не знали, какие преступления они совершают. Не было любящих рук, которые могли бы помочь им в томительной болезни и в предсмертных муках. В страданиях многие из этих несчастных сгорали от лихорадки. Стоная и богохульствуя, они

умирали, и их виновные души отправлялись на суд того Бога, который не может смотреть на грех иначе как с отвращением. Они завладели своим золотом, добытым преступным путем, и оно превратилось в прах в их руках.

ГЛАВА X.

Разграбление; Карусель; и новое предприятие.

Гибралтар в пепле.- Возвращение в Маракайбо.- Раздел награбленного.- Необычная сцена.- Прием пиратов на Тортуге.- Карусель, подобная огню.- Пираты, доведенные до нищеты.- Новое предприятие Лолонуа.- "Яростное спокойствие".- Дни бедствий.- Разграбление побережья.- Взятие Сан-Педро.

Болезни теперь уничтожали пиратов быстрее, чем пули и сабли испанцев. Победители, получив в изобилии золото и добычу, голодали. Все запасы провизии были израсходованы, а свежие припасы не поступали. Убитые горем несчастные ссорились между собой из-за раздела добычи.

Лолонуа отправил несколько отрядов людей в окрестности, чтобы разыскать беглецов из Гибралтара и сказать им, что если в течение двух дней они пришлют ему пятьдесят восемь тысяч долларов, то он не будет жечь город; в противном случае он превратит все здания в пепел. Он также отпустил на свободу нескольких своих пленников, чтобы они передали своим друзьям ту же информацию. Разочаровавшись в найденных деньгах, он все еще верил, что беглецы спрятали большую сумму.

Прошло два дня, а деньги все не приходили. Лолонуа поджег четыре угла города и за шесть часов превратил его в пепелище. Под барабанный бой он собрал своих больных и голодных людей и отправился в путь, прихватив с собой все движимое богатство. Он взял с собой несколько пленников, мужчин и женщин. Плывая по заливу, они вскоре достигли Маракайбо. Он захватил довольно много жителей, которые с трепетом возвращались в свои опустевшие дома. И хотя бедняги уже были нищими, безжалостный пират сказал им:

"Если вы предоставите мне пятьсот коров и принесете тридцать тысяч долларов в монетах, я пощажу ваш город. Если же вы не уступите этому требованию, я поступлю с вашим городом так же, как с Гибралтаром. Ни одно здание не останется на месте".

Коровы были загнаны внутрь. Деньги были уплачены. Народ, все еще дрожа и не смея выказать свою радость, смотрел, как эти готы и вандалы нового времени, расправив паруса, медленно исчезают на далеком горизонте. Но кто может представить себе, в каком состоянии остался город? Люди были полностью опустошены. Дома были опустошены. Вдовы и сироты плакали и причитали, неся перед собой пожизненную нищету. Немногие люди с разрушенными конституциями шатались по улицам, медленно оправляясь от ударов и рваных ран, нанесенных дыбой. Когда мы читаем о таких преступлениях, совершенных человеком над своим братом, мы почти не желаем считать себя человеком. И измученное сердце находит мало утешения в мысли, что испанцы заслужили все это. Эти беды обрушились на них как праведное возмездие. С одинаковой жестокостью они обращались с коренными кубинцами, мексиканцами и перуанцами.

Флот отплыл в Гонавес на острове Испаньола. Там предстояло разделить добычу. Каждый дал торжественную клятву на Библии, что ничего не утаил, а все бросил в общественный фонд.

Сбор пиратов для этой раздачи на берегу прекрасной бухты острова Сан-Доминго, должно быть, представлял собой весьма необычное зрелище. В центре небольшой зеленеющей лужайки на траве лежали тюки богатейшего шелка, ткани самой разнообразной фактуры, корзины с золотыми и серебряными монетами, пистолеты, сабли и мушкеты самой лучшей конструкции, дорогие драгоценности, золотые кубки, вазы и украшения, которыми были обделены церкви. Вокруг стояли дикие группы тяжеловооруженных, полуголых пиратов, по свирепости облика напоминавших скорее зверюг, чем людей. Лица некоторых были изуродованы сабельными ранами, а некоторые ковыляли на костылях. Вокруг собрались коренные индейцы, их длинные черные волосы развевались на ветру, а почти обнаженные тела блестели, как монеты, только что отчеканенные на монетном дворе. Здесь же находилось несколько испанских пленников, мужчин и женщин, с грустью взиравших на распределение богатств, которые были разграблены в их собственных домах. Здесь же находилось большое количество рабов-негров с черными конечностями и шерстяными головами без шапок, которых пираты привезли с собой для выполнения тяжелой или рутинной работы.

После точного подсчета всех трофеев в виде монет, драгоценностей и товаров общая сумма была оценена всего лишь в пятьсот тысяч долларов. На самом деле имущество стоило гораздо больше. Но большинство товаров было оценено очень низко. Серебро в слитках оценивалось в восемь долларов за фунт. Пираты настолько не разбирались в реальной стоимости драгоценностей, что ценили их совсем не так, как они стоили на самом деле. Многие магазины и ткани также были сильно недооценены.

И все же даже при такой низкой оценке средняя сумма составила более тысячи долларов для каждого пирата. Закончив это важное дело, они отплыли на Тортугу, где большинству из них предстояло за несколько дней растратить все плоды своих грабежей и убийств, в самом буйном разгуле. После четырехнедельного плавания они достигли великого места встречи буканьеров. Остров был переполнен азартными игроками, брошенными женщинами и всеми мыслимыми притонами разврата.

В течение трех недель Тортуга представляла собой зрелище неистового и безумного разгула, превзойти которое было невозможно. Обезумевшие от выпитого мужчины носились по улицам, размахивая саблями во все стороны. На улицах были расставлены бочки с ромом и вином, стоявшие на концах, с выбитыми крышками, и каждого прохожего заставляли пить. Женщины, еще более отвратительные в своей порочности, чем мужчины, сновали по улицам в богатейших шелках и атласах, усыпанные блестящими украшениями, которыми могла бы гордиться герцогиня. Были и клятвы, и драки, и кровавые дуэли. В бреду этих бесовских оргий для дорогого завтрака жарили золотые часы и подавали к ним вареный жемчуг и драгоценные камни.

В порт случайно зашли два французских судна, груженные вином и бренди. Все это подливало масла в огонь насилия, греха и позора, бушевавший в этом миниатюрном городе всех извергов. За три недели почти все эти разбойники растратили все свои силы. Богатства, нажитые убийствами и терпением и несметными страданиями, перешли в руки азартных игроков, торговцев спиртным и брошенных женщин. Джон Эскемелинг, ставший свидетелем этих сцен, о которых он написал рассказ, говорит, что губернатор острова купил у этих буканьеров груз какао, не заплатив и десятой части его реальной стоимости. Он отправил его

в Европу и выручил от прибыли более пятисот тысяч долларов. Лолонуа, хотя и был неистово храбр и обладал необыкновенной силой духа, был низким, деградировавшим, жестоким человеком. Он предавался этим вакхическим оргиям с самыми жалкими членами своей команды. Никто не был виновен в больших излишествах. Никто не погружался на большую глубину в трясину отвратительного злодеяния. Не прошло и месяца, как он скитался по улицам грязным и оборванным нищим. К тому же он был по уши в долгах.

Он представлял себе только один способ выпутаться. Это было отправиться в очередную пиратскую экспедицию. Бедствия пиратов были столь велики, что торговля этих морях была практически уничтожена. Торговые суда покидали океан, если их не сопровождал сильный конвой. Именно это побудило буканьеров отправиться в путь целыми флотилиями, чтобы высадиться на берег в достаточном количестве, чтобы опустошить побережье и разграбить города и поселки.

Успех Лолонуа обеспечил ему высокую репутацию пирата. На острове было много людей, готовых предоставить ему средства для новых приключений. По улицам шатались сотни голодных несчастных без гроша в кармане, готовых поступить под его знамена на любую службу. Непостижима тайна Божьего правления. Он позволил миниатюрным адам существовать на земле и быть переполненными демонами в человеческом обличье. Ни философия, ни теология не могут объяснить этого. Сердце в муках часто взывает: "Господи, как долго! как долго!" Вера с трепетом и печалью восклицает: "Чего не знаем сейчас, узнаем в будущем".

У этого бесноватого хватило ума отказаться от своих чашек, пока его мозг не прояснился настолько, чтобы организовать, вплоть до деталей, план новой экспедиции. Об этом предприятии было сообщено нескольким людям, обладающим капиталом и беспринципной проницательностью. Деньги были быстро собраны. Было куплено шесть судов. В гавани, как правило, хватало судов - из-за призов, которые привозили, и из-за большого количества пиратских кораблей.

Лолонуа вывесил на стенах прокламацию, призывающую добровольцев. Более семисот желающих пришли к его дверям. Триста из них он взял с собой на борт своего самого большого корабля. Остальные были размещены на пяти других кораблях. Никто, кроме ведущих офицеров, не был поставлен в известность о назначении флота.

Сначала они приплыли в порт под названием Байяха на острове Сан-Доминго, который тогда, как мы уже упоминали, назывался Испаньолой, или Малой Испанией. Здесь они наполнили свои бочки водой и снабдили себя провизией. Затем они отплыли в Матаману, одинокую, но удобную гавань на южной стороне Кубы. Этот регион славился своими богатыми черепахами. Местные кубинские рыбаки на больших лодках преследовали этих животных, одинаково ценных как своей плотью, так и панцирем. Пираты очень любили черепаховый суп. Лолонуа требовалось большое количество лодок, чтобы он мог одновременно высаживать экипажи со своих кораблей на любой обреченный город.

У этих бедняг безжалостно отбирали лодки, во многие из которых помещалось по сорок матросов. Бедные рыбаки, не имея других средств к существованию, были охвачены горем и ужасом. Лолонуа был так же невнимателен к их горестям, как и к явной беде черепахи, лишенной птенцов. Снова расправив паруса, они прошли около трехсот миль вдоль южного побережья Кубы, когда их настигло то, что испанцы называют "яростным штилем".

В течение четырех недель здесь не было ни глотка воздуха. День за днем поднималось тропическое солнце, изливая на палубы свои палящие лучи. Каюты стали похожи на печи.

Нигде не было облегчения. Пираты клялись, молились, взывали к Деве Марии и святым. Все было тщетно. Двадцать восемь дней этого страшного заточения медленно пролетели. За это время сильное, но незаметное и несильное течение занесло их в Гондурасский залив, который глубоко вдаётся в восточное побережье Центральной Америки. Покинув Кубу, экипажи были проинформированы о предстоящем им предприятии. Им предстояло пройти вдоль побережья провинции Никарагуа и разграбить все ее поселения, большие и малые.

Эта важная испанская провинция полностью простиралась через Панамский перешеек, который тогда назывался Дарьен, от Карибского моря до Тихого океана. На севере она граничила с Гондурасом, а на юге - с Коста-Рикой. Течением пиратов отнесло почти на пятьсот миль к западу от точки, в которую они хотели попасть. Чтобы вернуться, они должны были плыть вдоль мрачного, почти необитаемого северного берега Гондураса.

Течение Гольфстрим, впадающее в Гондурасский залив, сильно давило на них. За штилем последовали свежие ветры. Но эти ветры были сильными и встречными. Невозможно было бороться ни с ветром, ни с течением.

Так прошел еще один тоскливый месяц, пока они боролись с невзгодами. Их провизия была израсходована. Их бочки с водой были пусты. Голод заставил их искать сушу. Войдя в устье большой реки, которую они называли Ксагуа и которая служила гаванью для их флота, они бросили якорь. Местность была довольно густо заселена индейцами, незлобивыми и дружелюбными. Они уже несколько лет вели торговлю с испанцами, которая была выгодна обеим сторонам. В обмен на какао индейцы получали из Европы товары, представлявшие для них бесценный интерес.

По берегам реки, под рощами какао, в окружении апельсиновых плантаций и полей индейской кукурузы, было разбросано множество живописных индейских деревень. Туземцы также узнали, что такое свиньи и домашняя птица, и были хорошо обеспечены и тем, и другим. Когда они увидели приближающийся флот, то не встревожились, а обрадовались, ведь им не терпелось продать и купить. Они вскочили в свои каноэ, нагрузили их овощами, фруктами и птицей и с улыбками на лицах поплыли к кораблям.

Как описать последующие сцены? Берк, кажется, сказал: "Говорить о зверских преступлениях мягким языком - это измена добродетели". Эти воплощенные изверги расстреливали бедных индейцев, мужчин и женщин, просто так, ради забавы. Затем лодки, наполненные этими вооруженными демонами, отправились на берег. Они расстреливали мужчин, как могли. Они взяли в плен многих женщин. Они лишили индейцев всего: свиней, домашней птицы, фруктов, кукурузы, а затем сожгли их деревни.

Известный французский историк Мишле, хотя и неверующий в христианскую религию, говорит, что, когда он писал отчет о зверствах, совершенных древними дворянами Франции над крестьянством, он молил Бога о том, чтобы было какое-то будущее наказание, где эти тираны, одетые в пурпур и роскошно питающиеся, могли бы получить должную награду за свои преступления.

Полученного количества еды хватило бы на несколько дней для семисот голодных ртов. Лолонуа решил оставаться на якоре до тех пор, пока погода не станет более благоприятной. Тем временем он отправил свои вооруженные лодки вверх по реке и вдоль берегов в обоих направлениях для беспорядочного грабежа. Вся местность была опустошена. Перепуганные индейцы бежали во все стороны, унося с собой все, что могли. Несмотря на все усердие грабителей, каждый день они могли принести едва ли достаточно для дневного пропитания.

Когда пираты собрали здесь все, до чего могли дотянуться, они бросили якорь и медленно продвигались вдоль побережья несколько лиг, пока не достигли гавани под названием Порт-Кавалло. Это был торговый пост испанцев. Здесь у них было два вместительных склада, где хранились товары, которые они получали от туземцев, и вещи, привезенные из Испании, чтобы отдать им взамен. Время от времени сюда прибывали корабли со свежими припасами и для перевозки покупок в Испанию.

В то время в гавани стоял большой испанский корабль, на котором было двадцать четыре пушки и шестнадцать мортир. Но это единственное судно не смогло оказать действенного сопротивления флоту пиратов. Он был немедленно захвачен. Его груз был в основном выгружен и вывезен в деревню, чтобы обменять по бартеру с индейцами. Они разгромили склады, разграбили и разрушили все прилегающие жилища. Они захватили много пленных и подвергали их страшным пыткам, чтобы заставить признаться, часто когда у них не было ничего, что они могли бы рассказать.

Лолонуа рубил их на куски своей саблей, вырывал им языки, вывихивал им суставы дыбой. Он совершал над ними, пишет Эсквемелинг, "самые наглые и бесчеловечные жестокости, которые когда-либо изобретали язычники, подвергая их самым жестоким пыткам, которые они только могли себе представить или придумать". Часто случалось, что некоторые из этих несчастных пленников, принуждаемые к этому дыбой, обещали открыть места, где прячутся беглые испанцы; не будучи в состоянии выполнить это, они подвергались более ужасной и жестокой смерти, чем те, кто был убит раньше".

Примерно в двадцати милях от Порт-Кавальо находился, недалеко от побережья, небольшой, но процветающий городок под названием Сан-Педро. Лолонуа взял триста человек и начал поход, чтобы разграбить это место. Он оставил своего лейтенанта, Мозеса Воклена, командовать людьми, которые остались на кораблях. Несколько лодок, хорошо вооруженных, были отправлены вдоль побережья, чтобы оказать помощь, которая может понадобиться. Перед отплытием он сказал своим солдатам, что всегда будет идти во главе их, разделяя с ними все опасности; но что он прирежет первого, кто проявит хоть малейшее желание отступить или подаст хоть малейший признак страха.

Здесь не было широких дорог, а только запутанные тропы для мулов, по которым с трудом можно было пробираться сквозь густые заросли тропического леса. В качестве проводников были взяты два испанских пленника. Жители Сан-Педро, узнав о приближении, послали отряд людей, чтобы устроить засаду на пути. Узкая дорога вела через гигантские леса с почти непроходимыми зарослями колючек, шипов и переплетающихся лиан по обе стороны.

Когда пираты продвинулись примерно на девять миль, испанцы, сидевшие в засаде, открыли по ним огонь. Прицелившись, они с первого выстрела убили многих пиратов и еще больше ранили. Последовавший за этим бой был отчаянным с обеих сторон. Лолонуа, предположив, что его проводники завели его в засаду, мгновенно перебил их обоих.

Ярость пиратов была непреодолимой, и испанцы обратились в бегство. Они оставили после себя множество убитых и раненых. Пираты предали смерти всех раненых, за исключением одного или двух, которых они оставили в качестве проводников. Они пригрозили им немедленной смертью, если они не проведут их в безопасное место, в город. Туда вел только один путь. Напуганные ужасными угрозами Лолонуа, когда он спросил их, нет ли других засад дальше, они ответили, что есть. Тогда он спросил их, нет ли другого пути в город, по которому они могли бы избежать засад. Проводники ответили, что не знают ни одного.

Лолонуа пришел в ярость. Он выхватил свою саблю и разрубил одного из пленников на куски, прежде чем остальных. Он вырезал его сердце, схватил его и стал грызть, как хищный волк. Затем, обратившись к остальным пленникам, он сказал:

"Клянусь вам смертью Божьей, что я буду служить вам всем одинаково, если вы не приведете меня в город другим путем".

В ужасе бедные существа пытались пробраться сквозь заросли. Но им не удалось пробиться. Лолонуа был вынужден вернуться на прежний путь. Но он поклялся самыми страшными клятвами, что испанцы дорого заплатят за то, что доставили ему столько хлопот. Вечером того же дня они наткнулись на очередную засаду. Лолонуа обрушился на своих врагов с той же яростью, с какой тигр набрасывается на добычу, не считаясь с собственной жизнью, если ему удастся уничтожить свою жертву. Менее чем за час испанцы были разбиты, и лишь немногим удалось спастись.

Пираты, хотя и одержали победу, падали в обморок от усталости, голода и жажды. В ту ночь они улеглись в лесу и, вероятно, с угрызениями совести, заснули тем крепким сном, который часто приносят труд и опасность.

На следующее утро, с рассветом, пираты возобновили свой поход. Вскоре они наткнулись на третью засаду. Она была гораздо сильнее и лучше спланирована, чем предыдущие. Пираты запаслись большим количеством огненных шаров, которые они с большим эффектом обрушили на своих врагов. Лолонуа, казалось, был охвачен яростью безумца. Он пускал пену изо рта и скрежетал зубами, крича:

"Без четверти, без четверти! Чем больше мы убьем здесь, тем меньше встретим в городе".

Но мало кто из испанцев спасся в Сан-Педро. Почти все были убиты, а раненых сразу же отправляли на тот свет. Пираты подошли к городу. Оставался лишь один узкий подход, и тот испанцы тщательно забаррикадировали. Колючий кустарник, густо росший вокруг, был совершенно непроходим. Пиратам ничего не оставалось, как немедленно предпринять попытку штурма. Несколько раз их отгоняли назад, но лишь для того, чтобы возобновить схватку с еще большей яростью. Этот конфликт, по своей свирепости напоминающий звериный, продолжался четыре часа. Затем в городе был развернут белый флаг капитуляции.

После короткого совещания горожане согласились сдать город без дальнейшего сопротивления, если им дадут два часа на то, чтобы удалиться с теми предметами, которые они смогут унести с собой. Лолонуа, потерявший в этой последней битве сорок человек, согласился на эти условия. Испанцы с женами и детьми бежали, взяв с собой те немногие вещи, которые они могли унести на руках или на спинах мулов.

ГЛАВА XI.

Конец карьеры Лолонуа.

Вероломство пиратов - захват испанского корабля - злодейство пиратов - отказ Воклина - кораблекрушение - жизнь на острове - экспедиция в Никарагуа - полный провал - свирепость индейцев - исследование реки - отступление - приплытие в Дарьен - захват и смерть Лолонуа - судьба остатков.

Лолонуа терпеливо выждал два часа, которые он согласился предоставить жителям, чтобы они освободили место. Затем он вошел в город и, вероломно пренебрегая духом своего соглашения, послал вооруженные отряды преследовать беглецов, чтобы не только лишить их всего, чем они владели, но и привести всех обратно в качестве пленников.

Так и было сделано. Но разбойники были сильно разочарованы количеством найденной добычи: Сан-Педро был отнюдь не богатым местом. Жители жили безбедно, но экономно, в основном выращивая индиго.

Пираты, к своему большому разочарованию, как обычно, предположили, что в городе спрятано много сокровищ. Поэтому они подвергли своих пленников пыткам, чтобы заставить их указать места, где они спрятаны. Хотя многие умерли под этими страшными пытками, никаких открытий сделано не было. В отместку пираты превратили город в пепел. В этой бесплодной экспедиции они потеряли около ста человек убитыми и ранеными, перенесли огромные страдания и причинили невыносимые страдания своим собратьям.

Примерно в ста пятидесяти милях к юго-западу от Сан-Педро находился богатый старый испанский город Гватемала, столица обширной провинции с таким названием. Лолонуа в своем бешеном состоянии духа был намерен вернуться на корабль за подкреплением, а затем двинуться на Гватемалу. Но его пиратская команда отказалась принять столь безумное предложение.

Восемнадцать дней эти мародеры проторчали в окрестностях Сан-Педро, прежде чем применить факел. Затем, оставив после себя лишь руины и несчастья, они вернулись к флоту. Оставшиеся там люди занимались тем, что грабили индейцев, сжигали их хижины и причиняли всяческое зло их семьям. Некоторые из пленников на побережье сообщили им, что примерно в шестидесяти милях к западу, в устье большой реки Гватемалы, называемой Монтагуа, стоит большой испанский корабль, который недавно прибыл из Испании.

Как только Лолонуа прибыл на место, несколько лодок, наполненных пиратами, хорошо вооруженными, были отправлены для захвата корабля. Индейцы сообщили обитателям корабля о присутствии пиратов. Ожидая визита, они сделали все возможные приготовления для их отражения. На корабле было установлено сорок две пушки, он был хорошо снабжен стрелковым оружием, а отборная команда состояла из ста тридцати человек.

После того как пираты некоторое время обстреливали корабль из одного из своих судов с двадцатью двумя тяжелыми пушками, они послали четыре лодки, в каждой из которых было около сорока человек, чтобы перелезть через фальшборт корабля с тесаками в руках в четырех точках. В этой атаке им очень помог густой туман, который, смешавшись с пороховым дымом, опустился так плотно, что скрыл приближение лодок.

Команда была матросами. Пираты были бывальыми солдатами. Конфликт напоминал противостояние хорошо обученных регулярных войск и необученного ополчения. Очень скоро пираты стали хозяевами корабля, а палуба была усеяна мертвыми и умирающими. Но этих жалких грабителей снова ждало разочарование. Судно было почти полностью разгружено. Оставшийся груз состоял из двадцати тысяч пачек бумаги и ста тонн железных прутьев. Ни то, ни другое пиратам не пригодилось. А вот корабль с его большими пушками, стрелковым оружием и большим количеством боеприпасов считался большим приобретением. Но Бог распорядился так, что даже этот захват оказался скорее бедой, чем подспорьем для предприятий Лолонуа.

Отчаянный главарь пиратской шайки созвал общий совет и настоял на походе через всю страну в Гватемалу. Заседание было бурным. Всеобщее недовольство выражалось в проклятиях, клятвах и горьких обвинениях. Почти четвертая часть их численности погибла. Они перенесли почти невыносимые страдания. До сих пор они ничего не добились в плане обогащения. И вот теперь их побуждали пуститься в отчаянное предприятие, в котором они, несомненно, подвергнутся величайшим лишениям и где, вероятно, погибнут все.

Эти люди отплыли с Тортуги, рассчитывая, что доллары и дублоны будут собираться полными лопатами. Теперь они были бедны, голодны, бунтовали, злились друг на друга, и открывавшаяся перед ними перспектива была крайне неутешительной. Все мысли о том, чтобы опустошить Никарагуа, в нынешнем состоянии уныния и при значительном сокращении их численности, были отброшены.

Мозес Воклен командовал великолепным кораблем, который был недавно захвачен. Его судно было быстроходным. Когда один или два офицера вступили с ним в сговор, а команда из почти ста пятидесяти человек набралась, они решили сбежать и отправиться в плавание за свой счет. Ночью они бесшумно подняли якоря, воспользовались свежим бризом и, не дождавшись утренней зари, исчезли за горизонтом. Когда Лолонуа проснулся и обнаружил, что его покинули, безумец в бессильной ярости зашагал по палубе.

Беглецы не могли вынести мысли о возвращении без гроша в кармане на Тортугу, где они стали бы посмешищем для всего общества. Ветер благоприятствовал им. Они бежали вдоль побережья Гондураса и Никарагуа на юг, пока не достигли провинции Коста-Рика. В отчаянии, решив чего-то добиться, они высадились на берег, напали на маленький бедный городок Веругуас и разграбили его, убив многих жителей. Мебель в хижинах этих бедняков не представляла для них никакой ценности. Им досталось лишь жалкое золото на сумму около сорока долларов, которое рабы вымыли из грязи рек.

Этот регион был низким и нездоровым. Испанские гранды, владевшие рудниками и обрабатывавшие их принудительным трудом рабов, имели свои резиденции в более здоровом районе Ната, на расстоянии нескольких лиг. Испанцы стали собираться в большом количестве, чтобы дать отпор захватчикам. Пираты, встревоженные, бежали на свой корабль и вернулись на Тортугу. Здесь они распустились, и мы больше ничего не узнаем о судьбе этой части армии Лолонуа. Каждый из них, несомненно, нашел свой путь, через преступления и страдания, к смерти и к судейскому креслу Христа.

Лолонуа был оставлен в Порт-Кавалло с двумя сотнями человек. У него почти не было продовольствия, большая часть боеприпасов была израсходована, многие болели из-за неблагоприятного климата, и все были недовольны, шумны и злы.

Лолонуа оставался некоторое время в Гондурасском заливе. Эсквемелинг пишет: "Его корабль был слишком велик, чтобы выйти из него во время рефлюкса этих морей, что было легче сделать меньшим судам".

Каждый день он отправлял свои лодки на берег за едой. Вскоре все местные фрукты были съедены, и они питались мясом попугаев и обезьян. Медленно продвигаясь вдоль побережья под дуновением ночного бриза, они обнаружили, что дни в целом спокойные. Бросив утром якорь, они стали искать пропитание в рыбалке и охоте. В конце концов они обогнули крайнюю восточную точку Гондураса, мыс Грасиос а Диос. Чуть дальше виднелась группа островов, называемых Жемчужными.

Неукротимый Лолонуа все еще был полон решимости опустошить часть богатой провинции Никарагуа. Он планировал поставить свои суда на якорь в устье реки Сент-Джон, по которой великое внутреннее море, называемое озером Никарагуа, впадает в океан, а затем подняться по величественному потоку на своих вооруженных лодках. Во время плавания среди островов в почти незнакомом море он натолкнул свой корабль на песчаную отмель. Все его усилия снова спустить корабль на воду были тщетны. С бесконечным трудом он вытащил тяжелые пушки и железо, но корабль слишком глубоко погрузился в песок, чтобы его можно было сдвинуть с места.

Посчитав свой корабль безнадежно разбитым, он решил разбить его на части и из досок и гвоздей построить большую и крепкую лодку, на которой можно было бы подняться вверх по реке. Команда высадилась на остров, построила себе хижины на индейский манер и, безрассудно пренебрегая несчастьем, приступила к строительству лодки. Рассчитывая, что придется провести там некоторое время, они разбили огороды и посадили горох и другие овощи.

Остров, на котором они оказались, был большим, и на нем обитало очень свирепое племя индейцев. Но их дубины и копья, вооруженные зубами крокодилов, оказались бессильным оружием перед мушкетами, пистолетами и саблями пиратов. Индейцы, несомненно, были наслышаны о зверствах, творимых этими скитальцами по морям и суше, потому при их приближении они поспешно бежали, а сев в свои каноэ, фактически покинули остров.

Овощи, которые посеяли пираты, быстро росли. Прошло полгода, прежде чем их большая лодка, или, скорее, маленькое судно, было закончено. За это время они вырастили довольно большой урожай бобов, пшеницы, картофеля и бананов. Странно, что этот опыт не научил их тому, что они могут гораздо легче и счастливее зарабатывать на жизнь честным путем, чем нечестным. Но все же они упорно держались за пиратство с его преступлениями, жестокостью и диким весельем.

Когда судно было закончено, Лолонуа взял половину своей компании, или около ста человек, на это судно и корабль, который остался у него, и отплыл к устью реки Сент-Джонс. Другая половина осталась позади. Поскольку о других небольших судах флота ничего не было сказано, можно предположить, что все они были потеряны в результате различных потерь во время плавания или сбежали вместе с Воклином. Было известно, что у индейцев на реке есть очень большие лодки, сделанные путем выдолбления ствола гигантского дерева. В этих лодках, сделанных гениально и являющихся результатом почти невероятного труда, помещалось сорок или пятьдесят воинов. В намерения Лолонуа входило ограбить индейцев, отослать их на остров за оставшимися там пиратами, а затем со всем своим отрядом подняться по реке на непобедимой флотилии.

Лолонуа отплыл и через некоторое время достиг устья реки Сент-Джонс. Но индейцы, бежавшие с острова, разнесли по всему побережью весть о прибытии ужасных пиратов. Таким образом, испанцы и индейцы были вынуждены объединиться, чтобы встретить их, где бы они ни высадились. За ходом строительства судна внимательно следили шпионы, которые умело скрывали себя от посторонних глаз.

Когда Лолонуа и его отряд вошли в реку, они рассчитывали застать жителей врасплох и не имели ни малейшего представления о том, что сами могут быть удивлены. Но за их судном следили еще на подходе. Здесь была приятная укромная бухта, окруженная пышной и великолепной растительностью тропиков. Можно было не сомневаться, что именно это место будет выбрано для высадки. Природа украсила его прелестями Эдема. Здесь в засаде расположился хорошо вооруженный отряд испанцев и индейцев. Вокруг них изящно росли

пальмы и кокосовые пальмы. Золотые апельсины и лимоны обильно свисали с фруктовых садов, посаженных и возделанных Богом. Птицы со всевозможным блестящим оперением порхали с ветки на ветку. Все виды и звуки природы, казалось, говорили о том, что Бог создал этот мир счастливым; что его дети могут жить здесь в братской любви, окруженные изобилием.

Пираты бросили якорь в чудесной бухте, где сверкающий песок виднелся на глубине сажени под кристально чистой водой. У них было несколько небольших лодок. Всем не терпелось поскорее добраться до суши. Едва их лодки коснулись берега, и люди сгрудились для высадки, как эдемская сцена мира и красоты сменилась земной сценой шума и суматохи, дыма, стонов и крови.

Из окрестных зарослей на расстоянии полувыстрела раздалась внезапная мушкетная стрельба. Испанцы вооружили индейцев и научили их метко стрелять. И испанцы, и дикари объединились в самых жутких воплях, чтобы напугать пиратов, давая им понять, что они превосходят их числом. Невидимый враг стремительно продолжал выпускать убийственные пули. Не прошло и минуты, как многие были мертвы, корчась в крови. Другие были тяжело ранены. И все равно свинцовый град проносился над группой, круша кости и разрывая нервы, и все равно крики невидимых нападавших разносились по лесу. Не было ни глотка воздуха. Сернистый дым оседал, наполовину скрывая ужасное зрелище крови и смерти.

Даже демонические пираты были охвачены такой паникой, что не осмелились броситься в самую пасть гибели. С каждым мгновением их товарищи падали. Времени на раздумья не оставалось. Те, кто еще не был сражен, прыгали в лодки и отталкивались от берега, оставляя умирающих и мертвых в воде и на песке. Шквал преследовал их до тех пор, пока они не оказались за пределами досягаемости пушечных выстрелов.

Лолонуа, величайший злодей из всех, спасся невредимым. Неужели Бог сохранил его для того, чтобы он до дна осушил чашу душевных и телесных страданий, которую он так часто подносил к устам других? Учитывая то, что ему еще предстояло пережить, он мог бы счесть одной из богатейших милостей, если бы пуля пронзила сердце или мозг и положила его в один миг с мертвыми.

У несчастного хватило ума понять, что ему конец. Больше не было никакой надежды опустошить Никарагуа. Его запасы провизии были исчерпаны. Он не сомневался, что все побережье вооружено против них. Как от удара молнии, он потерял почти половину своих экипажей. Отчаявшись и изголодавшись, он разделил свою компанию на две группы, чтобы плыть куда попало и спастись от голодной смерти.

Лолонуа с тридцатью или сорока людьми бежал вдоль побережья в сторону Южной Америки, пока не достиг области Карфагена. Их было мало, они были слабы и боялись высаживаться на берег. Зверства, творимые пиратами, были известны повсюду. На каждой лиге побережья испанцы или индейцы следили за их приближением, готовые объявить общую тревогу и созвать всех, кого можно было собрать для их отражения.

Их бочки с водой были пусты. Они должны были добыть свежую воду или погибнуть от жажды. Миновав Дарьенский залив, он решился высадиться на берег, взяв с собой все свои силы. Случилось так, или так распорядилось Провидение, что он высадился на территории одного из самых свирепых племен индейцев, известных во всем этом регионе. Их называли браво. Испанцы никогда не могли покорить их. Эти свирепые и хитрые дикари окружили пиратов и перестреляли или взяли в плен всю группу. Но ни одна пуля не сразила Лолонуа.

Его ждала другая участь. Большинство пленных пиратов были сожжены заживо. Но дикари посчитали, что это слишком милосердная смерть для предводителя группы.

Они привязали его к дереву. Час за часом, по своему обычаю, они пытали его, стараясь продлить его страдания, не протыкая ни одной жизненно важной точки. Прибегали к любым дикарским ухищрениям, чтобы вырвать агонию из его трепещущих нервов. Жалеть было некого. Даже человечество говорит, что он заслужил все это. Наконец дикари, неистово веселясь и поднимая новые крики всякий раз, когда им удавалось вырвать у него новые вопли агонии, устав от бесовского времяпрепровождения, отрубили ему одну руку и бросили ее в огонь. Затем они отрубили другую и предали ее огню. То же самое сделали с его ногами. Затем ему отрубили голову и вместе с телом, лишенным членов, обратили в пепел. Такой была земная жизнь и такой была земная смерть Франциска Лолонуа. Мы говорим "земная жизнь". Есть и другая жизнь. Есть вторая смерть. Лолонуа все еще живет в стране духов. Каков его характер там?

Оставшиеся на острове пираты, устав ждать лодки, совсем отчаялись. Но однажды утром их глазам предстал очень большой корабль, проходящий неподалеку. Их сигналы были услышаны, и корабль причалил. Это оказался пират, отправившийся на разграбление Карфагены. Капитан был рад пополнить свою банду сотней отчаянных парней. Пираты, которые уже десять месяцев находились на острове и пребывали в состоянии глубокого уныния, нужды и страданий, были рады, как только могут быть рады такие злые люди, этому избавлению от своих бед и новой возможности возобновить свои грабежи.

В разных провинциях Нового Света было несколько Карфагенов. Тот, на который им предстояло напасть, находился в Гондурасе, на реке Сегория, впадающей в мыс Грасиос а Диос. Их план состоял в том, чтобы бросить якорь в устье реки и подняться по течению на лодках. Пиратский капитан был очень доволен, ведь теперь под его командованием было от пяти до шестисот человек.

Они благополучно достигли устья реки. Несколько человек остались на корабле. В лодки набилось более пятисот человек. Места для хранения провизии не было, да в этом и не было необходимости. Предполагалось, что достаточный запас продовольствия можно найти в деревнях на берегах реки. Но индейцы передавали сведения почти с такой же быстротой, как телеграфные депеши. Из деревни в деревню неслись вести.

Индейцы, осознав свою неспособность противостоять хорошо вооруженным пиратам, бежали. Они взяли с собой все продукты, которые могли. Остальное они уничтожали. Захватчики дошли почти до голодной смерти. Они ели коренья, травы и даже листья деревьев. Палящее тропическое солнце лило свои лучи на переполненные открытые лодки, сжигая кожу от сильного жара. Пришли болезни, томление, боль, убогость. Их собственные преступления карали их скорпионьими плетями.

В этих лодках царило одно лишь несчастье: всеобщее недовольство, клятвы и драки. В отчаянии они высадились на берег, пятисот обезумевших, голодных людей, ненавидящих себя и друг друга. Они надеялись, что на некотором расстоянии от реки им удастся найти деревни, которые не были покинуты. В этом их ждало разочарование. Туземцы внимательно следили за ними и бежали раньше них.

Они начали отступать к кораблю. Многие погибли. Многие упали на обочине и были схвачены дикарями. Индейцы преследовали их, выискивая любую возможность нанести удар. Они были слишком слабы, чтобы сопротивляться. Они едва могли удержать весло или поднять мушкет. Их голод и страдания были так велики, что они решили убить и съесть первого

попавшегося индейца. Но такая дичь была недоступна их яйцам. Они съедали свою обувь, кожаные пояса, даже ножны своих мечей.

В конце концов отряд скелетов добрался до корабля. Там было мало еды. И все же они расправили паруса и исчезли. Больше мы о них не слышали.

ГЛАВА XII.

Женщина-пират Мэри Рид.

Свидетельство Чарльза Джонсона.- Замужество матери Мэри Рид.- Зловещее приключение.- Причины переодевания дочери.- Раннее обучение Мэри в детстве.- Она поступает на борт военного корабля.- Характер, который она развила.- Поступление в армию.- Умение и храбрость.- Влюбляется в Флеминга.- Раскрывает свой пол.- Брак.- Счастливые дни.- Смерть мужа.- Уход.- Возвращение в мужскую одежду.

При написании книги о капитане Кидде и других выдающихся пиратах его времени нам довелось обратиться к многочисленным древним документам. При их изучении мы столкнулись с многочисленными происшествиями, необычными по своему характеру. Среди них - хорошо известная карьера двух женщин-пиратов, Мэри Рид и Энн Бонни. Их жизнь иллюстрирует распространенное замечание о том, что факт часто бывает страннее вымысла. За дикую и удивительную историю их приключений мы в основном обязаны повествованию капитана Чарльза Джонсона. Сейчас передо мной лежит второе издание его ценной истории пиратов. Оно было опубликовано в Лондоне в 1724 году. В предисловии к этой работе писатель говорит

"Что касается жизни двух наших женщин-пиратов, то мы должны признаться, что она может показаться несколько экстравагантной, но тем не менее она правдива. Но поскольку они были публично осуждены за свои пиратства, есть достаточно живых свидетелей, чтобы оправдать то, что мы о них рассказали. Несомненно, мы привели некоторые подробности, которые не были известны широкой публике. Причина в том, что мы были более любознательны к обстоятельствам их прошлой жизни, чем другие люди, у которых не было иной цели, кроме удовлетворения своего частного любопытства. Если в их историях и есть какие-то происшествия и повороты, которые могут придать им атмосферу романа, то они не выдуманы и не придуманы для этой цели. Этот автор мало знаком с таким видом чтения. Но поскольку он сам был чрезвычайно увлечен ими, когда они рассказывались ему, он решил, что они могут произвести такой же эффект на читателя".

Молодая девушка в одном из морских портов Англии, около ста семидесяти пяти лет назад, вышла замуж за моряка. Через несколько месяцев после их свадьбы моряк ушел из дома в далекое плавание и больше не вернулся. Она так и не узнала, бросил ли он ее или умер вдали от дома. Когда он уплыл, она ожидала, что скоро станет матерью. Она поселилась у родственников мужа. В положенный срок ребенок родился, и это оказался мальчик.

Матерью была молодая, легкая, пустяковая девушка, с хорошей репутацией и не очень аккуратными привычками, которая вскоре узнала, что ей предстоит снова стать матерью. С течением времени, чтобы скрыть свой позор, она ушла от родственников мужа, сообщив им,

что собирается навестить своих друзей в деревне. Ее маленькому сыну, который сопровождал ее, тогда не было и года.

Вскоре после ее отъезда сын умер, и вскоре она родила еще одного ребенка, который оказался девочкой. Мать оставалась в отъезде четыре года. За это время она почти не общалась со своими прежними родственниками, и они ничего не знали ни о смерти сына, ни о рождении дочери. Мать ее мужа была еще жива. Она находилась в комфортных условиях, хотя была престарелой и немощной, с ослабленным зрением. Мать маленькой девочки думала, что если она сможет передать своего ребенка престарелой матери мужа, как его сына, которого она видела и любила, то ребенок будет обеспечен. Но превращение девочки в мальчика представлялось непреодолимой трудностью. Однако она передела ребенка в мальчика и представила его свекрови как сына своего мужа. Никто не заподозрил обмана. Добрая старушка сердечно приняла его и очень хотела его как своего собственного, обещая обеспечить его всем необходимым.

Но хитрая мать заявила, что расставание с ребенком разобьет ей сердце, что она не может быть с ним разлучена. Однако было решено, что ребенок должен жить с матерью, а предполагаемая бабушка должна выделять на его содержание крону в неделю. Таким образом, ребенок был воспитан как мальчик. Мать следила за ним с величайшей бдительностью, наставляя ее охранять тайну своего пола с максимальной осторожностью.

В конце концов бабушка умерла, небольшое имущество исчезло, и мать с ребенком оказались в крайне бедственном положении. Ребенку было уже тринадцать лет, он был смышленным, хорошо сложенным и симпатичным, с совершенно мальчишеским характером. По соседству жила одна французская дама, которая взяла ребенка к себе в услужение в качестве пажа и лакея. Женская природа вскоре была полностью поглощена мужскими стремлениями и желаниями.

Она была смелой и сильной, развила в себе бродячий нрав и любовь к диким приключениям. Нам не известно ее мужское имя. Ее женское имя было Мария. Для удобства мы будем называть ее Фрэнком в период ее переодевания. Фрэнк поступил на борт военного корабля и в течение нескольких месяцев энергично и успешно служил в качестве матроса. Никто не был более проворным, чем Фрэнк, когда нужно было поднять шканцы или взять рифы, когда величественное судно, словно пузырь, швыряло по гигантским волнам.

Вскоре, устав от этой работы, Фрэнк, на вид изящный, хорошо сложенный юноша девятнадцати лет, записался в армию. Взяв в руки мушкет и быстро освоив военную подготовку, она попала в строй и в сопровождении пехотного полка отправилась во Фландрию. Она участвовала в нескольких тяжелых сражениях. Говорят, что во время боя никто из полка не проявлял более безрассудной храбрости. Она, казалось, потеряла всякое сознание опасности и, если можно так выразиться, в состоянии неистовства, которое делало ее спокойной по своей интенсивности, была так же независима от снарядов, пушечных ядер и пуль, как если бы они были снежинками.

Ее бы непременно повысили в звании, если бы заслуги позволили добиться этой чести. Но в наемнической Англии того времени нельзя было получить никакую комиссию, кроме той, что была куплена за золото. Вечно сжигаемый неутоимыми желаниями, Фрэнк вскоре добился того, что сменил пехотную службу на службу в конном полку. Здесь легкая и изящная фигура Фрэнка проявила себя с лучшей стороны. В роте не было более смелого наездника, более ловкого управляющего боевым конем, чем она.

Даже конь, на котором она ехала, казалось, сознавал, что несет более ценную ношу, чем обычно. В нежных тонах ее голоса и ласке было что-то такое, что гордый конь, казалось, распознавал, всегда приветствуя ее приближение вздохом. Офицеры очень восхищались Фрэнком и испытывали странный интерес к незлобивому, но рыцарскому героизму, проявленному им в нескольких кровавых схватках.

Старая латинская поговорка гласит: "Amor omnia vincit" - *любовь побеждает все*. Случилось так, что в рядах отряда был товарищ, всегда ехавший рядом с Фрэнком, - очень красивый молодой Флеминг, около двадцати трех лет от роду. Он был нежным, милым парнем и таким же храбрым, как и его нежный, милый товарищ, с которым у него завязалась очень крепкая дружба. Он спал в той же палатке и рядом с Фрэнком. Они всегда были вместе и помогали друг другу.

Девичья натура Фрэнка не могла устоять перед всем этим. Она отчаянно влюбилась в светлолицего, льняноволосяго фламандца. Всякий раз, когда молодому Флемингу поручали отправиться в какое-нибудь путешествие, Фрэнк настаивала на том, чтобы сопровождать его; и чем отчаяннее было приключение, тем решительнее она просила разделить с ним опасность. Было замечено, что часто Фрэнк бросался в самую большую опасность, просто чтобы быть рядом с другом, даже если она не могла оказать ему никакой помощи.

Эта необычайная преданность Фрэнка своему товарищу Флемингу привлекла внимание всей компании. Поскольку никто ни в малейшей степени не подозревал о ее маскировке, предполагалось, что в характере тихого, замкнутого, красивого мальчика-солдата должна быть жилка безумия.

Однажды утром в своей палатке она объявила своему сослуживцу, что она женщина. Флеминг потерял дар речи от изумления. Значит, здесь кроется секрет дикой преданности, которая заставляла ее безрассудно рисковать своей жизнью везде, где его собственная подвергалась опасности.

Необычность ситуации добавляла ей романтики. Из теплого друга он превратился в преданного любовника. Вспоминая многочисленные опасные сцены, с которыми они вместе сталкивались, и ее хладнокровную храбрость, он не мог не видеть, что перед ним помощница, которую стоит иметь. Мэри инстинктивно гордилась собой. Хотя на протяжении многих лет она вела суровую жизнь в лагере со всеми ее тяготами, она ничуть не уступала истинной женщине. Она была более чем готова к тому, чтобы ее добивались и завоевывали в качестве жены. Но ни одна леди в домашней гостиной не могла бы быть более скромной и сдержанной, принимая обращения любовника, чем Мэри в общении с любовником, который жил в ее палатке. Здравый смысл подсказывал ей, что если она хочет добиться и сохранить его любовь, то должна неопровержимыми доказательствами завоевать его высокое доверие и уважение.

Какой бы странной ни казалась читателю эта история, нет причин сомневаться в ее достоверности. Молодой Флеминг предложил ей стать его женой. На это предложение она без долгих колебаний согласилась. Они поклялись друг другу в верности. Кампания вскоре закончилась. Полк встал на зимнюю стоянку. Влюбленные объединили свои кошельки и купили женский гардероб для Фрэнка. Она облачилась в новое одеяние и объявила о своей половой принадлежности изумленным сослуживцам.

Эта странная новость вызвала большое волнение в лагере. Они публично поженились. На бракосочетании присутствовала огромная толпа. Многие офицеры помогали в церемонии, а невеста получила множество подарков. Среди всех ее товарищей был сделан общий взнос,

чтобы собрать сумму, которая поможет ей начать вести домашнее хозяйство. Фрэнк был всеобщим любимцем и пользовался всеобщим уважением.

Устроившись поудобнее, они оба захотели оставить службу. Обстоятельства были столь романтичны и своеобразны, что они без труда добились увольнения. Затем они обосновались во Фландрии, в ресторане или закусочной. Их маленький трактир, содержащийся с британской аккуратностью, находился неподалеку от замка Бреда и был широко известен по названию своей вывески - "Ботинки трех лошадей". У них был большой поток посетителей, и особенно часто им покровительствовали офицеры армии.

Они были очень счастливы. Но процветание в этом мире недолго светит каждому. Наступил мир. Армия была рассеяна. В "Трех конских башмаках" больше не было гостей, а муж Мэри заболел и умер. Она осталась бездетной и без средств к существованию. Она была приучена к мужским занятиям. Она была молодой вдовой, ей было чуть больше двадцати лет. Будучи женщиной, она не знала, в каком направлении двигаться, чтобы заработать на жизнь. Лишь несколько месяцев она принимала женский облик и носила женскую одежду. Все остальные годы она носила одежду и занималась мужскими делами. В качестве мужчины перед ней открывалось множество возможностей, и все они были благоприятными, чтобы получить поддержку.

Она снова приняла мужское одеяние, продала все свои вещи и с золотом в кошельке, достаточным для удовлетворения насущных потребностей, отправилась в Голландию, где, будучи совершенно незнакомой, снова начала свою мужскую карьеру, не опасаясь быть обнаруженной. В одном из пограничных городов Голландии стоял английский пехотный полк. Это было мирное время, и солдаты жили в праздности, не имея никаких дел. При таких обстоятельствах легко было вступить в полк и приобрести освобождение от службы в любое время, когда человек мог этого пожелать.

Фрэнк снова записался в полк. Через несколько месяцев, устав от однообразной жизни, она получила увольнительную и в качестве обычного матроса отправилась на борт судна, направлявшегося в Вест-Индию. Это было голландское судно. Фрэнк был единственным англичанином на борту. Во время плавания английский пират появился в поле зрения и набросился на торговое судно. Пират был так хорошо вооружен, а на его палубе собралась такая толпа отчаянных людей, что сопротивление было бы просто глупостью. Корабль был захвачен без борьбы.

Разграбив корабль и забрав все его сокровища, пират взял английского франка в свою команду, а затем повернул опустошенное судно в дрейф, не причинив ни офицерам, ни матросам ни малейшего вреда. Как мы уже упоминали, в то время эти буканьеры не считали себя, да и другие не считали их такими, какими бы сейчас считали обычных пиратов. В определенном смысле они действовали по королевскому указу. Они имели право грабить все *испанские* корабли. И если они иногда ошибались и не читали правильно флаг, то это было нарушение, не вполне простительное.

Этот пиратский корабль продолжал грабить в течение нескольких месяцев. Фрэнк была взята на борт и не могла сбежать, даже если бы захотела. Вероятно, ее нравственное чувство не было достаточно развито, чтобы заставить ее делать какие-либо заявления, которые, конечно, оказались бы совершенно бесполезными, или испытывать особые угрызения совести. Привыкшая к мужской одежде, ко всем привычкам моряка и солдата, она не испытывала ни малейшего смущения в своем новом положении. Никто не передвигался по палубе и не взбирался на сани с большей свободой, чем Фрэнк.

Как раз в это время вышла королевская прокламация, о которой мы уже упоминали, с предложением помиловать всех пиратов, которые сдадутся, за исключением Кидда и Эйвери. Команда корабля буканьеров решила воспользоваться этой прокламацией.

Западноиндийская группа, называемая Багамами, состоит нескольких сотен островов различной величины. Один из них, Сан-Сальвадор, стал первой землей в Новом Свете, которую открыл Колумб. Самым важным из этой группы, благодаря своей отличной гавани и положению по отношению к Флориде, является Нью-Провиденс. Первоначально остров был заселен англичанами в 1629 году. Он был захвачен испанцами, а англичане изгнаны в 1641 году. Безжалостные испанцы убили губернатора и совершили множество других жестоких преступлений. И снова, в 1666 году, громы британских штандартов эхом прокатились вдоль берегов, и знамена Англии вновь развернулись над ее горами и плодородными долинами. Сорок семь лет прошло над этим проклятым войной земным шаром, когда в 1703 году объединенный флот французских и испанских кораблей изгнал англичан, и, не желая вступать в военное владение островом, он стал прибежищем пиратов, где происходили такие сцены веселья, сладострастия и преступлений, которые не в силах описать ни одно перо.

Так в течение восьмидесяти лет небеса взирали на его бесчинства. Затем он был вновь официально уступлен англичанам и с тех пор остается в их владении. В то время, о котором мы пишем, остров принадлежал Англии, и командовал им британский губернатор. В гавань Нью-Провиденса ворвались буканьеры с кошельками, набитыми золотом, полученным в результате вольных походов, . Они сдались губернатору и получили королевское помилование.

Фрэнк пробыл среди них совсем недолго. Ее кошелек не был тяжелым. Неизвестно, пополнила ли она его за время своего короткого и обязательного плавания на борту "Бакканира". Ее деньги вскоре были израсходованы. Британский губернатор на Нью-Провиденс в это время снаряжал несколько вооруженных судов для каперских походов против испанцев. Он стремился завербовать любого из смелых буканьеров, которых можно было заманить на эту службу. Ничто не могло быть более соответствующим желаниям этих отчаянных людей. Фрэнк, оставшись без работы, завербовался капером на борт одного из этих правительственных кораблей.

ГЛАВА XIII.

Энн Бонни, женщина-пират.

Пират Рэкэм - Анна Бонни, его жена - Причины, по которым она приняла платье мальчика - Знаменитый характер Рэкэма - Анна влюбляется в Мэри - Любопытные осложнения - Дуэль - Рыцарство Фрэнка - Захват - Суд - Показания художника - Смерть Мэри Рид - Рэкэм умирает на эшафоте.

В то время на острове Нью-Провиденс жил отъявленный негодяй по имени Рэкэм. Он был капитаном пиратского корабля и делил каюту со своей женой, очень развратной женщиной, которая переодевалась в мальчишескую одежду. По всей видимости, она выполняла

обязанности кают-компания. Этот капитан Рэкэм воспользовался прокламацией короля, выдал себя за пирата и получил помилование.

Вместе с женой, переодетой в мужскую одежду, он охотно записался на один из каперов губернатора. Никто на корабле не знал, какого пола его спутница. Она действительно была его женой, а ее настоящее имя - Энн Бонни. Она была грубой, неуправляемой девушкой, и ее родители были так недовольны тем, что она вышла замуж за такого никчемного негодяя, каким был Рэкэм, что больше не признавали ее. Не имея средств к существованию, она переделалась в матросскую одежду, и они оба отправились на Нью-Провиденс. Там он, несомненно, намеревался возобновить карьеру пирата.

Рэкэм и Энн Бонни записались на борт того же корабля. Здесь были две женщины в мужском одеянии, ни одна из которых не подозревала о настоящем поле другой. Никто не мог общаться с такими спутниками, как Мэри Рид, или сталкиваться с влиянием, которому она постоянно подвергалась, не став в какой-то степени развращенным.

Капер пробыл в плавании всего несколько дней, когда Рэкэм, на борту которого было много его старых единомышленников, организовал заговор, поднялся на офицеров, отправил их на дрейф, захватил корабль и вернулся к своему старому ремеслу. Мэри Рид, исполнявшая роль Фрэнка, была, как мы уже упоминали, очень красивым молодым парнем. Капитанская кают-компания, Энн Бонни, отчаянно влюбилась во Фрэнка и открыла ему, как она предполагала, свой пол. Она подступила к Фрэнку со всеми теми соблазнами и притягательностями, с какими жена Потифара приставала к Иосифу. Озадаченный таким образом, Фрэнк признался ей, что она тоже переодетая женщина. Это привело к еще большей близости между двумя молодыми морячками.

Капитан Рэкэм стал сильно ревновать свою жену из-за ее знакомства с Фрэнком. Он пригрозил Анне, что непременно перережет Фрэнку горло. Энн, прекрасно понимая отчаянный характер пирата, была вынуждена, чтобы спасти жизнь Мэри, посвятить капитана в свою тайну. Он не разгласил ее, зная, что она может подвергнуться очень жестокому обращению со стороны беспринципных негодяев, заполонивших его палубу.

Но снова всепожирающая страсть овладела грудью Франка. Было захвачено множество судов. После разграбления они, как правило, уходили в плавание вместе со своими экипажами. Если же пираты находили на борту этих кораблей кого-нибудь, кто мог быть им полезен, его задерживали на борту своего судна. Так случилось, что однажды они захватили корабль, на котором находился молодой английский художник. Рэкэм, решив, что художник может быть ему полезен, зарисовывая сцены и составляя карты, взял его в плен. Это был благовоспитанный молодой человек, красивый, с очаровательными манерами, очень умело владеющий карандашом и обладающий весьма привлекательными разговорными способностями. Фрэнка и молодого художника инстинктивно потянуло друг к другу.

А когда Фрэнк рассказала своему спутнику, что ей не нравится жизнь пирата, что она стала членом команды по принуждению и что ей следует при первой же возможности сбежать, между ними возникла новая связь. Они стали товарищами по несчастью и всегда были вместе. Он никогда не сомневался, что мужское местоимение "он" относится к его бронзовой, но гладкощекой и мягкоголосой спутнице.

Даже на борту пиратского корабля есть много возможностей для уединения. Темной и бурной ночью, когда разгоряченные вином офицеры резвились в кают-компании, а команда буйствовала в проходной, Фрэнк и художник, закутавшись в толстые матросские куртки, не поддающиеся ни ветру, ни дождю, уединялись на палубе под грозовым небом и коротали

томительные часы, рассказывая друг другу о прошлом и планируя меры по спасению. Фрэнк была младшей из них и в эти часы полуночного общения любила откинуться с головой на колени своего ничего не подозревающего товарища.

Это привело к неизбежному результату. Вся страстная натура женщины, еще почти девочки, вспылала любовью к молодому художнику. В одном из таких полуночных общений она открыла изумленному другу свой пол. Его дружба быстро переросла в страстную любовь. Он всегда, под ее вымышленной личиной, имел повод уважать ее. Он не мог припомнить ни одного нескромного или неподобающего поступка. Наедине, в темноте ночи, на одинокой палубе, где на них смотрели одни лишь звезды, они прошли через церемонию, которую оба считали тайным *браком*.

Мэри Рид всегда утверждала, что считала эти бракосочетания столь же священными, как если бы обряд совершался в церкви, священником в рясе и в присутствии любого количества свидетелей. Ее никогда не обвиняли в неверности брачному обету или в неосмотрительном поведении.

Но месяцы шли. Корабль продолжал свой пиратский круиз. Фрэнк, хотя и была тайной женой художника, не вызвала никаких подозрений своей маскировкой. В матросском одеянии она по-прежнему выполняла все обязанности, возложенные на других членов команды. Произошло несколько кровопролитных боев. В этих схватках и она, и Энн Бонни, как и все остальные, были призваны работать у пушек.

Одним из законов корабля было то, что если между двумя членами команды возникала ссора, то на борту корабля не должно было быть разборок, но когда они приближались к какому-нибудь острову, они должны были вместе со своими друзьями высаживаться в лодку и разрешать ссору на дуэли на берегу. Один из пиратов так грубо подстрекал художника, что тот то ли бросил ему вызов, то ли принял его вызов на дуэль. Фрэнк ни за что не хотела, чтобы ее муж отказался от враждебной встречи. Общественные настроения среди пиратов были таковы, что если бы он это сделал, то оскорблениям и поношениям, которые он получил бы в награду, не было бы конца.

Фрэнк находилась в состоянии сильного волнения и тревоги за судьбу своего возлюбленного. Она была прекрасным фехтовальщиком, и никто из пиратской команды не стрелял из пистолета точнее. Ее любовь была столь страстной, что она чувствовала, что не сможет жить без этого мужа, чей союз с ней был так привлекателен благодаря тайне и романтике. Она была готова рисковать собственной жизнью, чем подвергать его опасности.

Поэтому она специально спровоцировала ссору с пиратом, которому вскоре предстояла враждебная встреча с ее мужем, чтобы вынудить его немедленно бросить гневный вызов. Она ловко добилась того, что время их встречи было назначено за два часа до дуэли с мужем. В своем возбужденном состоянии она решила непременно добиться своего.

Они должны были встретиться на расстоянии нескольких шагов, выстрелить друг в друга из пистолетов, а затем, взяв в руки шпаги, наступать и сражаться до тех пор, пока один или другой не будет выведен из строя или убит. Пистолеты были разряжены. Ни один из них не был серьезно ранен. Затем они скрестили шпаги. Несколько минут продолжалось ожесточенное столкновение оружия, а затем проворная Фрэнк провела мечом по телу своего противника, и он упал перед ней окровавленным трупом.

Подобные стычки были слишком частым явлением в команде корабля, и Фрэнк слишком часто сталкивалась с такими кровавыми сценами, чтобы это произвело на нее серьезное

впечатление. С большим самообладанием она вытерла свою багровую шпагу и вернулась на корабль, ликуя от мысли, что спасла жизнь своему мужу. Привязанность между Фрэнком и ее любовником до этого, по-видимому, была очень сильной. Но это событие связало их крепче, чем когда-либо прежде.

Почти всегда, даже в этом мире, возмездие следует за преступлением. После многих удачных захватов, буйства и веселья этой безбожной команды настал час возмездия. Однажды быстроходный английский фрегат с мощным вооружением заметил пирата и пустился в погоню. Судно было догнано и захвачено, а вся его команда, закованная в кандалы, доставлена в Англию для суда. Там не были настроены на ласковое обращение с этими несчастными, чьи преступления едва ли можно перечислить. Суд был быстрым, а казнь - скорой. Молодой художник легко доказал, что был пленником на борту корабля и не принимал никакого участия в их пиратских подвигах. Его быстро освободили. Фрэнк был одним из пиратов. Ее утверждение, что она была таковой неохотно, оказалось бесполезным. Она была в их признанном числе; ее причисляли к ним по всем профессиям моряка; она принимала активное участие в их сражениях.

Один из свидетелей, которого Рэкэм взял в плен и некоторое время держал на борту пиратского судна, дал следующие показания против Фрэнка, а точнее, против Мэри Рид, поскольку во время суда был раскрыт ее пол и обнаружен тот неприятный факт, что в скором времени она должна была стать матерью. Показания были следующими:

"Я была взята в плен Рэкэмом и некоторое время находилась на борту пиратского корабля. Однажды я случайно разговорился с пленницей у стойки бара. Она была одета как обычные моряки, и я не предполагал, что она чем-то отличается от них. Приняв ее за молодого человека, я спросил, какое удовольствие она может находить в таких предприятиях, где ее жизнь постоянно подвергается опасности от огня или меча; и не только это, но она должна быть уверена, что умрет бесславной смертью, если ее возьмут живой?

"Она ответила, что, что касается повешения, она не считает это большой трудностью; ведь если бы не это, каждый трусливый парень стал бы пиратом и так заполнил бы моря, что мужественные люди должны были бы голодать. Она сказала, что, если бы пиратам пришлось выбирать, они бы не согласились на меньшее наказание, чем смерть; ведь только страх смерти удерживает многих подлых разбойников от честности. Многие из тех, кто сейчас обманывает вдов и сирот и угнетает своих бедных соседей, у которых нет денег, чтобы добиться справедливости, по ее словам, стали бы грабить на море. Таким образом, океан будет переполнен разбойниками, как и суша. Ни один купец не отважится выйти в море. Торговля через некоторое время стала бы бессмысленной. Только страх перед повешением удерживает тысячи людей от пиратства".

Если принять во внимание невозможность составить точный отчет о разговоре, а также положение Фрэнк среди пиратов и то, что ее жизнь была бы мгновенно потеряна, если бы они заподозрили ее в неверности, то можно предположить, что, по сути, эти замечания могли быть сделаны, не указывая на особый моральный проступок. Фрэнк не отрицал, что сделал их.

Однако несколько членов экипажа привели гораздо более пагубные свидетельства. Когда, к всеобщему изумлению, суду стал известен пол и Мэри Рид, и Энн Бонни, пираты, казалось, очень хотели, чтобы их судьба была неразрывно связана с их собственной. Свидетельства против Энн Бонни были очень вескими. Она сопровождала своего печально известного мужа в большинстве его приключений и очень отличилась своей храбростью и энергичными действиями.

Когда фрегат настиг пирата, произошел короткий конфликт. Но огромные пушки фрегата обрушили на палубу пирата такой шквал виноградных выстрелов, что все, кроме Мэри Рид и Энн Бонни, бросились в трюм. Мэри Рид, как говорят, призвала тех, кто находился под палубой, подняться и сражаться как мужчины. Когда они отказались, она в ярости выстрелила в них из пистолета, убив одного и ранив других. Последнее обвинение, которое в значительной степени осуждало ее, она категорически отрицала. Такая бравада совершенно не соответствовала ее характеру. Но именно такого поведения и следовало ожидать от Анны Бонни. Она была деспером, столь же крепким человеком, сколь и мужественным. Ходили слухи, что перед тем, как начать пиратскую карьеру, она зарезала служанку разделочным ножом и так жестоко избила молодого парня, который ей не понравился, что он едва спас свою жизнь.

Их обоих признали виновными в пиратстве и приговорили к повешению. Поскольку не считалось правильным, чтобы ребенок Мэри Рид лишился жизни из-за грехов матери, Мэри дали отсрочку до рождения ребенка. Заключенная в мрачную и одинокую камеру Ньюгейтской тюрьмы, она со страхом ожидала приближения родов, за которыми должна была последовать позорная смерть на эшафоте. От ужаса своего положения она впала в лихорадку, от которой, к счастью, умерла. Так она избежала эшафота: она и ее нерожденный младенец спали в могиле вместе.

Рэкэм был повешен незадолго до времени, назначенного для казни его жены. В то утро, когда его вели на эшафот, его сначала провели в камеру Анны Бонни. Ее характерной речью, обращенной к нему, была:

"Мне жаль видеть тебя здесь; но если бы ты сражался как мужчина, тебя бы не повесили как собаку".

Через час после этого он бился в предсмертных муках. Анну время от времени вызволяли, и в конце концов она избежала казни. Что стало с ней в конце концов, никто не знает.

ГЛАВА XIV.

Сэр Генри Морган

Происхождение.- Отправляется в Вест-Индию.- Присоединяется к буканьерам.- Встречает пирата Мансвельта.- Завоевание Сент-Катарини.- Пиратская колония там.- Набеги на побережье Коста-Рики.- Сочувствие губернатора Ямайки.- Смерть Мансвельта.- Экспедиция дона Джона. Остров, захваченный испанцами.- Планы Моргана.- Его флот.- Разграбление Пуэрто-Принсипе.- Ужасные злодеяния.- Отступление пиратов.- Дуэль.- Они отплывают в Пуэрто-Вело.- Захват города.- Героизм губернатора.

Хотя имя сэра Генри Моргана не получило такой же известности, как имя капитана Уильяма Кидда, его достижения были гораздо более замечательными и печально известными. Он родился в хорошей и богатой семье в Уэльсе. Рано проявив склонность к бродяжничеству, он покинул родной дом и отправился на Барбадос. В те времена любой человек мог получить пропуск в колонии, согласившись оплатить проезд, служа на другой стороне. Рабочая сила пользовалась большим спросом. По прибытии корабля плантаторы спешили на борт и

платили деньги за проезд, которые эмигрант должен был отдать за определенные оговоренные месяцы труда.

Таким образом Генри Морган добрался до Барбадоса. Здесь его труд был продан, чтобы оплатить проезд, и он добросовестно отработал свой срок. Он был родом из добродетельного дома, но быстро безрассудный мальчик поддавался влиянию, которое его окружало, пока не стал худшим из плохих. С Барбадоса он отправился на Ямайку в поисках своей судьбы. Хотя в то время между Англией и Испанией был мир, британское правительство поощряло частные пиратские вылазки против испанской торговли. Как мы уже не раз упоминали, этим буканьерам нечего было бояться английских судов, пока они ограничивались грабежом испанских кораблей.

На Ямайке Морган обнаружил два судна, которые открыто готовились для этих экспедиций. Он взобрался на борт одного из них и совершил два или три очень удачных плавания. Некоторые люди, кажется, рождены для командования. Такие недолго остаются в подчиненном положении. Морган был человеком имперского типа. Поскольку в его распоряжении были значительные средства, он предложил некоторым своим товарищам объединить акции, купить судно и отправиться в плавание за свой счет. Это было быстро сделано, и Морган был единогласно выбран командиром.

Морган уже тогда был деспером. С многочисленной командой и хорошо вооруженным судном он отправился в плавание вдоль мексиканского побережья под названием Кампичи. После нескольких месяцев отсутствия он с триумфом вернулся на Ямайку, его корабль был нагружен добычей, захваченной во многих местах. Этот пират укрылся под флагом Англии и под пушками ее форта. В то время британское правительство было самым жестоким пиратом, какого когда-либо знала земля; ведь находясь в мире с Испанией, правительство поощряло все частные пиратские экспедиции против ее торговли.

На улицах Ямайки Морган встретил отъявленного пирата по имени Мансвелт. Слава об этом морском разбойнике распространилась далеко и широко. В то время он снаряжал весьма значительный флот, намереваясь укомплектовать его достаточным количеством войск, чтобы иметь возможность высадиться на территории испанцев и разграбить их города. Мансвелт, увидев, что Морган вернулся с таким количеством призов, составил высокое мнение о его мастерстве и храбрости и назначил его вице-адмиралом своей эскадры.

Вскоре в море была готова флотилия из пятнадцати кораблей с командой из пятисот пиратов. Примерно в тысяче миль к юго-западу от Ямайки, в Центральной Америке, находилась испанская провинция Коста-Рика, протянувшаяся через узкий Панамский перешеек от моря до моря. В нескольких лигах от берега, но примерно ста милях к северу от реки Чагрес, находился остров Святой Катарины, где у испанцев был небольшой гарнизон. Пираты высадились, захватили остров, взяли испанских солдат в плен и гарнизонировали форт сотней своих людей. Они оставили многочисленную группу рабов, захваченных у испанцев, чтобы те возделывали землю для своих новых хозяев. Командование было возложено на француза по имени Ле Сьер Симон. Ему было поручено привести остров в наилучшее для обороны состояние, а всех рабов направить на заготовку провизии на плодородных плантациях. Предполагалось, что таким образом он восстановит флот после возвращения. Очевидно, Мансвелт намеревался основать здесь колонию буканьеров с флотом и армией, королем которой он должен был стать. Он не опасался, что его действиям помешает британское правительство.

Мансвелт снова расправил паруса и в сопровождении энергичного вице-адмирала Моргана отправился в плавание вдоль восточного побережья Коста-Рики. В разных местах он посылал

на берег лодки, вооруженные пиратами, чтобы грабить деревни. Испанский губернатор соседней провинции Панама на юге, узнав об этих грабежах, собрал все имеющиеся в его распоряжении силы и, подняв на ноги всю страну, выступил, чтобы изгнать пиратов. Мансвелт отступил и вернулся со своим флотом в Сент-Катарин. Здесь он обнаружил, что его агент работал очень эффективно, а для его кораблей был приготовлен достаточный запас провизии.

Этот самый отъявленный пират вернулся на остров Ямайка, побеседовал с губернатором, откровенно рассказал ему о своих планах и попросил одолжить часть гарнизона, чтобы иметь возможность удержать остров от любой попытки испанцев вернуть его себе. Губернатор принял пирата вежливо, высказал опасение, что король Англии может не одобрить такую неприкрытую враждебность, когда между двумя странами царит мир, и заявил, что его гарнизон сейчас настолько слаб, что он не может спокойно уменьшить его численность.

Затем Мансвелт отправился с одним из своих кораблей к знаменитому месту встречи буканьеров на Тортуге. Пытаясь собрать рекрутов среди собравшихся там десперадо, он заболел и скончался, чтобы ответить за свою виновную жизнь перед трибуналом Божьим.

Тем временем 14 июля 1665 года дон Джон, губернатор Панама, приступил к организации экспедиции по возвращению острова. Он отправил корабль под командованием капитана Джозефа Ксиминеса, тщательно снаряженный и укомплектованный тремястами и восьмьюдесятью двумя солдатами. Корабль прибыл в Картахену, где отправил письмо коменданту испанского поселения. Тот незамедлительно добавил к экспедиции три небольших вооруженных судна со ста двадцатью шестью людьми. 2 августа эта маленькая флотилия подошла к западной оконечности острова Святой Катарин. Ветер был встречный. Только 12-го числа они вошли в гавань и бросили якорь перед сильным фортом пиратов.

Между каменным замком и флотом произошла перестрелка, в результате которой ни одна из сторон не пострадала. Ксиминес послал на берег одного из своих офицеров с флагом перемирия и следующим призывом:

"Именем короля Испании я требую сдачи этого острова. Он был захвачен в разгар мира между Англией и Испанией. Если капитуляция будет отклонена и я буду вынужден взять его штурмом, то непременно предам весь гарнизон мечу".

Командир пиратов ответил. "Этот остров когда-то принадлежал английскому королю. Он по праву принадлежит ему и сейчас. Мы скорее умрем, чем сдадимся".

В ночь на пятницу, 13-е, трое рабов приплыли к кораблям и сообщили коменданту, что в форте всего семьдесят два солдата и что они в большом смятении от того, что против них собралась такая сила. Суббота была посвящена подготовке к высадке на лодки и штурму форта.

Утро субботы встретило прекрасным рассветом над эдемской роскошью тропического острова.

Корабли обрушили свои широкие борты на форт, и под прикрытием их огня три сильных отряда были высажены в лодки. Капитан Лейва во главе шестидесяти человек атаковал главные ворота. Капитан Галено во главе девяноста человек пошел кружным путем через лес, чтобы атаковать крепость с тыла. Главнокомандующий Ксиминес с еще более сильными силами атаковал одну из сторон. Конфликт был коротким, но не очень кровопролитным.

Шестеро пиратов были убиты, и довольно много раненых. Испанцы потеряли только одного человека убитым и четырех ранеными.

Пираты попытались скрыться в лесу, но были отрезаны и все взяты в плен. В форте было найдено восемьсот фунтов пороха, двести пятьдесят фунтов пуль, а также большой запас провизии и другого военного имущества. Были захвачены два испанца, которые записались в ряды буканьеров, чтобы грабить торговлю Испании. Их немедленно вывели и расстреляли.

Форт оказался очень прочным и превосходно выполненным. Он был построен из камня, четырехугольной формы, со стенами высотой восемьдесят восемь футов. Пока происходили эти сцены, капитан Морган, не зная о них, находился на Ямайке. Услышав о смерти Мансвелта, он без сопротивления принял адмиральство. Он напрягал все силы, чтобы сохранить за собой Сент-Катарин и укрепить его, чтобы сделать остров безопасным и удобным складом для огромной добычи буканьеров.

Поскольку губернатор Ямайки отказался пополнять пиратские силы на Сент-Катарине за счет собственного гарнизона, Морган написал ведущим купцам Виргинии и Новой Англии, убеждая их, обещая самое щедрое вознаграждение, прислать ему провизию, боеприпасы и другие необходимые вещи. Когда до него дошла весть о том, что испанцы вернули себе остров, он не стал терять времени на бесполезные сожаления, а сразу же с демонической энергией принялся за другие дела.

С большой энергией он приступил к организации нового флота. Его агенты гордо расхаживали по всем английским портам, открыто закупали суда, боеприпасы и устанавливали пушки. Всем судам было приказано собраться в определенный срок в одинокой гавани на южной стороне острова Куба.

Этот великолепный остров имеет восемьсот миль в длину и от двадцати пяти до ста тридцати в ширину. Главными городами Кубы в то время были Гавана на севере и Сантьяго на юге. Гавана была укреплена тремя мощными фортами. Вдоль протяженного побережья было разбросано множество других небольших и процветающих поселений. В Гаване проживало десять тысяч семей, а ее торговля была огромной.

За два месяца капитан Морган собрал в своей уединенной гавани флот из двенадцати больших и малых кораблей и более восьмисот бойцов. Он созвал совет своих офицеров, чтобы решить, к какому предприятию им следует приступить. Некоторые из них настаивали на полуночном нападении на Гавану. Они говорили, что в городе хранятся огромные богатства, что нападение может быть внезапным, поскольку никто не подозревает об опасности, и что город может быть разграблен до того, как жители успеют организовать оборону.

Другие утверждали, что у них недостаточно сил для столь великого свершения; что им нужно не менее пятнадцатисот человек, чтобы попытаться захватить город с пятьюдесятью тысячами жителей. После долгих обсуждений было решено атаковать процветающий внутренний город Кубы под названием Пуэрто-Принсипе. Он располагался в нескольких лигах от южного берега и был совершенно не готов к такому нападению, которое могли предпринять пираты. Один из пиратов хорошо знал это место и все подходы к нему. Он сказал, что город никогда не подвергался разграблению, а значит, очень богат.

Вся флотилия быстро отплыла и направилась вдоль южного берега Кубы к обреченному городу. Ближайшее место для высадки Принципи находилось в бухте под названием Святой

Мариин. Здесь ночью испанский пленник, находившийся на борту одного из кораблей, тайком спустился в темную воду и, подвергаясь опасности быть съеденным акулами, выплыл на берег. Он поспешил по лесным тропам на мулах в Принсипи с вестью о страшной опасности, нависшей над городом.

Жители были повергнуты в ужасное смятение. Они прекрасно понимали, что от пиратов им стоит опасаться не меньше, чем от многочисленных извергов из бездонной ямы. Мужчины, женщины и дети бежали во все стороны, чтобы унести и спрятать свои сокровища.

Во всех этих испанских городах король назначил губернатора. Губернатор созвал всех работоспособных мужчин, вооружил рабов и расположил свои небольшие силы в засаде вдоль маршрута, который, по его предположению, должны были пройти пираты. Он также приказал срубить огромные деревья густого тропического леса поперек пути и устроить другие препятствия, чтобы задержать их продвижение. Но Морган, приблизившись к этим препятствиям, с большим трудом прорубил новую дорогу через лес и таким образом избежал попадания в засаду.

Морган оставил лишь небольшую стражу для охраны флота. Вместе с ним в поход отправилось около восьмисот человек. Пираты шли тремя отрядами, с барабанным боем, развевающимися знаменами и показной демонстрацией военного снаряжения. Город находился в центре ровной равнины. Губернатор отступил из засады и, когда пираты приблизились, встал перед городом во главе отряда всадников. Морган выстроил своих людей полукругом и обрушился на них.

Обе стороны сражались с отчаянием. Сильно превосходящие по численности пираты вскоре застрелили губернатора и столько его солдат, что оставшиеся попытались скрыться в лесу. Их горячо преследовали, и большинство из них было убито. Сражение с перестрелками продолжалось почти четыре часа.

Пираты, понеся незначительные потери, вошли в город. Но пока они шли по узким улочкам, которые всегда встречаются в этих старых испанских городах, многие жители продолжали мужественно сопротивляться. Они стреляли в пиратов из окон своих каменных домов и сбрасывали тяжелые предметы мебели с крыш на их головы. Морган громко заявил, что если они продолжают сопротивление, то он превратит весь город в пепел, а всех мужчин, женщин и детей предаст мечу.

Испанцы, надеясь, что, покорившись, они смогут спасти свои жизни и дома от пожара, сложили оружие и подняли белый флаг. В этом месте было несколько больших каменных церквей. Бесноватые пираты загнали все население, мужчин, женщин и детей, в эти церкви и заточили их там. Затем они приступили к грабежу и бессмысленному разрушению. Каждый дом, каждый закоулок и все окрестности были обысканы. Ночь превратилась в жуткое зрелище из-за их пьяных оргий. Едва ли можно было представить себе преступление, в котором не были бы виновны эти несчастные. Это были изверги самого мерзкого пошиба, не знающие жалости. Их бесчинства невозможно описать. Даже воображение большинства читателей не в состоянии представить себе те преступления, которые они совершали.

Они либо забывали о пленниках, которых теснили в церквях, либо намеренно оставляли их голодать. Для них не было сделано никаких условий, и они не получали никакой пищи. Страдальческие стоны женщин и детей не трогали их сердец. Большое количество людей погибло в томительных муках голода.

Разочаровавшись в количестве найденных сокровищ, они стали подвергать пленников пыткам, мужчин, девушек и даже маленьких детей, чтобы вырвать у них признание о том, где спрятаны богатства. Во время зверств, которые невозможно назвать, был захвачен человек, у которого были письма от губернатора Сантьяго к некоторым из ведущих жителей. В этих документах губернатор писал:

"Не спешите выкупать свой город или людей у пиратов. Откладывайте их как можно дольше, оправдываясь и откладывая. Через некоторое время я обязательно приду к вам на помощь".

Это встревожило Моргана. Он опасался, что губернатор Сантьяго может собрать достаточно сил, возможно, чтобы захватить его корабли, а возможно, чтобы отрезать ему путь к отступлению. Он приказал своим людям немедленно, как можно быстрее, отправиться к своему флоту со всей добычей, которую они собрали. Он также предпринял новые попытки, используя все силы пыток, чтобы вырвать у несчастных жителей сокровища, которые, как он предполагал, они спрятали. Тем, кому нечего было рассказать, рвали нервы и дробили кости, чтобы заставить признаться в том, чего не существовало. Он заставил своих пленников согнать весь скот в бухту, убить его, засолить и отнести бочки на его корабли.

Между двумя пиратами возникла ссора. Один вызвал другого на дуэль. Поэтому все отправились на берег в лодках. Когда они приблизились к назначенному месту, один из них, вероломно подойдя к другому сзади, ударил его шпагой в спину, и тот упал замертво. Морган, только что совершивший преступления, которые должны были заставить краснеть самого изверга, заявил, что убивать товарища таким вероломным образом - *нечестно и неблагородно*. Поэтому он, с согласия всей шайки бесноватых, заковал преступника в кандалы и повесил его.

Флот быстро отплыл на далекий остров, где им предстояло поделить награбленное. Здесь их ждало большое разочарование от захваченной суммы. Все было оценено всего в пятьдесят тысяч долларов. Это была небольшая сумма, чтобы разделить ее между столькими жадными претендентами. Это стало известно, что вызвало всеобщий переполох. У многих пиратов были долги на Ямайке, которые они стремились с *честью* выплатить.

Некоторые из шайки были настолько недовольны, что ушли с частью судов, чтобы плавать самостоятельно. Морган вскоре вдохновил оставшихся своей неукротимой энергией. За несколько дней он собрал флот из девяти парусов, укомплектованный четырьмястами и семьюдесятью пятью пиратами. Морган рассказал им, что разработал план, который обогатит их всех. Однако его необходимо было держать в глубоком секрете. Если кто-то из них окажется предателем и раскроет его, план может быть сорван. Поэтому пока они должны доверять ему и беспрекословно следовать его указаниям. Он уже внушил им такую уверенность в своей проницательности, рвении и мужестве, что они без ропота уступили этим требованиям.

Вся флотилия отправилась на континент и через несколько дней прибыла к побережью Коста-Рики. Тогда Морган собрал в своей каюте капитанов всех судов и сообщил им о своем плане, который они должны были донести до своих экипажей.

"Я намерен, - сказал Морган, - напасть на город Пуэрто-Вело и разграбить его. Я намерен разграбить весь город. Ни один уголок не ускользнет от моей бдительности. Как бы ни был велик город, это предприятие не может не увенчаться успехом. Мы застанем жителей врасплох, ведь я держу свой план в полном секрете, и они не смогут узнать о нашем приходе".

Некоторые из капитанов были встревожены столь смелым предприятием. Они сказали:

"Пуэрто-Вело - самый большой испанский город в Новом Свете, не считая Гаваны и Карфагена. В нем проживает от двух до трех тысяч человек, а гарнизон состоит из трехсот солдат. В городе есть два форта, которые считаются неприступными. Эти форты охраняют вход в гавань, так что ни один корабль или лодка не могут пройти без разрешения. У нас нет достаточного количества людей для штурма столь сильного места".

Морган ответил: "Если нас мало, то мы смелы сердцем. Чем меньше нас будет, тем большую долю в добыче получит каждый".

Последнее соображение имело большой вес для пиратов. Число участников разграбления Пуэрто-Принсипе было столь велико, что каждый из них роптал на скудную долю, которую получал. Морган был хорошо знаком со всем этим районом и досконально изучил пути, ведущие к городу. В вечерних сумерках он завел свой маленький флот в одинокую гавань под названием Наос, расположенную примерно в тридцати милях от Пуэрто-Вело. С запада в гавань впадала река, петлявшая по густой, запутанной, почти необитаемой пустыне. Оставив свои корабли на якоре под охраной нескольких человек, пираты, "вооруженные до зубов", на переполненных лодках и каноэ поднимались вверх по реке, пока в полночь не достигли точки, расположенной в нескольких милях от города. Затем они высадились и быстрым маршем двинулись по одинокой индейской тропе, окутанной мраком густого тропического леса, пока не оказались в пределах видимости огней, сверкающих с крепостных стен.

На главной аллее города, недалеко от ворот, они наткнулись на одинокого часового, который вышагивал по своим делам. Четверо мужчин осторожно прокрались вперед в темноте, схватили его, заткнули рот и привели пленником к Моргану. Пират подробно расспросил своего пленника о войсках, находящихся в городе, и средствах защиты. Дрожащему человеку пригрозили смертью от самых страшных пыток, если выяснится, что он хоть в малейшей степени обманул их. Получив эти важные сведения, они двинулись к городу.

Пройдя с милю, они добрались до главного форта, или, как его еще называли, замка. Утро еще не рассвело. В темноте они окружили его так плотно, что никто не мог ни войти, ни выйти. Тогда Морган послал в форт захваченного им часового с требованием немедленной капитуляции.

"Если вы сдадитесь сразу, - говорилось в послании пирата, - ваши жизни будут сохранены. Но если будет хоть малейшее сопротивление или промедление, я изрублю на куски всех, кто находится в форте. Ни один не уйдет".

Комендант замка не внял угрозам и открыл огонь по врагам. Грохот его пушек взбудоражил весь город. Губернатор, как можно быстрее, собрал все свои силы и сделал все возможное для обороны. Дремавший гарнизон, атакованный врасплох, был быстро побежден. Пираты, выломав ворота, ворвались внутрь и вскоре овладели крепостью. Замок был слабо подготовлен к отражению нападения со стороны суши.

Морган хотел нанести удар, который должен был взбудоражить весь город. В магазине в изобилии хранился порох. Рядом с ним находилась комната, в которую Морган загнал всех своих пленников. Заперев их, он зажег спичку, поднес факел и вместе со своей бандой удалился. Несколько мгновений стояла ужасающая тишина. Затем раздался рев десяти тысяч громов. Сама земля содрогнулась от страшной конвульсии. Казалось, произошло извержение вулкана, извергающего пламя, камни, землю, оружие и искалеченные конечности, и замок исчез. Все его обитатели погибли под его руинами.

В городе царило страшное смятение. Матери и девицы бегали туда-сюда, кричали от страха, а некоторые пытались спрятать свои сокровища, бросая их в колодцы или поспешно закапывая в подвалах и на полях. В суматохе часа губернатор обнаружил, что его попытки собрать горожан совершенно тщетны. С несколькими солдатами он бросился во второй и единственный оставшийся замок. Собравшийся здесь небольшой отряд, зная, что пощады от пиратов ждать не приходится, решил заставить как можно большее их число испепелиться, прежде чем они сами падут. Поэтому они открыли непрерывный и меткий огонь по своим обидчикам.

Неподалеку находился монастырь, где жили священники и монахини. Испанцы относились к этим религиозным орденам с суеверным благоговением. Морган захватил их всех в плен. Он приказал своим плотникам немедленно изготовить несколько лестниц, настолько широких, что по ним могли подняться сразу четыре человека. Затем он заставил церковников и монахинь нести лестницы и устанавливать их на стенах форта. Вооруженные солдаты следовали за ними, прикрываясь своими телами.

Губернатор считал, что в случае их захвата в жертву будет принесена жизнь каждого испанца. А для священников и монахинь было лучше, чтобы они погибли прямо на месте, чем остались в руках пиратов. Поэтому он открыл мощный огонь по приближающимся нападающим, несмотря на вал из живых тел, который они так позорно выставили перед собой. Несчастные обитатели монастыря с мольбой взывали к губернатору, умоляя его сдать замок и тем самым сохранить им жизнь.

Но губернатор скрепя сердце отбил от их призывов. Он сражался с отчаянием. Многие священники и монахини были застрелены. Но пираты, превосходящие числом, рвались вперед. Они достигли вершины стены. Они обрушили на отчаявшихся защитников огненные шары и ручные гранаты. Когда многие погибли, они спрыгнули вниз, с мечом в руке, среди дыма и пламени, и безжалостно расправились со всеми оставшимися в живых.

Героический губернатор сражался до последнего. Его жена и дети, горько плача и падая на колени, умоляли его сдаться, надеясь, что таким образом его жизнь будет спасена.

"Нет!" - воскликнул он, - "никогда. Я лучше умру как солдат, чем буду повешен как трус".

Покрытый ранами, он был в конце концов зарублен, и его растерзанное тело осталось лежать без присмотра. Замок был взят. Солдаты были уничтожены. Город оказался во власти захватчиков. Всех оставшихся в живых жителей города, которые не успели убежать в лес, загнали в замок. Затем пираты устроили сцену веселья, которую не смогло превзойти столпотворение. Монахини и все матери и девы оказались в их власти. Необходимо закрыть глаза на их ужасные деяния. Пресытившись пьянством и всеми мыслимыми излишествами, они приступили к разграблению города.

ГЛАВА XV.

Взятие Пуэрто-Вело и его результаты.

Пытки - Болезни и страдания - Меры губернатора Панамы - Амбускада - Ужасное поражение испанцев - Свирепость пиратов - Странная переписка - Обмен

любезностями.-Возвращение на Кубу и раздел добычи.- Дикие оргии на Ямайке.- Сговор британского правительства с пиратами.- Новое предприятие.- Прибытие "Оксфорда".- Уничтожение "Серф Воланта".- Рандеву на Самоне.

Несчастные жители захваченного города Пуэрто-Вело подвергались всем видам пыток, чтобы заставить их открыть, где спрятаны их богатства. Многие из них ничего не знали о спрятанных сокровищах. День за днем разыгрывались самые ужасные сцены жестокости. Многие мужчины и женщины умерли под пытками. Пятнадцать дней пираты оставались среди руин, которые они создали.

Но в этом мире редко кто наносит удары, не получая взамен других. Пришла болезнь, с томлением, болью и стоном агонии. Смертное ложе достаточно безрадостно, даже если оно окружено всеми проявлениями сочувствия, любви и нежной заботы. К этим несчастным людям, в их бездомности и страшной вине, смерть должна была прийти как царь ужасов. Их охватила мучительная, язвенная болезнь. Окруженные клятвами и криками бесноватых, они шли к месту последнего суда.

Из-за нездорового климата в Пуэрто-Вело многие купцы, имевшие свои склады в этом порту, поселились в гораздо более привлекательном городе Панама, расположенном в нескольких лигах от него, на берегу Тихого океана. Губернатор провинции также проживал в Панаме. Морган послал в этот город двух пленников, чтобы те заявили его жителям, что если ему не пришлют сто тысяч долларов, то он превратит Пуэрто-Вело в пепел.

Но губернатор уже узнал о прибытии пиратов. Он собрал вооруженные силы и выступил в поход, чтобы отрезать им путь к отступлению. Тем временем в гавань ввели корабли и нагрузили их награбленным добром. Валы были отремонтированы, пушки установлены, и все было готово к отражению нападения. Каждый день многих подвергали пыткам. Некоторые умирали от страшных мучений. Многие были искалечены на всю жизнь.

Услышав, что губернатор собирается напасть на них, Морган встал во главе 600 сотен своих самых решительных людей и двинулся вперед, навстречу врагу. Каждый был вооружен, по пиратской моде, мушкетом, несколькими пистолетами на поясе и саблей с острым концом. В нескольких лигах от города они подошли к узкому проходу, по которому могли пройти только двое. С каждой стороны тянулись запутанные заросли с гигантскими деревьями и огромными скалами, утопающими в пышной зелени тропиков. Здесь в непроницаемом укрытии могла затаиться целая армия.

И здесь Морган с большим мастерством расположил свои войска. Каждый человек занял позицию, с которой ему был бы отлично виден участок пути. Своим топором он прорубал лаз в густых зарослях кустарника и переплетающихся лоз. Таким образом, оставаясь совершенно невидимым, он мог тщательно прицелиться. Они должны были ждать в полной тишине, пока извилистое дефиле не заполнится ничего не подозревающими солдатами. Затем, по сигналу Моргана, каждый должен был открыть огонь. И каждый должен был прицелиться так, чтобы быть уверенным, что его пуля поразит жертву.

Испанцы, числом четыре или пять сотен, вскоре появились в быстром марше. Предвкушая кровавую схватку с пиратами за их валами, они и не думали покидать столь выгодное место, чтобы идти на встречу. Единственное, чего они опасались, - что пираты могут броситься на свои корабли и таким образом спастись. Беспечно торопясь, они преодолели лабиринтную тропу, когда прозвучал смертельный сигнал. Сто мушкетов мгновенно взорвались. Сто пуль отправились в свой смертельный полет. Сто испанцев были либо мгновенно убиты, либо ранены.

Времени на раздумья не оставалось, времени на раскачку не было. Дело было ясным. Поражение было полным и безвозвратным. Пираты быстро перезарядились и вели непрерывный огонь. Испанцы разряжали свои мушкеты наугад, не попадая ни в кого. В ужасном смятении они повернулись и, борясь с собственной численностью, бросились, кто как мог, прочь из дефиле. Узкая тропинка была усеяна умирающими и мертвыми. С разбитыми и истекающими кровью остатками губернатор вернулся в Панаму за подкреплением.

Морган и его люди, желая, чтобы их подвиг навел ужас на всех, вышли из своего укрытия, расправились с ранеными пистолетными выстрелами или сабельными ударами, обыскали карманы убитых и, оставив их тела непогребенными, с триумфом вернулись к своим товарищам.

С триумфом! Но какой триумф! Они уже пятнадцать дней находились в Пуэрто-Вело. Голод и болезни обрушились на них с большей жестокостью, чем сабля или пистолет. Они безрассудно растратили свои запасы провизии. Они не могли съесть ни золота, ни серебра, ни трофеев, которые хранили в трюмах своих кораблей. Они уже съели мулов и лошадей. Их кровь, разгоряченная распутством и почти кипящая под меридиональным солнцем, вызывала самые отвратительные и болезненные расстройства. Малейшая рана затягивалась и приводила к смерти. Неудивительно, что они были безрассудны. Лучше умереть, чем жить в таких страданиях. Таков был триумф, с которым вернулся пират Морган.

Испанские пленники страдали еще больше, чем их похитители. Теснота в квартирах, воздух которых был пропитан ужасной нечистотой; лишение всех удобств; свидетели сильных страданий, которые они не могли облегчить, но были вынуждены разделить; уныние, голод, смерть - для них не было иного облегчения, кроме того, которое дает смерть.

Испанский губернатор, который продемонстрировал полное отсутствие военных способностей, отправившись в засаду, был настолько же самодовольным и хвастливым, насколько и некомпетентным. Несмотря на позорный отпор, он отправил Моргану следующее послание:

"Если вы немедленно не выведете свои корабли из Порто-Вело, я двинусь на вас с несокрушимыми силами. Вы не получите ни одной четверти. Каждый человек будет предан смерти".

Морган прислал ответ: "Если вы немедленно не пришлете мне сто восемьдесят тысяч долларов золотом, я обращу в пепел все здания в Пуэрто-Вело, взорву форты и предам мечу всех пленников - мужчин, женщин и детей".

Гордость губернатора не позволила ему купить отступление пиратов. Он послал в Картахену с просьбой прислать оттуда несколько кораблей, чтобы заблокировать пиратов на реке. Но у них не было достаточно сил, чтобы предпринять такую попытку. Горожане очень хотели, чтобы им прислали деньги. Но губернатор держал их в напряжении, надеясь выиграть время.

"Он был глух и упрям ко всем уговорам горожан, которые прислали сообщить ему, что пираты - не люди, а дьяволы, и что они сражаются с такой яростью, что испанские офицеры закололись от отчаяния, увидев, как неприступную крепость взяла горстка людей, хотя она должна была устоять против вдвое большего числа."[\[A\]](#)

[\[A\]](#) The Monarchs of the Main, by George W. Thornbury, Esq., vol. ii. p. 35.

Губернатор был поражен их подвигами. Четыреста человек захватили город, который, по его словам, любой генерал в Европе считал бы необходимым блокировать в надлежащей форме. Показательно для почти немыслимого состояния общественного мнения в те времена, что губернатор Панамы дон Хуан Перес де Гусман, который приобрел значительную известность благодаря своей храбрости в войнах во Фландрии, должен был отправить Моргану вежливое послание, выражающее удивление и восхищение его героическими достижениями, и умоляющее Моргану прислать ему образец оружия, с помощью которого он одержал столь замечательную победу. Презрительный пират отправил губернатору обычный мушкет и горсть пуль со следующим язвительным посланием:

"Прошу ваше превосходительство принять это как небольшой образец оружия, с которым я взял Пуэрто-Вело. Вашему превосходительству нет нужды утруждать себя их возвращением. В течение двенадцати месяцев я лично посещу Панаму и сам заберу их".

Губернатор ответил: "Я возвращаю вам оружие, которое вы мне прислали, и благодарю вас за то, что вы его одолжили. Жаль, что столь мужественный человек не находится на службе у великого и доброго принца. Я надеюсь, что капитан Морган не потрудится навестить меня в Панаме. Если он это сделает, то ему наверняка будет не так хорошо, как в Пуэрто-Вело".

Очень трудно поверить заявлению, сделанному Торнбери, что "посланник, передав это послание, столь рыцарское по своему тону, подарил Моргану красивое золотое кольцо с дорогим изумрудом на память о своем хозяине доне Гусмане, который уже снабдил английского вождя свежей провизией"[A].

[A] Monarchs of the Main, vol. i. p. 38.

Пуэрто-Вело был брошен на произвол судьбы. Пираты не оставили после себя почти ничего, кроме черепицы и брусчатки. Многие из лучших пушек Морган унес с собой. Остальные, которые он не смог разбить, он заколотил шипами. Затем он отплыл. За его спиной остались дымящиеся руины, мор, нищета, страдания и смерть.

Через восемь дней плавания флот достиг Кубы. На этом огромном и малонаселенном острове было множество уединенных гаваней и бухт, где царила тишина дикой природы. В одну из них Морган и завел свой флот. Здесь он разделил добычу. Это были жалкие гроши, доставшиеся им в результате стольких трудов, страданий и преступлений. В монетах и слитках они насчитали всего двести шестьдесят тысяч долларов. Там было большое количество шелка и других товаров, которые, по их мнению, не представляли особой ценности.

Все было поделено полюбовно, и они расправили паруса, чтобы вернуться на Ямайку, где за несколько дней безумного веселья растратить все, что нажили за долгие месяцы опасностей, труда, страданий и преступлений. Вход богато нагруженного пиратского флота в гавань Кингстона стал поводом для всеобщего ликования. Азартные игроки, придворные, торговцы ромом - все были вне себя от радости. Даже дети ожидали увидеть, как странные гости разбрасывают по улицам свои дублоны, за которыми можно будет побороться.

Нам рассказывают, что все двери были открыты для них, и целую неделю все громко восхваляли их щедрость и смелость. К концу месяца они растратили все, и все двери были закрыты перед их носом. Морган был не только пьяницей, но и грабителем. Он тратил свои доходы так же бесславно и быстро, как и все остальные. Более проникательные люди, чем он, опустошали свои кошельки за игорным столом. Делайлы Ямайки быстро переместили его

драгоценности на свои шеи. Но не прошло и месяца, как Морган и вся его команда, совершенно обедневшие, с нетерпением ждали новой экспедиции.

Не опечаленный прошлым, этот смелый авантюрист задумал предприятие такого масштаба, что мог похвастаться, что по его завершении и он сам, и его люди смогут, если захотят, уйти на покой, имея достаток до конца своих дней.

Место встречи было назначено на острове Де ла Вака или Коровьем острове, расположенном на южной стороне острова Испаньола. Сюда легко могли добраться пираты, как французские, так и английские, вечно шныряющие по улицам Тортуги. И снова отчаянные пираты бросились под его знамена. Они приплывали на лодках, небольших судах и по суше. Нашлось достаточно людей, чтобы обеспечить авантюриста средствами.

В гавань Кингстона (Ямайка) из Новой Англии вошел большой английский корабль, на котором было установлено тридцать шесть пушек. На этом корабле, "Оксфорде", находилась команда из трехсот человек. Он отправился в плавание против испанской торговли. Оксемелин утверждает, что на самом деле корабль принадлежал английскому королю Карлу II. Он оборудовал его за свой счет, а капитан находился у него на службе. Какие у него были полномочия для этого удивительного утверждения, мы не знаем. Но несомненно, что губернатор Ямайки считал себя вправе послать этот корабль для участия в экспедиции Моргана. А когда впоследствии Карл II награждал этого отчаянного мародера рыцарским званием и назначил его губернатором Ямайки, это сообщение получило большое подтверждение.

Гавань на острове де ла Вака была прекрасной. В порт вошел большой французский корабль "Серф Волант", совершавший торговую экскурсию. Корабль был хорошо вооружен: на нем было установлено двадцать четыре железных пушки и двенадцать латунных орудий. Капитан и команда, разочаровавшись в результатах торговли, решили попытать счастья в качестве буканьеров. Морган, желая заполучить столь мощный корабль, убеждал их присоединиться к его экспедиции. Но французские офицеры не согласились на его условия.

Француз собирался бросить якорь и вернуться на Тортугу. Несколько человек из его команды, английские моряки, дезертировали и были приняты на борт кораблей Моргана. От них Морган узнал, что капитан "Серф Воланта", не имея провизии, остановил английское судно, взял с него несколько предметов продовольствия, за которые заплатил не монетой, так как у него не было под рукой, а векселями, которые можно было обналичить на Ямайке.

Морган, искавший предлог, под которым он мог бы захватить французский корабль, решил считать это актом пиратства. Он пригласил офицеров "Воланта" отобедать с ним на борту великолепного корабля, который прислал ему губернатор Ямайки. Не подозревая о предательстве, капитан и его офицеры пришли. Находясь в каюте и попивая вино, Морган поднялся и объявил их пиратами, ограбившими английское судно, и объявил их своими пленниками. В тот же момент вошел отряд вооруженных людей и заковал их в кандалы. Они не смогли оказать никакого сопротивления. Затем он завладел кораблем.

Вскоре после этого он созвал совет своих офицеров, чтобы принять решение о первой экспедиции. Они собрались в каюте "Воланта". Несколько французов, отказавшихся присоединиться к Моргану, были пленниками в трюме. После долгих размышлений они решили сначала отправиться на остров Савона, расположенный в нескольких лигах к юго-востоку от Сан-Доминго. Ежедневно из Испании приходила флотилия торговых кораблей под конвоем. Следовало ожидать, что во время этого долгого плавания некоторые суда отделятся от остальных. Этим отставшим они надеялись отсечь.

Решив этот вопрос, десперадо принялись пить и веселиться. Начался шум, перемежающийся пьяными песнями и нечленораздельными богохульствами. Пока офицеры веселились в кают-компании, матросы, числом четыреста человек, устраивали столь же бурные оргии в своих каютах корабля. В то время как тосты были осушены, раздалась широкие залпы, и люди, пьяные в стельку, стали орудовать своими дымящимися ружьями. Кто-то ругался, кто-то дрался, кто-то спал в смертельном оцепенении.

Магазин с порохом находился в носовой части судна. Порох был небрежно рассыпан по палубе. Внезапно раздался потрясающий взрыв. Казалось, что весь корабль поднят в воздух, как будто вулканической силой. Густые клубы сернистого дыма, пронизанные вилообразным пламенем, окутали сцену, закрыв ее от взглядов всех окружающих. Затем стали видны выброшенные на сотни футов в воздух массивные бревна, громоздкие пушки и искореженные тела трехсот пятидесяти человек. Но тридцать человек из экипажа спаслись.

Офицерская каюта, расположенная в кормовой части корабля, избежала силы взрыва. Хотя находившиеся там люди были напуганы, оглушены, почти задохнулись от дыма, а многие из них получили тяжелые ранения, они спаслись.

Таков был конец "Серф Воланта". Морган только выиграл от своего вероломства. "Морган, - пишет Эсквемелинг, - захватил корабль. И только Бог мог отнять его у него. И Бог это сделал".

В течение восьми дней в водах залива плавали тела погибших. Морган послал лодки, чтобы собрать эти тела, но не для погребения, а для разграбления. Карманы обыскивали. Одежду, если она была в порядке, срывали. Забирали тяжелые золотые кольца, которые носили почти все моряки, а затем бросали тела на растерзание акулам и птицам.

Проведя ревизию своих сил, Морган обнаружил, что у него пятнадцать больших и малых судов и восемьсот шестьдесят человек. С ними он отплыл в Савону. Попутные ветры мешали продвижению. Прошло три недели, прежде чем они достигли восточной оконечности Испаньолы. Восемьсот голодных мужчин ежедневно потребляют огромное количество пищи. Провизия заканчивалась. Случайно они встретили английский корабль, который выставил на продажу излишки. Набрав таким образом провизии, они двинулись в путь длинной вереницей, пока восемь кораблей не достигли гавани под названием Окоа на южном побережье большого острова. Здесь он бросил якорь, чтобы дожидаться прибытия остального флота.

ГЛАВА XVI.

Экспедиция в Маракайбо.

Задержка в Окоа.- Охотничьи экскурсии.- Отпор.- Города Венесуэлы.- План Моргана.- Предложения Пьера Пикара.- Отплытие экспедиции.- Остановка в Орубе.- Пересечение Венесуэлы.- Вход в озеро Маракайбо.- Взятие форта.- Город заброшен.- Зверства пиратов.

В Окоа, на острове Испаньола, пираты оставались несколько дней, ожидая прибытия других судов, которые непонятным образом отставали. Каждое утро Морган отправлял на остров отряд из восьми человек с каждого корабля в качестве охотников для поиска дичи. Он также

отправлял группу вооруженных людей, чтобы защитить их от любого нападения испанцев. Хотя испанцев на острове было много, они не чувствовали себя достаточно сильными, чтобы напасть на такую большую силу, какую могли собрать пираты. Однако они послали в город Сан-Доминго три или четыре сотни человек, чтобы те убили или согнали весь скот и дичь в районе залива Окоа. Они надеялись таким образом уморить буканьеров голодом и вынудить их уйти.

Подгоняемая голодом, группа из пятидесяти человек Моргана отважилась уйти далеко в лес. Испанцы, наблюдавшие за ними, заманили их в засаду. Пираты оказались в меньшинстве и были окружены. С криками "Убивайте, убивайте" испанцы открыли внезапный и смертоносный огонь. Но этих отчаянных пиратов, привыкших к любым опасностям, нельзя было ввергнуть в панику. Мгновенно они образовали полый квадрат и, поддерживая огонь с четырех сторон, медленно отступили к своим кораблям. Многие пали по дороге, убитые или раненые. Многие испанцы также были убиты.

На следующий день Морган, пришедший в ярость от поражения, высадился во главе двухсот человек, чтобы жестоко отомстить своим врагам. Но врагов не оказалось. Посчитав свои поиски бесполезными, он дал волю своей ярости, сжигая все попадавшиеся ему жилища, из которых бежали испанцы.

Но семь пропавших кораблей так и не появились. Прождав еще несколько дней, он решил больше не медлить. Расправив паруса, он взял курс на остров Савона. Но ни одного из пропавших кораблей там не было. В ожидании он послал несколько лодок с экипажами в сто пятьдесят хорошо вооруженных человек, чтобы разграбить несколько небольших городов на побережье Сан-Доминго. Но в столице и по всему побережью дежурили разведчики. На каждом мысу были расставлены часовые. Как только лодки появлялись в поле зрения, подавались сигналы. В каждом месте, где была предпринята попытка высадки, пираты оказали столь энергичное сопротивление, что были вынуждены отступить.

Они вернулись к Моргану с таким неутешительным докладом. Он пришел в ярость и с насмешкой и проклятиями осудил их как трусливых ползунов. Поскольку медлить больше было нельзя, а пропавшие суда не прибывали, он еще раз проверил свой флот и армию и обнаружил, что у него восемь судов разных размеров и около пятисот человек.

На побережье Венесуэлы находился большой и богатый город под названием Караккас. Он был столицей провинции Венесуэла и был основан почти сто лет назад, в 1567 году, испанским правительством. Это был хорошо построенный и красивый город, прекрасно расположенный, с благоприятным климатом, обогащенный обширной торговлей. Рядом с ним находились Валенсия, Барселона и Кумана - важные торговые порты. Последний был самым старым городом на южноамериканском континенте. Он был основан в 1523 году. Разграбление этих четырех городов очень обогатило бы мародеров. И Морган, командуя пятнадцатью судами и имея армию в пятнадцать сотен человек, не сомневался, что сможет захватить их один за другим, если ему удастся застать их врасплох. Но было глупо пытаться сделать это с восемью судами и пятью сотнями человек.

На одном из кораблей Моргана командовал француз по имени Пьер Пикар. Этот человек за несколько лет до этого был лоцманом флота Лолонуа при захвате и разрушении Маракайбо и Гибралтара, о котором мы уже рассказывали. За прошедшие годы эти места в значительной степени оправились от своих бедствий. В них снова появились богатства, достаточные для того, чтобы прельстить буканьеров.

Пикар был выдающимся человеком, обладавшим большими ресурсами. Он был смелым воином и искусным моряком. Знакомый со всеми этими водами, бесстрашный и беспринципный, с французским правдоподобием в обращении и говорящий по-английски бойко и правильно, он приобрел большое влияние на Моргана.

Был созван совет офицеров. Он предложил атаковать Маракайбо и Гибралтар. Он представил карту, на которой были изображены курс, каналы, которые необходимо проложить, силы, с которыми придется столкнуться, и способы их преодоления.

Его предложение было встречено всеобщим одобрением, и флот снялся с якоря. После нескольких дней плавания на юг они достигли острова под названием Oruba. Он был населен только туземцами. У них было большое поголовье овец, ягнят, коз и детей. Здесь пираты бросили якорь, чтобы набрать воды и провизии. В кои-то веки эти мародеры, похоже, пришли к выводу, что честность более политична, чем воровство, и что проще купить козу за моток ниток, чем украсть ее и тем самым вызвать враждебность всего туземного населения. Они пробыли здесь двадцать четыре часа, ведя себя почти как честные люди, насколько это вообще возможно для шайки воров, пьяниц и отчаянных. Они наполнили свои бочки водой и запаслись провизией, которую купили, хотя и без денег и почти без цены.

Теперь они находились в одном дне плавания от Маракайбо. Они очень хотели, чтобы туземцы не узнали об их местонахождении, чтобы они каким-то образом не подняли тревогу. Поэтому ночью были подняты якоря и расправлены паруса. Когда наступило утро, островитяне тщетно искали флот.

Днем корабли подошли к скоплению островов, расположенных у входа в озеро Маракайбо. Попутный ветер с севера быстро пронес их по Венесуэльскому заливу. Неподалеку от узости, соединявшей залив с озером, находился гористый остров Вигилия. На одной из его вершин была возведена сторожевая башня, где стояли дозорные, всегда готовые предупредить о приближении подозрительного судна.

Как раз когда флот достиг этой точки, ветер утих и наступил полный штиль. Хотя Морган сделал все возможное, чтобы бросить якорь вне поля зрения сторожевой башни, бдительные глаза часовых обнаружили его. Тревога была мгновенно передана в город. Прошло двенадцать часов, прежде чем на хрустальной глади озера появилось хоть малейшее дуновение ветра. Было четыре часа утра. Все это время испанцы готовились к обороне.

На небольшом расстоянии за Вигилией находился узкий канал, который необходимо было пробить, и который защищался фортом. Не считая безопасным выставлять свои суда под тяжелые пушки испанцев и зная, что со стороны суши укрепления будут слабыми, он укомплектовал свои лодки и, пройдя через лес, ударил врагам в тыл. Гарнизон приготовился к самому отчаянному сопротивлению. Они сожгли все хижины вокруг стен форта и убрали все, что могло дать нападавшим хоть какое-то укрытие.

Защитников форта насчитывалось, вероятно, не более тридцати-сорока человек. Около пятисот безрассудных отчаянных головорезов вышли из леса для штурма. Все они были ветеранами и снайперами. Не стоило выставить руку, как в нее попадала пуля. В каждую амбразуру был брошен такой шквал шаров, что пушки не могли работать.

Когда пираты в большом количестве впервые показали из леса, форт открыл такой интенсивный и непрерывный огонь, что напоминал кратер небольшого вулкана при самом бурном извержении. Но пираты, которые могли вернуть десять пуль на каждую полученную и

тщательно следили за тем, чтобы каждая пуля выполнила свою задачу, вскоре заставили огонь ослабнуть. Бой продолжался еще много часов, пока не наступила ночь, без явного преимущества какой-либо стороны.

С наступлением темноты конфликт прекратился. Морган осторожно отправил отряд вперед на разведку. Никакого света не было видно. Не было слышно ни звука. Царили одиночество и тишина. Форт был безлюден. С криками пираты бросились вперед, чтобы завладеть крепостью. Громкий голос Моргана остановил их. Он был столь же осторожен, сколь и смел. Во главе с самим Морганом была отправлена группа инженеров для поиска зажженных фитилей, ведущих к магазину. Морган вошел первым. Его быстрый глаз различил отблеск взрывателя, медленно ползущего к магазину, где хранилось три тысячи фунтов пороха. Он был мгновенно затоптан.

Если бы не эта предосторожность, пятьсот пиратов заполнили бы весь форт. Раздался бы грохот землетрясения, вулканическое извержение, и ни один из пятисот отчаянных пиратов не остался бы в живых, чтобы рассказать о возмездии, которое так внезапно постигло их.

Форт представлял собой небольшой, но крепкий редут, или крепость, сложенный из камня, круглый по форме, с массивной стеной высотой в тридцать футов. Попасть в него можно было только по железной лестнице, которую спускали из караульного помещения. На ней было установлено четырнадцать пушек калибром восемь, двенадцать и четырнадцать фунтов. Здесь же было найдено множество огнестрельных горшков, ручных гранат, пик и мушкетов.

Пиратам нельзя было терять времени. Нужно было продвигаться вперед как можно быстрее, ведь каждый час жители города могли укреплять свою оборону. Они взорвали часть стены, утыкали пушки шипами и перебросили их через валы, сожгли орудийные повозки и уничтожили все военное имущество, которое не смогли унести с собой.

Теперь путь был открыт для прохода флота вверх по озеру к самому входу в гавань. С самым ранним рассветом флот расправил паруса, оставив позади дымящиеся руины форта. Ветерок был легкий, мелей много, канал запутанный. Только на следующий день они подошли к городу. В самом устье порта им предстояло миновать еще один форт. Морган стоял на четвердеке с подозрительной трубой в руках. Он мог видеть, как испанские кавалеристы работают на валах, и имел основания ожидать отчаянного сопротивления. Он снова решил не подвергать свои корабли канонаде, которую могли обрушить на них тяжелые орудия форта.

Бросив якорь на расстоянии пушечного выстрела, он высадил свои войска в лодки. Им было приказано не вмешиваться в дела форта, а пройти двумя дивизиями через лес и атаковать город в тех местах, которые артиллерия форта не могла защитить. Пушки флота были направлены на все прилегающие заросли, чтобы враг не мог найти там укромное место.

Высадка прошла без сопротивления. Марш по узким тропам, проложенным для мулов, был бесспорен. Город был достигнут. Но там не было ни врага, ни жителей. Все бежали. Предупрежденные ужасной судьбой, постигшей Маракайбо за несколько лет до того, когда его разграбили пираты под командованием Лолонуа, горожане - мужчины, женщины и дети - в панике бежали. Человеку, обладающему обычным мужеством, несложно отважиться на смерть при исполнении долга. Но кто может выдержать пытки демонов? Кто может вынести мысль о том, что его жена, его дочь, его ребенок подвергаются всем унижениям и жестокостям, которые только могут придумать демоны в человеческом обличье?

Маракайбо был очищен от населения. Все укрылись в лесах с быстротой, которую придает ужас. Бежали старики, больные. Даже умирающих уносили. Не вызывает сомнений, что корабль "Оксфорд", возглавивший это предприятие, принадлежал Карлу II, королю Англии. Этот королевский буканьер снарядил его, укомплектовал людьми и должен был разделить добычу. И он наградил предводителя этой бесноватой шайки почестями баронетства и назначил его губернатором одной из самых важных колоний Великобритании. Такие сцены разыгрывались всего двести лет назад. Несомненно, мир прогрессирует.

Беглецы взяли с собой все, что могли унести. В тех краях не было дорог для карет. Зато было множество узких троп для мулов, ведущих в разных направлениях. На вьючных мулах и лошадях было вывезено много сокровищ. Прошло два дня с тех пор, как по улицам города пронесся сигнал тревоги: "Пираты идут".

Дома были пусты. Двери были оставлены нараспашку. Из покоев вынесли все ценное. Почти все золото, серебро и драгоценности, разумеется, исчезли. В некоторых домах было много изящных вещей, роскошно обставленных. Пираты пронеслись по улицам, выискивая самые богатые дворцы для своих казарм. Церкви они безжалостно оскверняли и превращали в тюрьмы. В порту не осталось ни одного судна или лодки. Все они были использованы перепуганными беглецами, чтобы скрыться вдали на широком озере.

Морган, раздосадованный потерей столь долгожданных сокровищ, немедленно отправил сотню быстроногих людей в погоню за обремененными и тяжело нагруженными беженцами по всем тропам. В городе почти не было провизии. Беглецы предусмотрительно уничтожили все, что не смогли унести. Маленький форт, охранявший гавань, представлял собой полулунный вал, обращенный к воде, и имел всего четыре пушки. Эти укрепления испанцы, разумеется, оставили.

Люди, отправленные в погоню за испанцами, вернулись на следующий вечер. Они привели с собой тридцать пленников и пятьдесят мулов, нагруженных ценностями. Пленники были слабыми мужчинами и женщинами из беднейшего класса. Владельцы богато нагруженных мулов, увидев приближение пиратов, бросили все и опередили преследователей в бегстве. Несчастных пленников подвергали пыткам, но ничего не смогли у них вырвать.

Этот Морган, впоследствии сэр Генри Морган, губернатор Ямайки, подвешивал своих пленников за бороду; подвешивал их горизонтально на веревках, обвязанных вокруг пальцев рук и ног; вставлял горящие спички между пальцами; бичевал их; закручивал веревки вокруг их голов, пока глаза не вырывались из глазниц, и совершал другие жестокости, слишком ужасные, чтобы их упоминать.

"Таким образом, - пишет Эсквемелинг, - все виды бесчеловечной жестокости были применены к этим невинным людям. Те, кто не хотел признаваться или кому нечего было заявить, умерли под руками этих тиранов. Эти пытки и избиения продолжались целых три недели; в течение этого времени они не переставали ежедневно отправлять отряды людей на поиски новых людей для мучений и грабежа: они никогда не возвращались домой без добычи и новых богатств".

Во время одной из таких вылазок они захватили двух рабов-негров, которые были в обмороке из-за потери пищи. Их обоих подвергли пыткам, чтобы заставить открыть, где скрывается их хозяин. Один, старший из них, выдержал ужасные мучения без единого слова и почти без стоны, пока смерть не освободила его. Другой пленник, молодой человек, только что вышедший из юношеского возраста, мужественно терпел, пока агония не стала совсем невыносимой. Тогда он предложил привести их к своему хозяину. Богатый испанец вскоре

был схвачен, и вместе с ним ликующие пираты захватили тридцать тысяч долларов серебром.

В такие дни бедствий и несчастий семьи, бежавшие в пустыню, держались вместе. Морган постепенно захватил сто самых знатных семей. Кроме того, ему досталась неожиданно большая сумма награбленного серебра, золота, слитков и богатых товаров.

Капитан Пикар ликовал по поводу успеха предприятия, которое он предложил и возглавил. Теперь он настаивал на том, чтобы наступать на город Гибралтар. Следует помнить, что это место находилось в верховьях озера, примерно в ста милях к югу от Маракайбо. Морган погрузил пленников и всю добычу на борт своего флота и расправил паруса для нового предприятия.

ГЛАВА XVII.

Приключения на берегах озера Маракайбо.

Подготовка к обороне Гибралтара.- Спрятанные корабли.- Укрытие губернатора и женщин.- Катастрофы и неудачи.- Захват испанских кораблей.- Начало отступления.- Опасность для пиратов.- Сингулярная переписка.- Сила испанского вооружения.- Публичная конференция пиратов.- Морской бой.- Пожарный корабль.- Замечательное достижение пиратов.

Перед тем как Морган бросил якорь для экспедиции в Гибралтар, он отправил в город двух испанских пленников, чтобы сообщить, что если они сдадутся мирно, не пытаясь спрятать или унести свои ценности, то их жизни будут сохранены. Если же они окажут сопротивление, то город будет превращен в пепел, а все жители преданы мечу.

Однако жителям Гибралтара было предоставлено достаточно времени, чтобы подготовиться к решительной обороне. Гарнизон из Маракайбо также бежал в свои форты. Войска были высажены в полутора милях от города и двинулись через лес, чтобы напасть на врага с тыла. Испанцы предвидели это движение и были готовы встретить его. Однако стратегия Моргана поставила их в тупик. Вместо того чтобы наступать по обычному маршруту, он нанял большой отряд саперов и шахтеров, чтобы прорубить новый путь через лес. Таким образом, он подошел к городу, не подвергая своих людей штурму валов, ошетинившихся артиллерией и мушкетерами.

У испанцев не было времени на создание новых окопов. Даже самому несмышленому солдату было ясно, что все потеряно. Сердца их сжимались, а солдаты и горожане бежали с величайшей поспешностью. Бегство было настолько всеобщим, что пираты, войдя на улицы Гибралтара, обнаружили там лишь одного-единственного человека, да и тот был полуидиотом. Даже это слабое существо они подвергли пыткам. Бедняга вскричал:

"Не мучайте меня больше, и я покажу вам свои богатства".

Пираты подумали или сделали вид, что подумали, что это богатый человек, прикрывающийся нищетой и полубезумием. Он привел их в жалкую лачугу, в которой было всего несколько глиняных горшков. Он откопал из-под очага три доллара, которые закопал

там. Но они все равно утверждали, что он переодетый вельможа, и начали пытаться его заново. В агонии он кричал:

"Во имя Иисуса, во имя Девы Марии, что вы сделаете со мной, англичане? Я бедный человек. Я живу на милостыню. Я сплю в больнице".

Он умер под их руками. Они оттащили его в сторону и засыпали несколькими горстями земли. Некоторые из рабов, с которыми бесчеловечно обращались их хозяева, теперь мстили и открывали пиратам свои тайники. Привели бедного хромого крестьянина с двумя дочерьми. Пораженный ужасами дыбы, он пообещал провести их через лес к укрытию, где прятались несколько испанцев. Но испанцы, бдительно следившие за порядком, сбежали. Пираты в ярости от разочарования повесили бедного крестьянина. Что стало с его дочерьми, мы не знаем.

Но я не могу мучить читателей рассказом об этих ужасах. Они были ужасны настолько, что не поддаются никакому описанию. Кажется необъяснимым, что Бог мог допустить такие ужасные поступки.

Отряды, тщательно вооруженные, были отправлены исследовать местность на много миль вокруг. Один из рабов пообещал провести капитана Моргана к реке, впадающей в озеро, где стоял корабль и четыре большие лодки, богато нагруженные товарами, привезенными как из Гибралтара, так и из Маракайбо. Он также обещал провести отряд к месту, где скрывается губернатор Гибралтара с большинством женщин города. Захват губернатора, за которого можно было ожидать большой выкуп, чтобы спасти его от смерти под пытками, и захват женщин казались этим демоническим пиратам делом первостепенной важности.

Морган сам взял отряд из двухсот человек с рабом в качестве проводника и отправился в экспедицию, чтобы захватить губернатора и женщин. В то же время он отправил другую партию из ста человек на двух больших лодках, чтобы захватить корабли. Они должны были плыть вдоль берегов одинокого озера, пока не достигнут устья реки, где были спрятаны суда беженцев.

Губернатор был начеку. Его разведчики следили за всеми подходами к его отступлению. Пиратам потребовался очень мучительный и трудоемкий двухдневный марш, чтобы добраться до места, где закрепились беглецы. Губернатор с большой долей проницательности выбрал большой остров в реке. Подъехать к нему было трудно, путь пролегал по самым грубым тропам через запутанные заросли и болота. Казалось, Бог хмурится на пиратов. Дождь обрушился на них потоком. Они вымокли до нитки. Многие горные потоки они были вынуждены переходить вброд, пробираясь по пояс в пенящейся воде. Они погружались по самые бедра в размягченные болота. Их обувь была сорвана с их ног. Их одежда была разорвана, а кожа пронзена колючками.

Когда они добрались до реки, то обнаружили, что течение быстрое, а русло глубокое. Лодок, на которых можно было бы переправиться, не было. Эти отчаянные люди были готовы к любым неожиданностям. Вскоре они соорудили каноэ и переправились через реку. Но в спешке многие каноэ были завалены, а люди потеряны. Добравшись до острова, они обнаружили, что губернатор укрылся на поросшей густым лесом скалистой горе. Тропа, которая вела к вершине, петляя через заросли и огромные скалы, была настолько узкой, что по ней можно было пройти только в одиночку.

При переправе вброд через реки и болота, под дождем и в шторм все боеприпасы пиратов пострадали, а большая их часть была полностью испорчена. Вся партия находилась в таком состоянии, что Эсквемелинг пишет:

"Если бы у испанцев в тот момент был только отряд из пятидесяти человек, хорошо вооруженных пиками или копьями, они могли бы полностью уничтожить пиратов без какого-либо возможного сопротивления с их стороны".

Губернатор не знал об этом. Он благоразумно продолжал обороняться. С ним было несколько солдат гарнизона и достаточный запас боеприпасов. Его люди были прекрасно размещены за скалами и деревьями, так что если бы пираты упорствовали в своей попытке подняться на гору, каждый человек должен был погибнуть. Да и вряд ли они смогли бы нанести хоть одну рану своим невидимым нападавшим.

Морган понял, что дело безнадежно. Обескураженный и обезумевший, он начал отступление. Прошло двенадцать дней с момента начала их предприятия, прежде чем Морган со своим уменьшенным и разбитым отрядом вернулся в Гибралтар. По дороге им удалось захватить немало беглецов, которых они нашли разбросанными по лесу, а также значительную сумму денег. По возвращении они получали какое-то дьявольское удовольствие, видя, как пожилых женщин и детей уносит пенящийся горный поток, который они переходили вброд. Они вернулись в Гибралтар взбешенными и готовыми подвергнуть жестоким пыткам всех своих пленников.

Отряд, посланный для захвата судов, оказался немного успешнее. Испанцы разгрузили суда и увезли в неизвестном направлении большую часть их груза. Услышав приближение пиратов, они поспешно бежали, оставив за собой все, что не успели вывезти или не смогли сразу уничтожить. Однако на судах и на берегу оставалось много тюков с товарами. Пираты захватили их и отнесли на свои корабли.

Когда пираты пробыли в Гибралтаре пять недель, грабя, мучая, резвясь, из-за нехватки провизии им пришлось отплыть. Но сначала они отправили нескольких пленников в лес, чтобы те нашли своих спрятавшихся товарищей, и сказали им, что если они не пришлют Моргану в качестве выкупа за город пять тысяч долларов золотом или серебром, то он превратит все здания города в пепел. Эти разорившиеся люди отправились выполнять эту печальную миссию. Долго обыскивая каждый уголок, они вернулись и заявили, что никого не нашли. Перепуганные испанцы скрылись далеко за пределами досягаемости дневных поисков.

Однако они сказали, что если Морган наберется терпения и даст им восемь дней, то они постараются собрать деньги. Пират ответил:

"Я отправляюсь в Маракайбо. Я возьму с собой восемь ваших самых известных граждан, которых я держу в плену. Я буду рассматривать их как заложников для выплаты выкупа. Если в течение восьми дней деньги будут выплачены, их отпустят на свободу. Если же деньги не будут выплачены, они должны понести наказание".

И каково же было это наказание? Смерть, и, вероятно, смерть от пыток. Морган начал испытывать некоторую тревогу по поводу своего отступления. За пять недель испанцы должны были успеть собрать войска из разных частей провинции, отремонтировать укрепления Маракайбо и создать очень серьезные препятствия для его прохода через проливы, соединяющие озеро Маракайбо с Венесуэльским заливом.

Под влиянием этих соображений они поспешно двинулись в путь. Повесив якоря и расправив паруса, с флотом, нагруженным добычей, они направили свой курс к Маракайбо. В результате штилей и встречных ветров прошло четыре дня, прежде чем они достигли города. Здесь их ждала та же тишина и запустение, что и в прошлом. Здесь был только один человек - бедный старик, больной и почти прикованный к постели.

Он сообщил им тревожные сведения о том, что три испанских военных корабля крейсируют у истоков озера, наблюдая за их возвращением. Они также отремонтировали форт, который Морган частично разрушил, установили новые пушки, укомплектовали гарнизон опытными артиллеристами и привели все в готовность к решительной обороне. Над редутом гордо развевался флаг Кастилии.

Морган отправил одну из своих самых быстрых лодок по озеру, чтобы разведать положение дел. Лодка вернулась на следующий день, подтвердив все сказанное. Корабли были большими и, очевидно, хорошо укомплектованными, а также мощно вооруженными. На самом большом было сорок девять орудий, на следующем - тридцать восемь орудий разного калибра, а на самом маленьком - шестнадцать орудий большого калибра и восемь - меньшего. Морган не мог надеяться на успешное противостояние с силами, настолько превосходящими его собственные. Командовал этим флотом дон Алонзо Эспиноса. Он был вице-адмиралом Западно-Индийского флота. Его небольшая эскадра была отправлена в эти моря для защиты испанской торговли и для того, чтобы предать мечу всех пиратов, которых он сможет захватить. Пираты были повергнуты в крайнее смятение. На их самом большом корабле было всего четырнадцать пушек. Казалось, что ни по морю, ни по суше им не спастись.

Какие бы тайные чувства ни обуревали Моргана, он принял вид полнейшей уверенности. С необычайной дерзостью, учитывая обстоятельства, он послал пленного испанца к адмиралу Эспиносе с сообщением, что если тот немедленно не передаст ему двадцать восемь тысяч долларов в серебре или золоте, то он подожжет Маракайбо, и все здания будут уничтожены.

Ответ адмирала был датирован "На борту королевского корабля "Магдалина", стоящего на якоре у входа в озеро Маракайбо, 24 апреля 1669 года". В нем Эспиноса писал

"Я намерен оспаривать ваш выход из озера и преследовать вас, куда бы вы ни направились. Но если вы сдадите все, что взяли, со всеми пленными, я позволю вам пройти без помех. Если же вы окажете хоть какое-то сопротивление, я направлю свои лодки к Маракайбо, и вы будете полностью уничтожены. Каждый человек будет предан мечу. Это моя твердая решимость. У меня есть хорошие солдаты, которые не желают ничего более искреннего, чем отомстить вам и вашему народу за те бесчинства и жестокости, которые вы совершили по отношению к испанской нации".

Получив это письмо, Морган созвал всех своих людей, чтобы собраться на рыночной площади Маракайбо. Он поставил перед ними вопрос, воспользуются ли они этим предложением и таким образом спасутся, или же рискнут вступить в бой с испанской эскадрой. Все единодушно решили, что скорее прольют последнюю каплю крови, чем откажутся от сокровищ, добытых ценой стольких опасностей и страданий. Один из пиратов выступил вперед и сказал:

"Капитан Морган, я возьму на себя обязательство с двенадцатью людьми уничтожить самый большой из этих кораблей. Я превращу большое судно, которое мы захватили на реке, в пожарный корабль. Мы наполним его самыми горючими веществами. Затем мы расставим вокруг изображения людей, установим у портовых отверстий бутофорские пушки, сделанные

из деревянных бревен, и развернем английский флаг". Команда адмиральского корабля, не сомневаясь, что мы приближаемся, чтобы дать им бой, и не подумает попытаться сбежать. Мы побежим прямо на "Магдалену", бросим на борт грейферные петли и, когда оба корабля мгновенно охватит пламя, в суматохе сядем в лодки и доберемся до какого-нибудь судна поблизости".

Предложение было принято всеобщим одобрением. И все же Морган решил предпринять еще одну попытку спастись без риска и неизбежных потерь в бою. Даже в случае полного провала он получит время, чтобы подготовиться к атаке пожарного корабля. Поэтому он отправил двух своих пленников к Эспиносе с таким заявлением:

"Если вице-адмирал поручится своей честью, что я смогу уйти, не подвергаясь нападению, я оставлю Маракайбо, не сжигая город и не требуя за него выкупа. Я также отпущу на свободу всех взятых мною испанских пленников. Заложники, которых я держу в Гибралтаре, будут отправлены домой без обещанного выкупа". Адмирал ответил:

"Я не стану слушать никаких условий, отличных от тех, что я предложил. Если пленные и добыча не будут добровольно сданы мне в течение двух дней, я приступлю к вашему уничтожению".

Тем временем все руки были заняты строительством пожарного корабля. В городе были собраны все смолы, деготь и сера. В огромном количестве были собраны высушенные пальмовые листья, которые обмазали смолой. В рыхлой массе были разбросаны пакеты с несколькими фунтами пороха. Были прорублены новые отверстия, чтобы впустить воздух и раздуть пламя. По палубам были расставлены многочисленные фигуры людей в фуражках, вооруженных мушкетами и пиками. Корабль был так замаскирован, что ни у кого не возникло бы сомнений в том, что это военное судно. С такого адмирал испанского флота наверняка не предпринял бы никаких усилий, чтобы спастись.

Все было готово, и Морган потребовал от каждого поклясться, что он будет сражаться до последней капли крови; что он не даст и не возьмет четверти. Испанский флот прошел через пролив к входу в озеро и стоял на якоре прямо над фортом, который, как помнится, они заняли, укрепили и сильно гарнизонировали. Таким образом, пираты, прежде чем уйти в Венесуэльский залив, должны были не только уничтожить флот, но и проплыть мимо форта, подвергаясь страшной канонаде его тяжелых орудий.

Вечером 30 апреля 1669 года Морган расправил паруса и помчался вниз по озеру, пока не оказался в поле зрения врага. Наступила темнота, и он бросил якорь. Утро первого мая наступило безоблачно, над этими огромными просторами суши и воды, где несколько искателей приключений с расстояния почти в десять тысяч миль встретились, чтобы обогреть волны своей кровью и заставить леса, озера и горы греметь от грома их демонических поединков.

С первыми лучами света на востоке флот Моргана поднял якоря и расправил паруса. Свежий бриз с юга раздул паруса. Пожарный корабль с деревянными людьми и деревянными пушками, готовый в одно мгновение вспыхнуть вулканом, надвигался на "Магдалену". Команда быстро приготовилась к бою. Они и представить себе не могли, с каким врагом им предстоит столкнуться.

Огненный корабль с треском столкнулся с испанским фрегатом. Лодка для спасения была готова, и люди взялись за весла. Факел был приложен в нескольких местах, чтобы сделать уверенность вдвойне надежной. Шлюпка оттолкнулась быстрыми гребками, и не прошло и

мгновения, как оба корабля окутались густейшим дымом и ярким, всепожирающим пламенем.

В одно мгновение все увидели, что великое достижение свершилось; что величественный военный корабль, во всей его гордости и силе, обречен на немедленное уничтожение. Бежать было невозможно. Никакое сопротивление не могло принести ни малейшей пользы. Ни одна лодка не могла быть спущена на воду. Не было времени даже на раздумья. Многие из моряков мгновенно сгорели дотла, когда вилообразное пламя охватило их, заключив в свои жестокие объятия. Все, кто мог, погрузились в море. Многие утонули. Несколько сильных пловцов добрались до других судов и спаслись. Среди них был и адмирал Эспиноса.

Пираты смотрели на это ужасное зрелище с криками ликования. Они поклялись не сдаваться. Тонущие несчастные представляли собой лишь привлекательные мишени для их снайперов. С нескольких ближайших кораблей отчалили шлюпки, чтобы нанести им удар в голову.

На втором по величине испанском корабле, который назывался "Сент-Луис", было, как мы уже говорили, тридцать восемь орудий. Экипаж состоял из двухсот матросов. Видя, что флагманский корабль полностью уничтожен, и что на них может напасть вся сила пиратов, они побежали назад под пушки форта. Чтобы не допустить попадания корабля в руки пиратов, они догнали его до берега, спустили на воду и укрылись за укреплениями.

Третий корабль назывался "Маркиз". На нем, как мы уже упоминали, было двадцать четыре пушки, большая и малая, и команда из ста пятидесяти человек. Это судно было так окружено пиратами, что не могло спастись. Ее захват прошел почти без конфликта. Как бы ни было печально известно дело, в котором участвовали эти пираты, трудно удержаться от восхищения мастерством и мужеством, с которыми было совершено это великое достижение.

Менее чем за час эти испанские военные корабли, вооруженные лучшим испанским снаряжением и укомплектованные более чем шестьюстами бойцами, были полностью уничтожены или захвачены пиратами, которых насчитывалось около трехсот человек, а на самом большом корабле было всего четырнадцать пушек. Это один из самых выдающихся подвигов в морской войне. Один из историков того времени говорит: "Огненный корабль обрушился на испанца и вцепился в его борта, как дикая кошка в слона".

Но все же пираты не избежали трудностей. Все их корабли находились в озере Маракайбо. Прежде чем войти в Венесуэльский залив, через который только и можно было выйти в океан, им предстояло узкий и серпантинный пролив. И здесь на помощь снова пришел гений Моргана. Прежде всего он собрал всех пленников, которых только мог, - мужчин, женщин и детей - и крепко привязал их к себе. Его план состоял в том, чтобы заставить адмирала пропустить его в форт без охраны, пригрозив в противном случае предать их всех смерти.

Среди его пленников был лоцман одного из испанских кораблей. После тщательного допроса он сделал следующее заявление:

"Мы были посланы по приказу Верховного совета Испании с инструкцией истребить английских пиратов. Испанский двор неоднократно обращался к королю Англии с жалобами на враждебные действия, совершаемые здесь англичанами. Король всегда отвечал, что он никогда не давал никаких поручений на такие военные действия; что это индивидуальные

действия, которые правительство не может контролировать, и за которые оно не несет ответственности.

"После этого король Испании решил защитить своих подданных и наказать виновных в этих бесчинствах. Он снарядил флот из шести кораблей. Три из них после длительного плавания, узнав о нападении на Маракайбо, прибыли сюда. Вице-адмирал овладел фортом, установил на нем новые пушки, добавив несколько крупнокалиберных, и добавил к первоначальному гарнизону сто человек, которых отозвал".

Морган вернулся в Маракайбо, чтобы спланировать свой побег. Захваченное им судно "Маркиз" было больше, чем любое его собственное судно, и лучше вооружено. Он переоборудовал его, сделав своим флагманом. Тот, который он занимал до этого, был передан одному из его капитанов.

ГЛАВА XVIII.

Планируется новая экспедиция.

Угроза Эспиносе.- Ловкая хитрость.- Чудесное бегство.- Шторм.- Пиршество на Ямайке.- История Испаньолы.- План новой экспедиции.- Кормовые корабли.- Административная энергия Моргана.- Возвращение кормовых кораблей.- Встреча на мысе Тибурон.- Величина и вооружение флота.- Подготовка к отплытию.

Морган, уверенный в своем триумфе, послал губернатору Маракайбо известие, что если тот не пришлет ему в течение восьми дней пятьсот голов мясного скота, то город Маракайбо будет превращен в дымящиеся руины. Их прислали в течение двух дней. Все руки были заняты тем, что забивали, солили и хранили мясо, готовя его к выходу в море.

Вернувшись со своим флотом к устью озера, Морган послал адмиралу Эспиносе известие, что на борту его кораблей находится от двух до трехсот пленных, включая сто пятьдесят моряков испанского флота, захваченных на Маркизских островах. Он потребовал свободного прохода, пообещав, что если это будет ему предоставлено, то он отправит всех своих пленников целыми и невредимыми на берег, как только его флот окажется в безопасности по другую сторону форта.

Если же свободный проход не будет ему предоставлен, он заявил, что будет пробиваться силой, и что привяжет всех своих пленников к такелажу, чтобы они были наиболее подвержены выстрелам из форта; и что, пройдя мимо, каждый, кто переживет канонаду, должен быть убит и выброшен за борт. Пленники, хорошо осведомленные о жестокости и непреклонной воле этого бесноватого пирата, обратились к адмиралу с самыми жалостливыми просьбами спасти их от этой ужасной участи. Тот, руководствуясь скорее солдатской гордостью, чем человеческими симпатиями, бесстрастно ответил:

"Если бы вы были так же преданы королю, препятствуя входу этих пиратов, как я буду препятствовать их выходу, вы бы никогда не причинили этих бед ни себе, ни всему нашему народу, который так много страдает из-за вашей бесцеремонности. Я не удовлетворю вашу просьбу, но постараюсь, согласно моему долгу, сохранить уважение, которое причитается моему королю".

Услышав этот ответ, Морган сказал: "Хорошо; если адмирал не даст мне разрешения на проход, я найду способ пройти без его разрешения".

Прежде чем попытаться пройти через пролив, все пираты высадились на берег для раздела добычи. При инвентаризации их имущества выяснилось, что золота, серебра и драгоценностей у них было на двести пятьдесят тысяч долларов. Еще большую сумму составляли товары, которые они собрали со всех кораблей и складов двух городов. Кроме того, у них было большое количество рабов, которые продавались за наличные во всех портах Вест-Индии.

Бегство было совершено с помощью следующей хитроумной уловки. Морган наполнил свои лодки людьми и греб под сучьями, густо нависшими над берегом реки, пока не добрался до укромного места, где сделал вид, что высаживает их. При этом он постарался так организовать движение, чтобы испанцы, находившиеся в форте, заметили его мельком. Однако высадка была всего лишь притворной. Люди спрятались в лодках и вернулись на корабли. На берегу не осталось ни одного. Таким образом, путем многократных экскурсий на лодках, было высажено, по-видимому, несколько сотен человек.

Адмирал, хорошо зная свирепую отвагу пиратов и не сомневаясь, что они предпримут отчаянное нападение на форт со стороны суши, немедленно и с величайшей поспешностью снял свои восемнадцатифунтовые орудия, чтобы командовать подходами со стороны суши. Таким образом, морское побережье осталось почти беззащитным.

В последующую ночь над тихими водами озера взошла полная луна. С юга подул свежий ветер. Казалось, провидение благоволит этим отчаянным людям. Прилив также был в их пользу. А через узкий пролив из озера в залив всегда шло легкое течение.

Таким образом, освещая свой путь лунными лучами и опираясь на ветер, прилив и течение, пираты расправили паруса и, как по волшебству, проскочили мимо форта. Все меры предосторожности были приняты для защиты экипажей. Не было сделано ни одной попытки открыть ответный огонь по испанцам. Большинство экипажей разместили в трюмах кораблей. На палубе оставалось лишь несколько человек для навигации. Испанцы, ошеломленные, растерянные, имея в своем распоряжении всего несколько орудий, открыли поспешный, яростный и очень неточный огонь по кораблям, так быстро уходящим за пределы их поля зрения. Но ущерб был нанесен незначительный, а людей погибло немного.

Нам не известно, выполнил ли Морган свою угрозу подвергнуть пленных канонаде, привязав их к такелажу. Что стало со ста пятьюдесятью испанскими моряками, неизвестно. Вероятно, все они были преданы смерти. Пленных из Маракайбо он отправил на берег. Пленных из Гибралтара он унес с собой и, вероятно, избавил себя от этой обузы, бросив их всех в море. Когда Морган снова отчалил, его экипажи трижды прокричали триумфальные возгласы и в качестве прощального салюта выпустили по форту восемь тяжелых пушек, заряженных шарами.

Но уже на следующий день хмурые небеса, казалось, сменили улыбку небес. На флот обрушился один из самых страшных тропических смерчей. Все были в отчаянии. Моряки бросились на колени и призвали на помощь Богородицу и всех святых. Сверкающие молнии казались символом Божьего гнева, а раскаты грома - Его гневным голосом.

Эсквемелинг, который сопровождал эту экспедицию и чьему перу мы в основном обязаны рассказом о ее событиях, говорит, что корабль, на котором он находился, потерял и якорь, и грот. С огромным трудом они удерживали корабль на плаву, часами работая у насосов. Гром,

по его словам, был оглушительным, а горные потоки, пронсящие мимо, ежеминутно грозили поглотить их.

"Действительно, - пишет он, - хотя мы изнемогали от усталости и труда, мы не могли решиться закрыть глаза на этот благословенный свет, который мы могли скоро потерять из виду навсегда. Надежды на безопасность не оставалось. Шторм продолжался уже четыре дня, и не было никакой вероятности, что он закончится. С одной стороны виднелись скалы, на которые каждое мгновение грозило налететь наше судно. Перед нами были индейцы, от которых мы не могли надеяться на пощаду. Позади нас были испанцы, жаждущие мести".

В конце концов шторм прекратился. Флот зашел в гавань в Венесуэльском заливе, чтобы устранить повреждения. Похоже, наказание имеет мало исправительной силы. Эти несчастные люди не стали лучше от полученных наказаний. Не обращая внимания на молитвы к Деве Марии и святым, пока одни работали на кораблях, другие объединились в группы, чтобы разорять страну вдоль и поперек, грабя все испанские и индейские деревни в пределах их досягаемости и совершая самые жестокие преступления над жителями. Совершенно очевидно, что для этого заблудшего мира нет никакой надежды, если только она не кроется в *изменении сердца* человека, которое проповедует религия Иисуса Христа. "Разум - это его собственное место". После шторма пираты остались теми же людьми, что и раньше.

Морган, переоборудовав свои корабли и значительно увеличив количество награбленного, снова взял курс на Кингстон, столицу Ямайки. Он благополучно добрался до этого порта и был очень радушно встречен его жителями и британскими властями. Они, казалось, считали его одним из героев эпохи, достойным всяческих почестей. О настроениях англичан в то время в отношении этих подвигов можно судить по следующему:

В книге, изданной в Лондоне в 1684 году и лежащей сейчас передо мной, приводится яркий рассказ об этих приключениях. Тогда книга достигла второго издания. На титульном листе написано:

"Правдивый рассказ о самых замечательных нападениях, совершенных в последние годы на побережье Вест-Индии буканьерами Ямайки и Тортуги, где особенно подробно описаны беспримерные подвиги сэра Генри Моргана, нашего английского героя с Ямайки, который разграбил Пуэрто-Вело, сжег Панаму и т. д."

На Ямайке разыгрались новые сцены буйства и распутства. Деньги вскоре перешли из рук пиратов в руки точильщиков в винных лавках, игорных домах и танцевальных залах, которые жаждали их заполучить. Хвалебный биограф Моргана пишет:

"Морган, ободренный успехом, вскоре решился на новые предприятия. Прибыв на Ямайку, он обнаружил, что многие из его офицеров и солдат уже доведены до прежней нищеты своими пороками и распутством. Поэтому они постоянно упрашивали его о новых подвигах, чтобы таким образом получить возможность тратить деньги на вино и шлюх, как они уже делали с тем, что получали раньше.

"Капитан Морган, готовый следовать зову фортуны, затыкал рты многим жителям Ямайки, которые были кредиторами его людей на крупные суммы, с надеждами и обещаниями больших достижений, чем когда-либо, в новой экспедиции. Сделав это, он мог легко набрать людей для любого предприятия. Его имя было так знаменито на всех этих островах, что одно только оно приводило к нему больше людей, чем он мог нанять".

Морган разбросал свои воззвания по всем английским и французским портам на разных островах. Особое письмо он направил губернатору Тортуги, прося его о сотрудничестве. Южная сторона этого острова была назначена местом встречи, где Морган, отплыв с Ямайки, должен был встретить пиратов Тортуги, желающих присоединиться к экспедиции. Другой, общий пункт встречи для искателей приключений со всех островов был назначен в Порт-Куйоне, на южной стороне острова Испаньола. И здесь позвольте мне дать несколько пояснений относительно этого последнего острова.

Колумб открыл этот великолепный остров 5 декабря 1495 года. Туземцы называли его Хайти. Его население оценивалось в миллион человек. Его длина составляла четыреста миль, а ширина - от сорока до ста пятидесяти миль, площадь - почти тридцать тысяч квадратных миль. Колумб назвал его Испаньолой, или Маленькой Испанией. На северном побережье он основал колонию, которую назвал Изабелла. Командовать ею было поручено его брату, Диего. Это была первая колония, основанная европейцами в Новом Свете.

В 1665 году французы получили во владение большую часть острова и дали ему название Сан-Доминго. Это произошло примерно через сто семьдесят лет после его открытия, и примерно за пять лет до того, как Морган выбрал бухту на южном побережье острова в качестве места встречи своего пиратского флота. Именно из-за этих изменений Хайти, Испаньола и Сен-Доминго часто занимают столь путаное положение в общественном сознании.

Пунктуальность - важнейший элемент успеха как в хороших, так и в плохих предприятиях. С необыкновенной быстротой Морган вошел в гавань Куйона на большом корабле, который он назвал "Летающий олень". Он был переполнен пиратами, или буканьерами, как они, возможно, предпочли бы называться, которых он захватил с Тортуги. Это был 24-й день октября 1670 года. Он обнаружил там уже двадцать четыре судна и шестнадцать сотен человек. Почти каждый час прибывали новые суда и матросы. Морган выбрал для своего флагмана большое судно, на котором было установлено двадцать две пушки. Его прибытие было встречено криками, пушечной пальбой, размахиванием флагами и самым бурным пьяным весельем.

С энергией и административными способностями, свойственными этому очень способному и в то же время печально известному человеку, он отправил четыре судна на материк, чтобы они курсировали вдоль побережья и грабили испанцев и индейцев, забирая провизию, кукурузу, домашнюю птицу, свиней и животных для снабжения своих кораблей. Они также должны были разграбить те небольшие города, которые им удастся захватить. Все это было лишь подготовкой к предстоящему им великому предприятию.

Пока четыре корабля отсутствовали в этой экспедиции, Морган занимался тем, что строгал, такелажил и обтесывал свои суда, чтобы быть готовым сразу же после возвращения фуражиров выйти в море. О масштабах предприятия, в которое был вовлечен этот архипират, можно судить по тому, что для сбора провизии для его армии пришлось опустошить обширные районы и разграбить несколько городов.

Охотники были посланы в леса Сан-Доминго в поисках дичи. Весь скот и свиньи считались честной добычей, независимо от того, кому они принадлежали. Каждой охотничьей партии отводился определенный участок. Часть экипажей занималась засолкой провизии на время плавания. В лесах бродило множество свиней. Часто охотничья партия приводила столько,

сколько могли унести двадцать или тридцать человек. Все эти мероприятия, которыми руководил Морган, проходили в условиях высочайшей дисциплины.

Экспедиция, отправленная на континент, достигла места назначения за шесть дней. К счастью для испанцев, как только корабли оказались в пределах видимости суши, они попали в шторм. Это дало испанцам время спрятать свои сокровища и возвести укрепления. Маленькая флотилия стояла на якоре недалеко от устья реки Де-ла-Хача. В реке находился большой корабль из Картахены, груженный кукурузой. Судно со всем грузом попало в руки пиратов.

На следующее утро, едва рассвело, поднялся легкий бриз, и корабли подплыли к берегу. Несмотря на доблестное сопротивление небольшого отряда испанцев, была произведена высадка людей. Пираты вытеснили своих врагов из-за внезапно воздвигнутых ими укреплений и преследовали их до сильно укрепленного города, расположенного неподалеку и называемого Ранчерия. Здесь испанцы снова объединились, и завязалась отчаянная битва. Многие пали с обеих сторон, ведь испанцы отнюдь не были трусами. Но пираты одержали победу, хотя и с большими потерями. Они загнали своих врагов в лес и овладели городом. Несколько испанцев попали в плен. Как обычно, их подвергли самым дьявольским пыткам, чтобы заставить признаться, где они спрятали свои товары. Пираты оставались здесь пятнадцать дней. В течение этого времени они активно занимались захватом пленных и сбором добычи. Перед самым отплытием они отправили несколько пленников к беглецам, рассеянным по лесам, с сообщением, что если те не пришлют в течение определенного количества дней четыре тысячи бушелей кукурузы, то они уничтожат город. Кукуруза была отправлена. Пираты отплыли, сильно обогатившись добычей и нагрузив все свои корабли провизией.

Их не было пять недель. Морган уже начал отчаиваться, что они вернутся. Пираты не доверяли друг другу. Морган прекрасно понимал, что если бы им удалось добиться триумфа и собрать большое количество золота и серебра, они предпочли бы отправиться в какой-нибудь порт, где могли бы растратить все свои богатства на всевозможные чувственные удовольствия. Он также знал, что в регионе, куда были направлены корабли для разграбления, есть крупные города, такие как Карфагена и Санта-Мария. Существовала немалая опасность, что они могли быть отрезаны этими объединенными гарнизонами.

Поэтому он очень обрадовался, когда со смотровой площадки вдали показались возвращающиеся корабли. Провизия была поделена между флотом. Остальная добыча - драгоценные металлы, украшения и товары - была отдана грабителям.

Морган лично осмотрел каждое судно. Затем он отплыл к мысу Тибурон, расположенному на западной оконечности острова Испаньола. Это было удобное место для закладки дров и воды. Здесь к нему присоединились несколько кораблей, которые были переоборудованы на Ямайке для участия в экспедиции. Теперь Морган оказался под командованием флота из тридцати семи судов, укомплектованных двумя тысячами двумястами матросами. На корабле адмирала было установлено двадцать восемь пушек, больших и малых. На многих других было по двадцать, восемнадцать и шестнадцать пушек. На самом маленьком судне было четыре. У него был богатый запас боеприпасов, зажигательных шаров, ручных гранат и горшков, которые, будучи разбитыми, распространяли нестерпимый удушливый запах.

Флот был разделен на две эскадры. Вторая эскадра была отдана под командование вице-адмирала. Каждому капитану он дал поручение практиковать все виды враждебности против испанской нации. "Вы должны захватывать их корабли, где только сможете, в море или в

гавани, как если бы они были открытыми и объявленными врагами короля Англии Карла II, моего господина", - сказал он.

Он собрал всех капитанов в своей каюте для подписания определенных статей соглашения. Было оговорено, что Морган должен получить одну сотую часть всей добычи. Каждый капитан должен получить долю восьми человек. Хирурги должны были получить по двести долларов каждый, помимо своей обычной доли. Потеря обеих ног давала право на добавку в пятнадцать сотен долларов; обеих рук - восемнадцать сотен долларов; одной руки или одной ноги - шестьсот долларов; глаза - сто долларов. Тот, кто первым сорвет испанский флаг и поднимет вместо него английский, должен был получить пятьдесят долларов.

Некоторое время обсуждался вопрос, на кого напасть - на Картахену, Веракрус или Панаму. Жребий пал на Панаму. Она была самой богатой из трех. Хотя этот город находился на западном или тихоокеанском берегу перешейка, и хотя придется оставить флот в какой-нибудь гавани и несколько дней идти по незнакомой стране, все же найти проводников не составит труда, испанцы будут плохо подготовлены к столь неожиданному нападению, а количество добычи, особенно золота и серебра, будет огромным. Морган с гордостью развернул на своей эскадре королевский английский флаг. На другой эскадре он развернул кроваво-красное знамя пиратов, и, как ни странно, на этом пиратском знамени он поместил белый крест - эмблему религии Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, который пришел в этот заблудший мир, провозглашая "Слава в вышних Богу, а на земле мир и благоволение к людям".

ГЛАВА XIX.

Взятие Сент-Катрин и Чагреса.

Оборона Сент-Катрин.- Стратегия Моргана.- Полуночный шторм.- Плачевное состояние пиратов.- Призыв к капитуляции.- Позорное поведение испанского командира.- Наступление на Чагрес.- Происшествия битвы.- Неожданная победа.- Меры Моргана.

16 декабря 1670 года пиратская флотилия снялась с якоря у мыса Тибурон. Сначала они направили свой курс на захват острова Святой Екатерины у побережья Коста-Рики. Этот остров стал испанским колонией, Ботани-Бей. Сюда перевозили преступников из всех испанских владений в Вест-Индии.

Через четыре дня плавания флот оказался в пределах видимости острова. Поселение находилось недалеко от устья одной из рек. Морган послал вперед одно из своих лучших парусных судов, чтобы разведать оборону. Река впадала в большой залив или гавань под названием Гранде-Агуада. На берегу этой гавани располагался город, окруженный массивными и хорошо укрепленными фортами. Здесь уже побывали несколько десперато Моргана. Со всем своим флотом он вошел в гавань ночью.

Руководствуясь инстинктивными военными способностями, он со свойственной ему оперативностью высадил тысячу человек. Вместо того чтобы идти прямо на батареи, корпус умелых инженеров с топорами прорубил новый путь через запутанный лес к резиденции губернатора. Здесь они обнаружили небольшой вал, который был заброшен. Испанцы, не

справившись с таким большим отрядом, который вел Морган, отступили на более сильную позицию. Пираты отправились в погоню. Вскоре они наткнулись на массивный форт, настолько укрепленный батареями, что казался неприступным. Как только пираты оказались на расстоянии пушечного выстрела, испанцы открыли по ним такой смертоносный огонь из своих тяжелых орудий, что те были вынуждены отступить за пределы досягаемости шаров и занять позицию на траве в открытом поле.

Наступила ночь. Пираты устали и проголодались. С кораблей не было доставлено никакой еды. Предполагалось, что пища будет найдена в изобилии. Но испанцы уничтожили все, что не смогли вывезти, а чтобы удовлетворить аппетит тысячи голодных мужчин, требовалось очень большое количество. Теряя сознание от голода, они бросились спать на траву без укрытия.

В полночь разразилась тропическая буря. Сверкание молний и раскаты грома были ужасающими. Казалось, что небесные окна распахнулись, и потоки воды обрушились на людей. Матросы покинули корабли, не имея никакой одежды, кроме штанов и рубашки. В один миг они оказались насквозь промокшими. И час за часом, в кромешной тьме, потоп обрушивался на них, захлебываясь и заливая поля. Несмотря на все усилия, почти весь их порох пострадал, а многое было полностью уничтожено.

Утром на час дождь прекратился. Они только начали обольщаться, что перед ними открывается приятный день, как тучи снова сгустились, и буря обрушилась на них с удвоенной яростью. Казалось, что они подвергаются хмурому взгляду и карающим ударам разгневанного Бога. В поле они нашли старую больную лошадь, "которая, - пишет присутствовавший при этом Эсквемелинг, - была худой, вся в струпьях и пятнах, с изрытой спиной и боками". Это ужасное животное они тут же убили, содрали с него шкуру и разделили на мелкие кусочки между собой, насколько хватило бы сил; ведь многие не могли получить ни кусочка. Это они жарили и пожирали без соли и хлеба, больше походя на хищных волков, чем на людей".

По словам Эсквемелинга, в то время они находились в таком плачевном состоянии, что если бы испанцы обрушились на них со ста людьми, они могли бы изрубить их всех на куски. Дождь лил такими ослепительными струями, что пираты не могли даже отступить. В полдень наступило очередное затишье. Морган, набравшись смелости и уверенности, послал губернатору флаг перемирия со следующим призывом сдаться:

"Я торжественно клянусь вам, что если вы немедленно не отдадите в мои руки свои сооружения, себя и всех своих людей, я всех предаю мечу".

Губернатор был потрясен. Пиратская флотилия из тридцати семи военных судов, укомплектованная более чем двумя тысячами самых свирепых десперадо, которых только могла предоставить земля, представляла собой силу, превосходящую силы губернатора. Он отправил ответ с просьбой дать ему два часа на обсуждение со своими офицерами, после чего он должен был дать решительный ответ. В назначенное время он отправил Моргану следующее унижительное предложение:

"Губернатор готов сдать остров, поскольку у него нет достаточных сил для отражения английского флота. Но ради спасения своей репутации и репутации своих офицеров он просит, чтобы капитан Морган атаковал его ночью со всеми своими морскими и сухопутными силами. Губернатор будет симулировать попытку бегства из одного форта в другой, когда войска капитана Моргана смогут перехватить и взять его в плен. С обеих сторон будет вестись непрерывный огонь, но без пуль".

На эти условия, столь унижительные для губернатора, Морган с радостью согласился. Так из, казалось бы, безнадежного поражения его проницательность принесла яркую и бескровную победу. Мнимый бой состоялся в соответствии с программой. В ту ночь в форте и на кораблях раздался нелепый грохот всех больших пушек. Порох сжигался свободно. Губернатор поднял белый флаг, объявил о капитуляции, и остров со всем, что на нем находилось, перешел в руки пиратов.

Буканьеры были полуголодными. Несколько дней прошли в пиршествах. На острове было много мясного скота, свиней и домашней птицы. Их безрассудно уничтожали. Дома срывали, чтобы развести костры. Две тысячи мужчин днем и ночью предавались самым диким оргиям веселья. Многие жители поселения скрылись в лесах. Но пираты насчитали четыреста пятьдесят пленников. Женщины, подвергавшиеся всяческому унижениям, были заточены в церкви.

Морган, осмотрев укрепления, был поражен их мощью и собственной победой. Главный форт, или замок, как его называли, был очень силен, построен из камня и окружен широким ровом глубиной в двадцать футов. Тяжелые орудия командовали портом. Имелись и другие вспомогательные батареи, на которых стояло около шестидесяти орудий. В форте было найдено огромное количество боеприпасов, включая тридцать тысяч фунтов пороха. Все это было перевезено на корабли. Орудия забили шипами, лафеты сожгли, и пираты с криками победы вновь расправили паруса.

Среди пленников было трое отчаянных разбойников, которые утверждали, что хорошо знакомы с маршрутом в Панаму и со всеми окрестностями. Они охотно присоединились к экспедиции, пообещав разделить добычу. Эсквемелинг, рассказывая о предложении, которое Морган сделал этим несчастным, отмечает:

"Эти предложения очень понравились бандитам. Они с готовностью приняли его предложения, пообещав служить ему очень верно; особенно один из этих троих, который был самым большим негодяем, вором и убийцей среди них и заслуживал за свои преступления того, чтобы быть заживо разбитым о колесо. Этот злой парень имел большое превосходство над двумя другими и мог властвовать над ними, как ему заблагорассудится, а они не смели отказать в повиновении его приказам".

Панамский перешеек в то время славился своими золотыми и серебряными рудниками. Здесь велась очень обширная торговля, и, пожалуй, он был сильнее укреплен и более населен, чем любая другая испанская колония. Этот узкий язык суши, разделяющий Атлантический и Тихий океаны, составляет около трехсот миль в длину и от тридцати до сорока в ширину.

Чагрес, расположенный на атлантическом побережье, был очень сильно укрепленным поселением в устье реки Чагрес. По другую сторону перешейка, на берегу Тихого океана, находилась Панама, куда более важное место, изобилующее богатствами. План Морган состоял в том, чтобы захватить Чагрес, оставить свой флот в гавани, подняться на лодках по реке до тех пор, пока она будет судоходной, а затем двинуться к обреченному городу. С двумя тысячами хорошо вооруженных десперадо он не сомневался в своей способности сокрушить любую силу, которая может быть выдвинута против него.

Морган заранее отправил четыре корабля и большое судно для захвата Чагреса. Экспедиция была поручена вице-адмиралу Брэдли, тому самому, который так успешно провел фуражиров в Ранчерию. Он был отъявленным буканьером, прославившимся своими подвигами. Через три дня плавания его эскадра подошла к Чагресу. На возвышенности, с

которой открывается вход в реку, находился мощный форт , названный замком Лоуренса. Подойдя к гавани, Брэдли развернул на форштевне кроваво-красный флаг пиратов. Гарнизон тут же вывесил королевское знамя Испании и по глупости отсалютовал ему залпом дробы, которая не долетела до их кораблей.

Пираты, по своему обыкновению, вместо того чтобы поднять деревянные стены форта на дыбы, бросили якорь примерно в миле от крепости и, высадившись, прорубили топором и саблей путь через запутанный лес, чтобы атаковать укрепления с их самой слабой стороны. Рано утром высадка была произведена. К середине дня они достигли холма, с вершины которого могли бы обстреливать форт, если бы только подтянули к нему свои пушки.

Но болотистая местность не позволяла этого сделать. Гарнизон подтянул свои орудия к возвышенности и открыл огонь, под которым пали многие пираты. Брэдли был сильно обескуражен. Форт оказался очень неожиданно прочным. Он был окружен двумя высокими параллельными стенами из дерева, засыпанными землей. На каждом углу находились хорошо построенные бастионы. Все укрепления были окружены рвом глубиной тридцать футов. Вход в крепость был только один - разводной мост через этот ров. Северная сторона замка омывалась широкой и быстрой рекой. С южной стороны находился обрывистый недоступный утес. Сильные батареи охраняли подходы к обеим сторонам.

Даже самые отчаянные из пиратов отшатнулись от мысли о попытке штурма столь грозных сооружений. Но Брэдли не мог смириться с мыслью о презрении и ярости, которые он встретит со стороны Моргана, если отступит, не сделав попытки. После долгих недоумений и споров было решено рискнуть на штурм. Они надеялись с помощью топоров и сабель срубить бревна, а затем взобраться на осыпающуюся землю. Внутренние помещения были полностью деревянными. Там находились бараки и хижины, которые под палящим тропическим солнцем стали сухими, как порох.

Осторожно спустившись с холма, буканьеры бросились на землю, когда взрывы массивных орудий осыпали их шарами. Их снайперы метали пули сквозь петли стен и амбразуры, чтобы поразить артиллеристов у орудий. Эта перестрелка продолжалась до ночи, но ничего не дала. Многие пираты были убиты, а самому Брэдли пушечное ядро перебило одну из ног. Безрассудные люди подбегали к самым стенам , бросали туда огненные шары и рубили бревна.

С наступлением темноты пираты начали отступать. Испанцы кричали им со стен:

"Вперед, английские дьяволы, еретики, враги Бога и короля! Пусть ваши товарищи, которые остались позади, тоже подойдут. Мы будем служить им так же, как служили вам. На этот раз вы не доберетесь до Панама".

Этот возглас встревожил их. Он свидетельствовал о том, что испанцы каким-то образом предупреждены об ожидаемом нападении на Панаму и готовятся к сопротивлению. Когда группа пиратов совещалась в полумраке, стрела из замка поразила одного из них в плечо. Он спокойно вынул острие из кровоточащей раны и, обращаясь к своим спутникам, сказал:

"Смотрите, товарищи, я сделаю так, что эта проклятая стрела станет средством уничтожения всех испанцев".

Затем он достал из кармана кусок дикого хлопка, который буканьеры носили с собой в качестве ворса, чтобы зашивать раны. Он намотал его на головку стрелы. Зарядив мушкет только порохом, он вставил стрелу и выпустил ее обратно в замок. Она попала на крышу из

соломы. Порох поджег хлопок, а хлопок - сухие листья. Крыша мгновенно охватила пламенем.

Индейцы помогали гарнизону, и их стрелы лежали вокруг. Мгновенно воздух наполнился потоком огненных метеоров. Они падали на соломенные крыши, и языки пламени разлетались во все стороны. Одна из них случайно упала на большое количество пороха, и последовал страшный взрыв. Полыхнуло страшное пламя. Последовала неопишуемая сцена криков, смятения и ужаса. Обитатели форта оказались в кратере вулкана, находящегося в состоянии сильнейшего извержения. Тщетно было пытаться погасить пламя. Никто не мог жить в таком пекле.

Ночь была темной, безлунной и беззвездной. Тела испанцев четко вырисовывались на фоне пылающего пламени. Пираты, точно прицелившись, расстреливали их. Каждая пуля попадала в цель. В страшной суматохе испанцы почти не могли оказать сопротивления. Тем не менее, укрываясь, как могли, в разных частях форта, они сражались с бессильным отчаянием. Оксемелин рассказывает об одном случае, иллюстрирующем неукротимую ярость нападавших.

Одному из пиратов индийская стрела пронзила глаз. В страшной агонии он подошел к Оксемелину, чтобы вытащить ее. Ее колющее острие глубоко вонзилось в глазницу, и извлечь ее можно было, только жестоко вырвав. Оксемелин колебался: у него не хватало духу подвергнуть себя такой пытке. Пират схватил его обеими руками, вырвал вместе с искореженными и окровавленными спайками, завязал рану платком и с проклятием снова бросился на штурм.

Пожар бушевал всю ночь. Все деревянные конструкции были уничтожены. Земляные стены рухнули. Пираты, взобравшись друг другу на плечи, взбирались на валы и обрушивали на беспомощный гарнизон ручные гранаты, огненные шары и горшки с удушливым запахом. "Доспехи по частям падали с их гигантского противника, и теперь он стоял перед ними голый, израненный и беззащитный".

И все же в одном из углов форта героический губернатор собрал немногих оставшихся в живых, всего двадцать пять человек, решивших сражаться до конца. От нападения их немного защищал глубокий ров, который проходил прямо перед ними. Однако это не укрыло их от пуль врагов. На них обрушился страшный шквал огненных шаров и свинца. У них не было ни надежды на победу, ни надежды на спасение. Единственным их желанием было убить как можно больше пиратов, прежде чем погибнуть самим. Наконец выстрел пробил мозг губернатора. Слабый остаток был легко побежден.

Гарнизон состоял из трехсот четырнадцати человек. Все они, за исключением четырнадцати, были либо убиты, либо беспомощно ранены. В живых не осталось ни одного офицера. Губернатор заранее отправил в Панаму курьера, чтобы тот поднял город по тревоге. В этом кровопролитном конфликте пираты понесли большие потери. Сто человек были убиты и семьдесят тяжело ранены. Была вырыта большая яма, в которую бросили сто мертвых тел пиратов и закрыли их от глаз и запаха. Пленных заставили подтащить тела погибших испанцев к обрыву и бросить их в море. В форте было найдено большое количество боеприпасов и провизии.

Морган, получив информацию о падении Чагреса, опустошил остров Святой Екатерины настолько, насколько это было возможно, чтобы сделать его совершенно непригодным для обороны. В его намерения входило вернуться и восстановить это место, чтобы сделать его местом встречи своего флота в будущих операциях. Во время плавания к Чагресу разразился

сильный шторм. Его флот был рассеян, так что они задержались в море на много дней. Но когда корабль за кораблем входил в бухту, и команды видели английский флаг, развевающийся над почерневшими стенами замка Чагрес, бухта оглашалась радостными криками и салютами из пушек. Адмирал и некоторые другие так увлеклись своей беспечной радостью, что, не дожидаясь лоцмана, его самого и еще три судна погнали на затонувшие скалы, где они разбились вдребезги. Экипаж и груз были спасены.

Морган немедленно принялся за работу с большой энергией, задействовав все свои силы инженеров, плотников и рабочих на ремонте замка. Здесь он разместил гарнизон из отборных людей, а в магазинах хранил провизию и боеприпасы, как убежище от возможной катастрофы в Панаме. Военные удачи, как известно, непостоянны. Пират Морган был очень способным генералом. Его планы, как правило, были хорошо продуманы, чтобы встретить как невзгоды, так и благополучие.

ГЛАВА XX.

Марш из Чагреса в Панаму.

Подготовка к переходу через реку. - Переполненные лодки. - Бивак в Бракосе. - Голодные муки. - Безжалостный путь. - Брошенные лодки. - Легкие каное. - Брошенные амбускады. - Мучительные марши день за днем. - Пиршество на кожаных мешках. - Мурчание и споры. - Столкновения с индейцами. - Борьба с лесом. - Пожар в Санта-Крус. - Битва и стычки. - Первый вид Панамы. - Спуск на равнину. - Пиршество.

От пленных Морган узнал, что за три недели до их прибытия гарнизон Чагреса получил сообщение из Картахены, что англичане снаряжают флот на Испаньоле для захвата Панамы. Губернатор немедленно отправил сто шестьдесят четыре солдата для усиления гарнизона в Чагресе, который до этого насчитывал всего сто пятьдесят человек. Моргану также сообщили, что губернатор Панамы расставил несколько засад вдоль реки Чагрес и что его прибытия в Чагрес ожидает отряд из трех тысяч шестисот человек.

Этих известий было достаточно, чтобы встревожить любого обывателя. Но пираты привыкли триумф над значительно превосходящими силами. В Чагресе было несколько больших испанских судов, приспособленных для речного судоходства. Все они были захвачены Морганом. На них, как правило, стояли две большие железные пушки и четыре латунные поменьше. Эти суда, а также те, что он снял со своих кораблей, составили флотилию из тридцати двух канонерских лодок. На них служили двенадцать сотен матросов. Пятьсот человек были оставлены для гарнизона замка. Сто пятьдесят отвечали за корабли.

18 августа 1670 года Морган привел свой флот в движение, чтобы подняться по реке Чагрес, направляясь в Панаму. Его лодки были переполнены и так сильно нагружены людьми, боеприпасами и оружием, что он мог взять лишь небольшой запас провизии. Он рассчитывал в изобилии обеспечить себя припасами, которые найдет в испанских засадах.

В первый день маленький флот поднялся по реке всего на восемнадцать миль, до места под названием Бракос. Люди на борту лодок были сильно стеснены в движениях, у них было мало места, чтобы двигаться, и не было места, где можно было бы прилечь. Поэтому они сочли необходимым высадиться на берег на ночь, чтобы насладиться несколькими часами сна.

Они также надеялись ограбить несколько соседних плантаций. Почти вся еда исчезла за этот день плавания.

Веселые костры, похоже, необходимы на всех бивуаках. Мрак густого тропического леса вскоре осветился пламенем, вокруг которого собралось двенадцать сотен человек. Большинство из них без ужина отправились в свои мшистые постели, утешаясь лишь трубками с табаком. Утром они тщетно рыскали по стране в поисках пищи. Плантаторы бежали, забрав с собой или уничтожив все, что можно было съесть.

Они снова вернулись к своим лодкам. Голодные, разочарованные и ропщущие, они поднялись по реке еще примерно на двадцать миль, пока не достигли места под названием Хуан Гальего. Здесь они были вынуждены оставить лодки, так как река сильно обмелела из-за отсутствия дождей; кроме того, ее течение сильно затрудняли сгнившие и поваленные деревья. Так закончился второй день.

Через неровный, грязный, запутанный лабиринт не было дороги для целой армии. Проводники сказали им, что на расстоянии двух лиг они найдут более благоприятную местность. С саблей и топором эти полуодичавшие люди проложили себе узкую тропу. Они питались ягодами, кореньями и листьями. Сто шестьдесят человек остались охранять лодки и добывать себе пропитание охотой, грабежами или припасами с флота.

Морган продвинулся всего на милю или две, когда гигантские заросли и переплетения лиан, казалось, сделали лес непроходимым. Река также немного углубилась, так что некоторые из его лодок стали плавать. С каждым мгновением возникала неминуемая опасность, что он попадет в какую-нибудь засаду. Он послал назад за легкими каноэ, которые нужно было доставить наверх. Это было сделано с большим трудом. Затем он посадил на них своих людей, отбирая часть по очереди, и, поднявшись по реке на несколько миль, достиг места под названием Седро-Буэно. Для этого каноэ совершили несколько переходов. Пираты очень хотели столкнуться с испанцами, ведь это было их единственное средство добыть хоть какую-то пищу. Но испанцы мудро оставили их наедине с тяготами похода и муками голода.

Утро четвертого дня встретило этих несчастных мародеров рассветом. Большинство из них, ведомые одним из своих проводников, с трудом продвигались вдоль берега реки. Другие плыли против течения на каноэ, часто вынужденные спускаться в воду, чтобы преодолеть песчаные отмели или пороги. Для защиты от засад проводников держали на четверть мили впереди. Испанцы выслали вперед своих индейских разведчиков и сами были в курсе всех передвижений противника. Около полудня этого дня они достигли места, которое из-за его крайней изрезанности было названо Торна Кавальос.

Здесь проводники поспешили вернуться к основному отряду с сообщением, что обнаружили засаду. Полуголодные люди были в восторге. Они знали, что испанцы во всех своих походах роскошно кормят себя. Осмотрев свои мушкеты, зарядив их и взяв в руки сабли, чтобы быть готовыми к беспощадной атаке, они с нетерпением, но осторожно двинулись вперед. Вскоре они увидели окоп, имевший форму полумесяца. Опытные глаза подсказали им, что он защищает гарнизон численностью около четырехсот человек. Двенадцать сотен человек, подгоняемые яростью и голодом, с жуткими криками бросились на него. Горьким было их разочарование, когда они не нашли там врага. Они захватили лишь заброшенный и разрушающийся вал. Вокруг было разбросано несколько мешков из грубой ворсистой кожи. Голод был так велик, что их разрезали, сварили и съели. У нас есть подробный рассказ о приготовлении этих неаппетитных блюд.

Сначала они взяли кожу и разрезали ее на куски. Затем они били куски между двумя камнями, растирая их и окуная в воду, чтобы сделать их эластичными и нежными. Наконец, счищали шерсть и жарили или поджаривали куски на огне. Приготовив таким образом мясо, они разрезали его на очень мелкие кусочки, которые "запивали частыми глотками воды, которая, к счастью, была у них под рукой".

"Уверяю читателя, - пишет Оксемелин, - что человек может прожить на такой пище, хотя вряд ли он сильно растолстеет".

Эскемелин добавляет: "Некоторые, кто никогда не выходил из кухни своих матерей, могут спросить, как эти пираты могли есть, глотать и переваривать эти куски кожи, такие твердые и сухие? На это я отвечу, что если бы они хоть раз испытали на себе, что такое голод, или, скорее, голодуха, то непременно нашли бы способ, как это сделали пираты, на собственном опыте".

Утром пятого дня изнурительный поход возобновился. У них было мало еды, кроме кожаных мешков, и они находились в плачевном состоянии. Пираты не были приятными людьми. Пошатываясь от слабости, они шли по неровным дорогам, ропща, ссорясь и проклиная друг друга. Ближе к ночи они пришли в местечко под названием Барбакоа. Здесь они обнаружили еще одну заброшенную засаду. Здесь не было ни крупы еды. Громко и горько они клялись испанцам. Ужасной была бы судьба любого из них, кто мог бы попасть в их руки. Эскемелинг говорит, что они были настолько поглощены голодом, что если бы им удалось поймать кого-нибудь из испанцев, они бы непременно зажарили и съели их.

Были посланы отряды, чтобы исследовать лес в поисках жилья. Но ни одного не удалось обнаружить. Жители во всех направлениях бежали, унося с собой провизию. Здесь был проведен весь день. Это был день ужасных страданий. Жизнь удалось сохранить, питаясь ягодами, кореньями и листьями. Было обнаружено несколько плантаций, но, как правило, не осталось ни одного человека, ни одного животного, ни одного зернышка кукурузы. В одном месте они нашли спрятанными два мешка пшеницы, два кувшина вина и несколько подорожников. Их Морган разделил между теми, кто был близок к голодной смерти.

На шестой день они продолжили свой поход, по-прежнему вдоль берегов реки Чагрес. Тех, кто не мог идти, везли на легких каноэ. Ночью они пришли на плантацию, которая, как обычно, была полностью заброшена. Их ужин состоял в основном из листьев и травы.

На следующий день в полдень они обнаружили амбар, полный индейской кукурузы в шелухе. Они набросились на нее и сожрали досуха, с жадностью стада свиней. Утолив голод, каждый нагрузил на себя столько, сколько смог унести. С обновленным настроением они продолжили свой путь. Пройдя несколько часов, они наткнулись на группу индейцев численностью около двухсот человек, которые бежали с величайшей поспешностью. Они были гораздо проворнее, чем измученные пираты, и ни один из них не был застрелен или взят в плен. Во время бегства индейцы выпустили в них множество стрел, которые ранили нескольких пиратов и убили троих. Они кричали по-испански: "Ха! Вы, собаки, идите на равнину, идите на равнину".

Теперь они достигли такого изгиба реки, что необходимо было переправиться через нее. Поэтому они остановились на ночлег. Это место называлось Санта-Крус.

Громкий ропот наполнил лагерь. Моргана осуждали в немереных выражениях. Они действительно были во власти мрака. Возвращение назад означало голодную смерть. А

дальнейшее продвижение, казалось, грозило им уничтожением. Однако некоторые не теряли мужества и кричали: "Вперед! Вперед!".

Утром седьмого дня они переправились через реку. Поскольку предполагалось, что вскоре они встретят испанцев, каждый должен был тщательно осмотреть свой мушкет и пистолеты, чтобы быть готовым к любой стычке. Проводники сказали им, что они приближаются к важному городу Круз, где можно найти провизию и другие запасы в изобилии. Этот город называли перевалочным пунктом между Чагресом и Панамой, хотя он находился в шестидесяти восьми милях от первого и всего в двадцати четырех от второго. В этот пункт товары из Чагреса доставлялись на лодках, когда река была полноводной, и, выгрузившись, перевозились в Панаму на спинах мулов. Чтобы дать читателю некоторое представление о стиле повествования Эсквемелинга, написанного двести лет назад, я процитирую его графическое описание того, что произошло:

[A] Его рассказ был написан на голландском языке, но переведен на английский и опубликован в Лондоне.

"Находясь еще на значительном расстоянии от Круза, они заметили, что из труб поднимается много дыма. Вид его доставил им большую радость и надежду найти в городе людей, а после этого они больше всего желали получить много хорошего настроения. Так они и отправились в путь со всей возможной поспешностью, приводя друг другу несколько доводов в пользу этих внешних признаков, хотя все они были похожи на воздушные замки. Ибо, говорили они, из каждого дома идет дым. Поэтому они разводят хорошие костры, чтобы жарить и варить то, что мы будем есть", и другие вещи для этой цели.

"В конце концов они прибыли туда с большой поспешностью, все вспотевшие и запыхавшиеся; но не нашли в городе ни одного человека, ни одной съестной вещи, которой можно было бы подкрепиться, разве что хороших костров, чтобы согреться, чего они не хотели. Ибо испанцы перед своим уходом подожгли каждый свой дом, за исключением только кладовых и конюшен, принадлежавших королю.

"Они не оставили после себя ни одного зверя, ни живого, ни мертвого. Это вызвало большое смятение в их умах; они не находили ничего, за что можно было бы ухватиться, разве что несколько кошек и собак, которых они тут же убивали и пожирали с большим аппетитом. Наконец, в королевских конюшнях они, по счастливой случайности, нашли пятнадцать или шестнадцать кувшинов перуанского вина и кожаный мешок, полный хлеба. Но не успели они начать пить это вино, как заболели, почти все.

"Это внезапное несчастье заставило их подумать, что вино было отравлено, что вызвало новое смятение во всем лагере, так как они считали себя теперь безвозвратно потерянными. Но истинная причина заключалась в огромном недостатке пропитания за все время плавания и в разнообразных отбросах, которые они съели по этому случаю. В тот день их укачало так сильно, что они остались там до следующего утра, не имея возможности продолжить свое путешествие, как они обычно делали после обеда.

"Здесь капитан Морган был вынужден оставить свои каноэ и высаживать всех своих людей, хотя они никогда не были так слабы телом. Но чтобы не застать каноэ врасплох и не взять слишком много людей для защиты, он решил отправить их всех обратно к месту, где находились лодки, за исключением одной, которую он спрятал, чтобы она могла служить для передачи разведданных в зависимости от обстоятельств. Многие испанцы и индейцы, принадлежавшие к этой деревне, бежали на соседние плантации. Тогда капитан Морган

отдал прямой приказ, чтобы никто не смел выходить из деревни иначе, как целыми ротами по сто человек вместе.

"Причиной тому был его страх, чтобы враги не воспользовались преимуществом его людей при внезапном нападении. Тем не менее, один отряд английских солдат упрямо не желал нарушать этот приказ, будучи соблазнен желанием найти пропитание. Но вскоре они с радостью снова влетели в город, где на них с яростью напали испанцы и индейцы, которые схватили одного из пиратов и увели его в плен. Таким образом, бдительность и осторожность капитана Моргана оказались недостаточными, чтобы предотвратить все несчастные случаи, которые могли бы произойти".

Утром 8-го числа Морган осмотрел свои войска. Он обнаружил, что под его командованием осталось одиннадцать сотен решительных людей. Он выбрал группу из двухсот лучших стрелков в качестве передового отряда. Они должны были бдительно следить за засадами. Путь, который им предстояло преодолеть, был очень узким. Во многих местах могли пройти только двое. В течение десяти часов они осторожно продвигались вперед, не встречая никаких признаков врага.

В конце концов они достигли темного лесистого ущелья, куда с трудом проникал солнечный свет. В густые заросли кустарника, колючек и переплетающихся лоз, по-видимому, никто не мог проникнуть иначе, как прорубив себе путь топором. Перед ними возвышалась высокая гора. Но природа проделала в ней тоннель, так что через нее вела узкая тропинка. Это удивительное место называлось Кебрада Обскура.

Внезапно из непроходимого леса, окутавшего гору, на них посыпался ливень стрел, словно град из облаков. Вероятно, они преувеличили число, оценив их в три-четыре тысячи. Они мчались, словно по какому-то сверхъестественному побуждению, сквозь листву. Не было видно ни одной руки. Не было слышно ни звука. Не было заметно ни одного движения. В них был только один полет стрел и больше ничего. Те, кто, опираясь на тощие руки, метнул их, каким-то таинственным образом ускользнули - так сказать, исчезли.

Это необычное и необъяснимое нападение привело армию в большое замешательство. На мгновение эти безрассудные люди были ошеломлены. Странно, что только восемь пиратов были убиты и десять ранены этим ливнем стрел. После нескольких минут промедления пираты осторожно двинулись вперед, пробираясь по узкому туннелю, по которому могли пройти только двое, пока не вышли на очень неровную равнину с другой стороны, усеянную огромными скалами и порослью гигантских деревьев. К этому месту индейцы отступили, и здесь они, похоже, собирались занять позицию.

Завязалась ожесточенная битва. Было видно, как индейцы в большом количестве перебегают от скалы к скале и от дерева к дереву. Они сражались с большой храбростью. Их вождь был очень красивым молодым парнем, великолепно одетым, с блестящей короной из разноцветных перьев. Казалось, он не испытывал никакого страха. В конце концов, в своем рвении он бросился на пиратов, совершенно не считаясь с их числом, и попытался вонзить свое копьё в одного из них чуть впереди. Удар был парирован, и он был мгновенно сбит с ног.

Как только он упал, раздался громкий крик его последователей, и, не выпуская больше ни одного копья, все они бросились бежать. Пираты стремительно преследовали их. Беглецов невозможно было догнать. Несколько самых смелых спрятались за деревьями и зарослями, откуда могли спокойно отступить, и беспокоили пиратов беспорядочным огнем, который тяжело ранил нескольких человек, но не привел ни к каким важным результатам.

Вскоре буканьеры вступили в широкую, лишенную деревьев прерию. Здесь они остановились, чтобы оказать помощь раненым. На некотором расстоянии перед ними находилась еще одна скалистая и лесистая возвышенность. Индейцы, которые, казалось, кишели там, явно готовились к новой битве. Отряд из пятидесяти человек был отправлен кружным путем, чтобы напасть на них с тыла. Их бдительные глаза заметили движение. Проворно перебирая ногами, они бежали, крича своим обидчикам: "На равнину, на равнину, вы, английские собаки!"

Пираты справедливо истолковали эти слова так, что на равнине перед Панамой собралось большое количество испанцев и что именно там должна произойти великая битва. Многие испанцы были вместе с индейцами. В этом месте, которое находилось всего в нескольких милях от Панамы, они исчезли. На следующую ночь начался один из тех проливных дождей, которые так часто обрушиваются на тропические земли. Пираты тщетно пытались укрыться от проливного шторма. Наступила кромешная тьма с громом, молниями и воем торнадо. На пути было много плантаций, где стояли дома и хижины. Но индейцы пустили в ход факел. Все постройки превратились в пепел. Скот был согнан. Вся провизия была вывезена или уничтожена. Эти несчастные люди, выполнявшие свою свирепую миссию, по-прежнему голодали.

На следующее утро, которое было девятым в их путешествии, дождь прекратился. По небу плыли тяжелые тучи, затмевая солнце и позволяя им идти в укрытии от его палящих лучей. На некотором расстоянии впереди показался хорошо укомплектованный отряд из двадцати испанцев, наблюдавших за всеми передвижениями захватчиков. В течение дня они подошли к довольно высокой горе, которую необходимо было пересечь. С ее вершины они впервые увидели Тихий океан и Панамский залив, на берегу которого находился одноименный город. В заливе стоял на якоре большой испанский корабль. Шесть лодок под парусами держали курс на острова Тавога и Тавогилья, которые находились на расстоянии около восемнадцати миль.

При виде этого пираты разразились радостными криками. Никогда не сомневаясь в своих силах, они считали свои труды оконченными, а город со всеми его сокровищами - уже в их владении. У подножия горы была большая травянистая равнина, на которой паслись тысячи голов скота: коровы, лошади, быки, мулы и ослы. Пиратские шайки стремительно спустились с горы и с прожорливостью голодных волков набросились на скот.

"Один застрелил лошадь. Другой завалил корову. Но большая часть зарезала мулов, которых было больше всего. Некоторые разжигали костры, другие собирали дрова; самые сильные охотились на скот, а инвалиды убивали, сдирали шкуры и пластались. Вскоре вся равнина была охвачена сотней костров. Голодные люди с невероятной поспешностью и свирепостью отрезали куски плоти, обжигали их в пламени и ели полусырыми. Они напоминали, - говорит Эсквемелинг, - скорее каннибалов, чем христиан: кровь стекала по их бородам до середины тела"[A].

[A] Monarchs of the Main, vol. ii. p. 114.

ГЛАВА XXI.

Взятие Панамы.

Первый взгляд на город.- Появление испанских разведчиков.- Продвижение Моргана.- Характер страны.- Страхи испанцев.- Вывоз сокровищ.- Взятие города.- Отравленное вино.- Великолепные пейзажи залива.- Описание Панамы и ее окрестностей.- Богатство города.- Сцены преступлений и жестокости.

Морган был необычным человеком. Его никогда не пугал страх. Его никогда не удручали бедствия. Страсти никогда не позволяли ему терять бдительность. Он в полной мере разделял все тяготы своей бесноватой команды. Хотя сам он был голоден и изможден и сочувствовал голодающим, он ни в малейшей степени не ослаблял бдительности и не терял самообладания.

Понимая опасность того, что голодные люди, предаваясь такому безрассудному обжорству, могут вызвать болезнь, которая сделает их неспособными к сражению, он приказал объявить ложную тревогу. Мгновенно каждый схватил свой мушкет и побежал на свое место в строю. Прежде чем спуститься с горы, Морган предусмотрительно приказал разрядить все мушкеты и зарядить их заново, опасаясь, что порох мог отсыреть.

Предстояло пройти еще несколько миль по равнинам и лесам, прежде чем пираты смогли вступить на улицы города, который они различили вдали. С осторожностью они продолжали свой поход до наступления вечера, когда поднялись на возвышенность, с которой открывался прекрасный вид на город с его шпилями, домами и улицами, освещенными лучами заходящего солнца. Здесь крики ликования возобновились. Пираты, подкрепленные пиршеством, танцевали от радости, били в барабаны, трубили в трубы, стреляли из мушкетов и ликовали, как в час полной победы. Здесь они расположились на ночлег, с нетерпением ожидая утра, которое должно было ознаменовать решающую битву.

Вечером двести конных испанцев выехали из города, промчались по нему, пока не оказались на расстоянии выстрела от пиратов, и прокричали им слова, которые невозможно было разобрать. Морган выставил двойных часовых, а все его люди спали, опираясь на оружие.

На рассвете десятого дня испанцы со своих стен затрубили в горн и забили в барабаны, бросая вызов своим врагам. Пираты с таким же нетерпением ждали боя. Они стремительно вышли на равнину. Испанцы, конные и пешие, высыпали навстречу им. Сверкающими батальонами они выстроились на равнине, превосходя пиратов числом три к одному. Там было два эскадрона кавалерии, четыре пеших полка и, что особенно примечательно, "огромное количество диких быков, ревущих и бьющих рогами, управляемых большим количеством индейцев и несколькими конными матадорами".

Отмечается, что пираты были удивлены и встревожены, учитывая силу, с которой им предстояло столкнуться. Многие из них пожелали оказаться дома. Никакой четверти не ожидалось. У них не было иной надежды, кроме как сражаться с предельной отчаянностью. Все это осознавали. Поэтому они связали себя самыми торжественными клятвами: победить или потратить последнюю каплю своей крови.

Морган сформировал своих людей в три батальона, отобрав группу из двухсот снайперов для перестрелки в авангарде. Многие испанцы были вооружены блестящими почтовыми плащами. Их шелковые знамена, богато расшитые, представляли собой прекрасный вид, развеваясь в лучах утреннего солнца. Испанцы выслали вперед конный эскадрон. Когда они галопом пронеслись по равнине, моргановские скирмишеры упали на одно колено, в

высокой траве, и открыли по ним губительный огонь. Несколько всадников упали с лошадей. Несколько лошадей, пораженных пулями и потрясенных внезапным взрывом двухсот орудий, стали неуправляемыми и с диким криком помчались по равнине во всех направлениях.

"Быки, - пишет Торнбери, - оказались столь же фатальными для тех, кто их использовал, как слоны для Поруса. Загнанные в тыл буканьерам, они испугались шума битвы, несколько штук прорвались сквозь английские роты и растоптали ногами красные цветы; но их вскоре застрелили старые охотники. Несколько человек бежали в саванну, а остальные рванули назад и устроили хаос в рядах испанцев".

Равнина была изрезана оврагами и трясиными, так что кавалерия не могла действовать с пользой. Все отчаянные пираты были безрассудны в своей храбрости и почти все безошибочны в своих целях. Испанцы также были людьми войны и крови, которые совершали величайшие зверства, вырезая и грабя туземные племена. Они сражались со свирепостью, не уступающей пиратам. В этой битве, по сути, зверь против зверя. Испанцы были так же плохи, как и пираты.

В течение двух часов битва шла с особой яростью. Не было ни дерева, ни пня, ни скалы, чтобы защитить одну из сторон от пуль, которые со смертоносной скоростью проносились по равнине. С одной стороны было одиннадцать сотен пиратов. Эсквемелинг оценил силы испанцев в четыре сотни конницы и две тысячи четыреста пехотинцев. Кроме того, было еще одна-две сотни индейцев и негров, которые гнали диких быков через лагерь англичан, надеясь таким образом сломать их строй и повергнуть в смятение. Испанцы также вырыли траншеи и возвели батареи, чтобы задержать продвижение своих врагов.

Морган, как обычно, приказал своим людям подойти к городу окольным путем, чтобы обойти батареи. В ходе подготовки к этому движению он приказал провести смотр войск. Он скрыл от своих солдат число павших пиратов, но объявил, вероятно, с некоторым преувеличением, что шестьсот испанцев лежат мертвыми на поле боя.

Судя по всему, испанцы не очень рассчитывали на результат битвы, поскольку переправили на остров Тавага большую часть своего имущества и всех своих женщин. В ходе сражения испанцы потерпели столь ошутимое поражение, что покинули поле боя, а конные и пешие войска заняли новую позицию за крепостными валами. Было взято много пленных, в том числе довольно много католических священников. Морган, не желая обременять себя пленными, приказал их всех заколоть. Пираты понесли большие потери, но поражение их не разочаровало, а раззадорило.

Эсквемелинг пишет: "Пираты ничуть не унывали, видя, что их численность так сильно уменьшилась, а скорее преисполнились еще большей гордости, чем прежде, понимая, какое огромное преимущество они получили против своих врагов. Поэтому, отдохнув немного, они приготовились смело идти к городу, поклявшись друг другу, что будут сражаться до тех пор, пока ни один человек не останется в живых. С таким мужеством они возобновили свой поход, чтобы либо завоевать, либо быть завоеванными.

"На подходе к городу они встретили много трудностей. Ибо в городе испанцы поставили в нескольких кварталах множество больших пушек, одни из которых были заряжены мелкими железными осколками, а другие - мушкетными пулями. Всеми этими орудиями они салютовали пиратам, когда те приближались к городу, и давали им полные и частые залпы, стреляя по ним непрерывно. Отсюда случилось так, что они теряли на каждом шагу большое количество людей.

"Но ни эта явная опасность для их жизни, ни вид множества своих, постоянно падающих на них, не могли удержать их от дальнейшего продвижения вперед и ежеминутного наступления на врага. Таким образом, хотя испанцы не прекращали обстрел и предпринимали все возможные меры для своей обороны, тем не менее, несмотря на это, они были вынуждены сдать город после трехчасового боя. А пираты, овладев им, убили и уничтожили всех, кто пытался оказать им хоть малейшее сопротивление.

"Жители города перевезли лучшие из своих товаров в более отдаленные и оккультные места. Однако в городе до сих пор сохранилось несколько складов, хорошо укомплектованных всевозможными товарами, как шелками и тканями, так и льном и другими вещами, имеющими большую ценность. Как только первый приступ ярости, вызванный их входом в город, прошел, капитан Морган собрал всех своих людей в определенном месте, которое он назначил, и там приказал им, под угрозой очень больших наказаний, чтобы никто из них не смел пить или пробовать вино.

"Причиной такого запрета он назвал то, что получил частные сведения о том, что все вино было отравлено испанцами. Однако многие считают, что он отдал этот благоразумный приказ, чтобы предотвратить разврат своих людей, который, как он предвидел, будет очень велик вначале, после столь сильного голода, перенесенного в пути; кроме того, он опасался, что испанцы, увидев их в вине, соберут свои силы и будут использовать их так же бесчеловечно, как они использовали жителей раньше."

Теперь Морган был хозяином Панама. Город с почти всеми его богатствами перешел в его руки. И все же побежденные испанцы смогли собрать силы, значительно превосходящие его собственные. Панамский залив отличается особой красотой. В те времена его берега окаймляли роскошные рощи апельсинов, инжира и лайма. Пернатые верхушки кокосовых деревьев возвышались над всеми остальными, соперничая лишь с высокими тамариндами. Сквозь богатую листву проглядывали многочисленные тростниковые хижины, построенные в живописном стиле. Индейские дети, совершенно не одетые, бегали по пляжу, а березовые каноэ, легкие, как пузырьки, плыли по безбрежным волнам.

Вдали показались острова Тавога и Тавогилла, покрытые листвой. Рудники Мексики и Перу обрушили на этот порт потоки своих богатств. Многие особняки были великолепны с архитектурной точки зрения. Они были украшены богатейшими картинами и самой дорогой мебелью. Испанские гранды вешали на свои стены шедевры Тициана, Мурильо и Веласкеса. Улицы города были широкими, что необычно для испанских городов, и были усажены самыми красивыми и вечно цветущими тропическими деревьями.

В стенах города находился кафедральный собор внушительных размеров и возвышающегося величия. Здесь же находились восемь монастырей, массивные здания, занятые религиозными орденами и обильно снабженные произведениями искусства. На широких проспектах стояли две тысячи особняков богачей, а на более оживленных улицах теснились пять тысяч небольших домов и магазинов. Самым внушительным кварталом города были так называемые Генуэзские склады. Они принадлежали компании, обогатившейся за счет работорговли. Огромное количество лошадей и мулов использовалось для перевозки товаров через перешеек, от одного океана к другому. Они содержались в длинных рядах великолепно устроенных конюшен. Золото и серебро, добываемое в шахтах, переплавляли в твердые слитки, называемые пластинами или слитками, и в таком виде отправляли в Старый Свет. Город был окружен богатыми плантациями и высокохудожественными садами.

"Панама была городом, в который ежегодно привозили все сокровища Перу. В определенные периоды сюда прибывал тарелочный флот, груженный слитками золота и серебра, набитый богатствами короны, а также частных купцов. Он возвращался, нагруженный товарами из Панама и испанского материка, которые продавались в Перу и Чили, и еще чаще - толпами негров-рабов, которых генуэзцы привозили с побережья Гвинеи, чтобы те трудились и умирали на перуанских рудниках.

"Этот золотой город был настолько богат, что более двух тысяч мулов использовались для перевозки золота и серебра из этого города в Порто-Бельо, где загружались галеоны. Купцы Панама, по преданию, были самыми богатыми во всей испанской Вест-Индии. Губернатор Панама был сюзереном Порто-Бельо, Наты, Круса и Верагуа. Епископ Панама был примасом Терра Фирмы и суфраганом архиепископа Перу. Панамский округ был самым здоровым из всех испанских колоний, богатым рудниками и настолько лесистым, что его корабельная древесина покрывала судами и северное, и южное моря. Ее земли давали обильные урожаи, а широкие саванны пасли бесчисленные стада дикого скота"[A].

[A] Monarchs of the Main, vol. ii. p. 159.

Таков был город и провинция, попавшие в руки этой шайки пиратов. Они нашли добычу, несмотря на то, что испанцы все вывезли, богатой сверх их самых смелых ожиданий. Склады по-прежнему были переполнены товарами большой ценности. Вино, пряности, оливковое масло, шелка и ткани всех сортов были найдены в огромном изобилии. Магазины были в изобилии снабжены кукурузой и другими продуктами.

Сам Морган был удивлен грандиозностью своего захвата. Он также был встревожен, осознавая собственную опасность. Силы, которые еще могли быть направлены против него, были гораздо больше, чем он предполагал. Ему грозила неминуемая опасность быть отрезанным от возвращения на корабли. В порту на мель село несколько испанских судов. Морган захватил их. С наступлением прилива они были спущены на воду. Он укомплектовал их самыми отчаянными из своей банды и отправил на острова, а также в погоню за судами, которые бежали с сокровищами вдоль побережья.

В частности, сбежало одно королевское испанское торговое судно в четыреста тонн, нагруженное церковной утварью, драгоценностями и богатейшими товарами. Оно вышло в море с величайшей поспешностью, имея на борту всего семь пушек и около дюжины мушкетов. Продовольствия и воды было в обрез, а на грот-мачте были только самые верхние паруса. На борту корабля находились все женщины женского монастыря, а также самые ценные церковные украшения.

Морган хотел немедленно преследовать это судно. Если бы он это сделал, судно было бы легко захвачено. Но на какое-то время он потерял контроль над своей бесноватой командой. Одурманенные вином - запрет Моргана не возымел действия - и впавшие в самый безжалостный разврат, они провели много часов в сценах, которые ни Содом, ни Гоморра никогда не смогли бы превзойти. Так корабль спасся. Говорят, что на нем было золота и серебра больше, чем во всех сокровищах, найденных в Панаме.

Морган, вероятно, предвидел, что если он не уничтожит эти спиртные напитки, которыми был наполнен город, то его люди полностью дезорганизуются, и испанцы, набросившись на пьяный сброд, легко разделают их на куски. Он не мог уничтожить спиртное на глазах у пиратов, так как они не позволили бы этого сделать.

Тогда он поджег город в разных кварталах, тщательно распространяя информацию о том, что пожар устроили сами испанцы. Огонь распространялся с такой быстротой, что за несколько часов почти вся деловая часть города превратилась в пепел. Большинство скромных построек были деревянными, с соломенными крышами. Они горели как пепел. Двести магазинов со всем их содержимым были уничтожены. Генуэзские склады были сожжены. В них было заключено множество бедных рабов. Они были поглощены всепожирающим пламенем.

Этот энергичный полководец, такой же безжалостный, как любой зверь, когда-либо воющий в джунглях, добился своего. Его войска были вытеснены с пылающих улиц в поля, где им пришлось расположиться лагерем. Эти жалкие люди, пресытившиеся обжорством, пьянством и развратом, теперь с новой силой пробудили в себе старую страсть к грабежу.

Четыре судна были отправлены для посещения островов и плавания вдоль побережья в обоих направлениях. Сто шестьдесят человек были отправлены в Чагрес, чтобы доставить припасы войскам, стоящим там в гарнизоне, и сообщить им о великой победе. Ежедневно компании по двести человек, одна из которых сменяла другую, отправлялись исследовать окрестности. Каждый вечер они возвращались с группой бледных и дрожащих пленников, а также с мулами, нагруженными сокровищами. Этих несчастных пленников пытали, чтобы заставить их открыть, где спрятаны сокровища, о которых они ничего не знали. Отец, мать, дочь-девица и ребенок были одинаково распростерты на ложе пыток. Ни невинность, ни красота, ни добродетель не защищали пленных женщин.

Нищий испанец, не более чем полубезумный, во время суматохи забрел в дом одного богача, сорвал с себя лохмотья и облачился в дорогое белье, бриджи из ярко-красной тафты и плащ из шелкового бархата. Пока он глупо расхаживал, любуясь своим убранством, в дом ворвались пираты и схватили его как свой приз. Они поверили или предположили, что он хозяин дома, и потребовали, чтобы он сообщил им, где спрятал свои сокровища.

Напрасно он указывал на свои лохмотья и уверял всех святых, что жил на милостыню. Он ничего не мог открыть. Эти жестокие люди растянули его на дыбе. Они вывихнули ему суставы. Они закрутили веревку вокруг его лба, "пока его глаза не стали большими, как яйца, и готовы были вывалиться". Его подвешивали за большие пальцы и бичевали. Они отрезали ему нос и уши и опалили лицо горячей соломой. Затем ударами своих копий они предали его смерти.

"Подобным образом, - пишет Эсквемелинг, - окончили свои дни и многие другие несчастные пленники; обычным развлечением и отдыхом этих пиратов были эти и другие трагедии, не уступающие им".

ГЛАВА XXII.

Возвращение из Панамы.

Возвращение исследователей.- Прекрасная пленница.- Симпатия к ней.-
Затруднения Моргана.- Несгибаемая добродетель пленницы.- Заговор.-
Эффективность Моргана.- Его упрямство.- Поиски пиратов.- Ответный марш.-
Морган обманывает пиратов.- Бегство.

Суда, которые Морган отправил к островам и крейсировать вдоль берега, вернулись примерно через восемь дней. Они прибыли с товарами и пленниками. Судьба женщин-пленниц была ужасной. В этом отношении никто из мужчин не был хуже самого Моргана. В одном из кораблей с пленницами была испанка изысканной красоты. Она была совсем молода и являлась женой богатого купца, в то время отсутствовавшего в Перу. Эсквемелинг и Оксемелин описывают ее как даму, наделенную такой красотой, какую редко можно встретить на земле. Эсквемелинг пишет:

"Годы ее были невелики, а красота столь велика, что, пожалуй, я сомневаюсь, найдется ли во всем христианстве человек, способный превзойти ее в красоте или честности".

Оксемелин более подробно описывает ее прелести. Он говорит, что ее волосы были блестящими, шелковистыми кольцами черного цвета. Несмотря на то что она была брюнеткой, цвет ее лица отличался ослепительной чистотой. Ее большие, блестящие черные глаза светились особым выражением нежности, что вызывало восхищение у всех, кто ее видел. Самые грубые пираты были покорены и смягчены ее присутствием. Для них она представлялась почти образом Девы Марии, и они считали ее чары ангельскими.

Как только Морган бросил на нее взгляд, он был потрясен и очарован ее красотой и проникся самым сильным желанием завоевать ее любовь. Другие были его рабами, подчиненными его жестокой воле. Но эта дама своей красотой, грацией, достижениями, добродетелью настолько покорила его, что он не мог подойти к ней иначе, как в качестве просителя ее благосклонности.

Любовь, сущность божества, при некоторых обстоятельствах, в своем законном проявлении, является самым очищающим влиянием. В других обстоятельствах она является самой унижительной и жестокой из страстей. Было замечено, что поведение Моргана сильно изменилось. Он стал более общительным, более мягким и особенно внимательно следил за своей одеждой, одеваясь в самые богатые наряды. Он приказал отделить свою прекрасную пленницу от других пленников, назначил негритянку для ее обслуживания, посылал ей изысканные яства со своего стола и во всех отношениях относился к ней с величайшим вниманием. Негритянке было поручено сделать все возможное, чтобы убедить пленницу, что ее похититель - не зверь и не еретик, как ее учили считать, а джентльмен и христианин, человек с изысканными манерами и культурным умом. Эсквемелинг пишет:

"Раньше, до прибытия в Панаму, эта дама слышала странные отзывы о пиратах, будто они не люди, а еретики, которые не ссылаются на Пресвятую Троицу и не верят в Иисуса Христа. Но теперь она стала думать о них лучше, чем когда-либо прежде, испытав на себе многообразные любезности капитана Моргана; тем более что она слышала, как он много раз клялся именем Бога и Иисуса Христа, в которого, как ее убеждали, они не верили.

"Она и теперь не считала их такими уж плохими и похожими на зверей, как ей часто приходилось слышать. Что же касается названия разбойников или воров, которое им обычно давали, то она не очень этому удивлялась, поскольку, по ее словам, среди всех народов встречаются нечестивцы, которые от природы жаждут завладеть чужим добром".

Морган посетил леди с улыбками и поклонами и дорогими подарками. Он наводнил ее покои одеяниями, драгоценностями и духами. Она не была обманута. А когда он осмелился предложить ей бросить мужа, стать фактически его женой и сопровождать его в роскошный дом, который он ей обеспечит, она с негодованием и отвращением отвергла его. Отвечая ему со всем красноречием бесстрастной невинности, она сказала:

"Сэр, моя жизнь в ваших руках. Но скорее моя душа будет разлучена с телом, чем я отдамся вашим требованиям".

Этот отпор привел в ярость бесславного пирата. Он лишил ее богатых нарядов, оставив лишь самую грубую одежду, и бросил в темное и отвратительное подземелье. Еды было достаточно для поддержания жизни. Этими жестокостями он надеялся сломить ее дух и заставить подчиниться своим желаниям.

Даже демоны способны оценить истинное благородство характера. Красота и добродетели этой дамы в какой-то степени завоевали симпатии самых мерзких из этих несчастных. Морган не мог скрыть от них своего отношения к ней. Они начали роптать, осуждать его, проклинать как скотину.

"Я сам, - говорит Эсквемелинг, - был очевидцем страданий этой леди и никогда бы не поверил, что в мире можно найти такое постоянство и добродетель, если бы меня не уверили в этом мои собственные глаза и уши".

Морган был встревожен угрожающим видом своих людей. Различные причины уже некоторое время подрывали его авторитет. Он прекрасно понимал, что среди этих отчаянных пиратов не найдется ни одного, кто бы хоть на мгновение засомневался, что воткнет ему в сердце пинжак или продырявит мозг пулей. Все эти пираты были отъявленными негодяями. У них не было чувства чести. Не было такого преступления, от которого они бы уклонились, если бы сочли, что совершить его в их интересах. Даже их симпатия к прекрасной пленнице вылилась в основном в ревность к капитану. Если бы они схватили ее без охраны в залах женского монастыря, она не испытала бы никакой пощады от их рук.

Пираты, окрыленные великой победой и огромным количеством всевозможных богатств, оказавшихся в их распоряжении, составили заговор, в который были вовлечены более сотни человек. Их план состоял в том, чтобы избавиться от Моргана, затем захватить один из близлежащих островов и сделать его своим опорным пунктом. С судами, которые у них уже были, и кораблями, которые они вскоре захватят, у них будет непобедимый флот. Затем они переплывут Тихий океан и опустошат все побережья Чили и Перу. Набрав достаточно добычи, чтобы стать миллионерами, они вернутся в Европу через Ост-Индию, собирая по пути корабли, а затем разойдутся в поисках новых домов и будут буйствовать в роскоши до конца своих дней.

Готовясь к этому движению, они спрятали несколько больших пушек в городе и большой запас боеприпасов. Но Морган оказался на высоте. Один из заговорщиков выдал остальных. Первым признаком того, что их замысел раскрыт, стало то, что все суда и лодки в гавани были объаты пламенем. Все артиллерийские орудия в гавани были утыканы шипами. Таким образом, их план был полностью сорван. Затем был отдан приказ нагрузить мулов сокровищами и немедленно готовиться к возвращению в Чагрес.

Грабеж Панамы еще не был поделен. Хотя каждый пират дал самую торжественную клятву, что вся добыча будет брошена в общий фонд и что он не будет ничего утаивать, никто не был уверен в клятве другого. Морган приказал обыскать каждого человека, от макушки головы до подошв обуви. Хотя Морган сам согласился на то, чтобы его обыскали первым, это привело всех в ярость. Каждого заставили разрядить свой мушкет, чтобы доказать, что в его стволе не спрятаны драгоценности.

Французская часть пиратов была особенно разгневана на Моргана. Многие клялись, что предадут его смерти до того, как достигнут Ямайки. Через несколько дней все сокровища

были упакованы в удобные тюки и уложены на спины мулов. Церковная плита была разбита на бесформенные куски для более удобной укладки. Сокровища, которые нельзя было вывезти, они безжалостно уничтожали. Сто пятьдесят человек были посланы в Чагрес, чтобы отвести лодки так далеко вверх по реке, как только она станет судоходной. Он сообщил пленникам, что увезет на Ямайку в качестве рабов всех, кто не получит через своих друзей достаточный выкуп.

За выкуп своей прекрасной пленницы, от которой он теперь скорее хотел избавиться, он потребовал тридцать тысяч долларов. Двум епископам было разрешено отправиться к ее друзьям, чтобы получить эти деньги. Они были немедленно предоставлены им. Они вернулись с ними и вероломно, вместо того чтобы выкупить ее, использовали эти деньги для выкупа своих собственных друзей.

Об этом предательстве знали во всей армии. Даже пираты осудили его. Ропот в лагере был настолько громким, что Морган был вынужден прислушаться к нему и дал леди свободу.

Утром 24 февраля 1671 года эти разбойники отправились в обратный путь в Чагрес. Многие из пленных женщин на коленях умоляли капитана Моргана с громкими причитаниями разрешить им остаться с мужьями и детьми. Он бесстрастно отвечал:

"Я пришел сюда не для того, чтобы слушать женские вопли, а чтобы получить деньги. Принесите мне деньги, и вас отпустят. Если же нет, то вас точно отправят на Ямайку".

"Когда начался марш, - пишет Эсквемелинг, - эти жалобные вопли и крики возобновились, да так, что их звучание вызвало бы сострадание в самом черством сердце. Но капитан Морган, как человек, мало склонный к милосердию, ничуть не был тронут этим".

Линия марша была такой же, как и раньше. Сначала в четверти мили впереди войска шли разведчики. Затем следовали передовые отряды в большом количестве. Следом шли пленники с тяжело нагруженными мулами. Оставшиеся пираты составили тыловое охранение. Они подгоняли теряющих сознание, шатающихся, отчаявшихся пленников ударами копьев и сабель.

Когда они достигли почерневших развалин города Круз, стоявшего в начале лодочного пути, мулов разгрузили, а их ношу погрузили в каноэ. Здесь пришлось задержаться на несколько дней, и многие пленники, написавшие мучительные письма своим друзьям, получили деньги и заплатили выкуп. У Моргана оставалось еще много убитых горем испанцев и сто пятьдесят негров-рабов. Последних он считал денежным товаром, так как они могли принести деньги в любом из портов Вест-Индии.

От Круса пираты двинулись двумя партиями, одна на лодках, другая по суше. Чагрес был достигнут без каких-либо событий особой важности. Сразу же после прибытия Морган со свойственной ему энергией отправил нескольких пленников в важный город Пуэрто-Вело, часто называемый Пуэрто-Бельо, с объявлением, что если жители немедленно не пришлют ему большой выкуп, то он полностью разрушит замок и развалит все постройки в нем. Поскольку Чагрес был важнейшим портом для всей провинции, он полагал, что эта угроза принесет деньги. Однако они не прислушались к его словам.

Теперь добыча была поделена. Пираты были горько разочарованы, обнаружив, что вся оценочная стоимость составляет всего около двух миллионов долларов. Вероятно, в десять раз большая сумма, которую они не смогли вывезти, была уничтожена в результате их хитрости. Каждый человек рассчитывал получить не менее десяти тысяч долларов. Когда они

узнали, что их доля составляет всего одну тысячу, они были очень разгневаны. Этих денег едва хватало на веселье в течение одной недели.

Почти со всех уст сорвался громкий и угрожающий ропот. Они обвиняли Моргана в том, что он их обманул. Искусный плут с большой ловкостью сделал это. Многие из его людей сговорились против него. Теперь он с гораздо большим умением замышлял против них. Он взял нескольких человек в свое доверие, чтобы разделить с ними добычу, которую они должны были украсть у остальных. Простые моряки не имели ни малейшего представления о стоимости бриллиантов и других драгоценных камней. Его партизаны скупали их не за одну сотую часть их реальной стоимости. Массивные слитки золота было легко спрятать.

Морган старался занять внимание своих людей грабежом, поджогом и разрушением Чагреса. В то время как, по-видимому, все его силы в бреду опьянения были заняты этой работой, Морган и его сообщники перебрались на корабли, ночью спокойно снялись с якоря и, воспользовавшись попутным ветром, до утра скрылись из виду со всеми своими сокровищами. Их жертвы, составлявшие почти половину пиратской команды, остались на берегу среди развалин, без еды, без лодки, без крова, в полной нужде. Что с ними стало в итоге, неизвестно. Возможно, кто-то умер от голода, кого-то застрелили испанцы, кого-то поймали и повесили. "Месть Моя; Я воздам, говорит Господь".

У нас нет больше подробностей о дальнейшей карьере этого очень способного, проникательного и печально известного человека. Известно лишь, что он добрался до Ямайки, обладая огромным состоянием. Там его чествовали как одного из великих людей своей эпохи. Карл II, король Англии, чьим сообщником он, как говорят, был в своих пиратствах, вознаградил его за достижения, назначил губернатором острова и пожаловал ему почести в виде баронетства. Мы не знаем, когда он умер. Но мы знаем, что, как бы сэр Генри Морган ни избежал наказания за свои грехи в этом мире, он уже давно предстал перед судом того Бога, "который воздаст каждому по делам его".

ГЛАВА XXIII.

Фанатик Монбар.

Частичное раскрытие тайны.- Рождение Монбара.- Его воспитание и заблуждения.- Анекдот о драматическом представлении.- Монбар бежит из дома.- Поступает на флот.- Его свирепые подвиги.- Присоединяется к буканьерам.- Отчаянные сражения на суше и на море.- Его окончательное исчезновение.

Читая повествования о жестокостях, которые пираты творили с испанцами, ум часто угнетает мысль о том, что Бог, обладающий безграничной любовью и могуществом, должен был допустить подобные сцены. Нет ничего немыслимого в сильных и продолжительных пытках, которые не применялись бы к мужчинам, женщинам и детям. Не существует удовлетворительного объяснения этой великой земной тайны. Однако есть соображения, которые, возможно, укажут на решение.

Похоже, что пиратам было позволено отомстить испанцам за те ужасные страдания, которые они причинили индейцам. Испанские армии Кортеса и Писарро опустошали дома невинных коренных жителей этих стран с жестокостью и свирепостью, которую не могли превзойти

сатана и его легионы. Испанцы ввергли индейцев в пламя самых ужасных страданий. И тогда Бог позволил пирату бросить испанца в то же пламя.

Был такой знаменитый пират по имени Монбар, который, казалось, был вдохновлен фанатичным безумием, приближающимся к маниакальной ярости против всей испанской нации. Он был ребенком одной из самых богатых и уважаемых семей в Лангедоке, во Франции. Он получил все преимущества образования, которые могло дать ему богатство. В процессе обучения он прочел рассказ о зверствах, творимых испанцами при завоевании островов и континентов Нового Света.

Кровь этого пылкого юноши, казалось, кипела в жилах, когда он размышлял об этих зверских преступлениях. В детстве он размышлял об этих мучениях, пока не стал почти безумцем. Вскоре он посвятил себя всем боевым упражнениям, чтобы отомстить за обиды индейцев. Эта великодушная, но жестокая решимость быстро переросла в мономанию. Все животные силы необычайно энергичного ума были сосредоточены в этом направлении. Месть за зло, причиненное кубинцам, перуанцам, мексиканцам, занимала его мысли днем и сна ночью. Это стало всепоглощающей страстью его души.

Еще в детстве, упражняясь с арбалетом, он говорил: "Я хочу хорошо стрелять, только чтобы знать, как убивать испанцев". Джордж В. Торнбери в своей очерке об этом необычном человеке, упоминая о бесчинствах испанцев в Новом Свете, пишет

"Фанатизм, алчность и честолюбие властвовали, как троица дьяволов, над прекрасными краями, опустошенными и пораженными чумой испанцев. Целые народы вымерли. Имя Христа превратилось в простой шифр вооруженной и агрессивной торговли. Эти книги внушили мрачному мальчику глубокую, всепоглощающую, фанатичную ненависть к завоевателям и неистовую жалость к побежденным.

Он считал себя отмеченным Богом, как Гедеон, посланный им на помощь". Мечты о богатстве и удовлетворенном честолюбии неосознанно подстегивали его к выполнению задания. Он не думал и не мечтал ни о чем, кроме убитых индейцев. Он с нетерпением расспрашивал путешественников о новостях из Америки и проявлял непомерную и неудержимую радость, когда узнавал, что испанцы потерпели поражение от карибов и браво.

"Он действительно знал наизусть все злодеяния, которые история записала о его врагах, и рассказывал о каждом из них с грубым и нетерпеливым красноречием. Следующую историю он часто имел обыкновение рассказывать и злорадствовать с видом, который указывал на ум, способный на еще большую жестокость, если его однажды захватит фанатичный дух возмездия.

"Один испанец, - гласила история, - однажды был назначен губернатором индейской провинции, которую населяла свирепая и воинственная раса дикарей. Он оказался жестоким правителем, неумолимым в своих обидах и ненасытным в своей скупости. Индейцы, не в силах больше терпеть ни его варварства, ни его поборов, схватили его и, показав ему золото, сказали, что им наконец-то удалось, благодаря большой удаче, найти достаточно денег, чтобы удовлетворить его требования. Затем они крепко держали его и, расплавив руду, вливали ее ему в горло, пока он не скончался в мучениях под их руками".

Особенности этого молодого человека были необычно продемонстрированы в одном случае, который показал, что его умственная деятельность была настолько нарушена, что он не мог спокойно размышлять ни о чем, связанном с испанской нацией. На одной из выставок в колледже студенты должны были поставить комедию, в которой Монбар должен был принять

участие. Во время представления должен был состояться диалог между испанцем и французом. Монбар представлял француза, а один из его спутников - испанца.

Испанец первым вышел на сцену и начал произносить экстравагантную тираду в адрес Франции, обличая и высмеивая французов в немереных выражениях. Монбар слушал с нарастающим волнением, пока не потерял всякое самообладание. Мимическая сцена в его воображении стала реальностью. В совершенной ярости он ворвался на сцену; набросился на представительного испанца, как маньяк; назвал его лжецом и убийцей; сбил его с ног и неминуемо убил бы, если бы его не оттащили перепуганные зрители.

Мальчик развил очень активный и сильный ум, и его богатый отец очень гордился им. Его эксцентричность не беспокоила его, так как он считал, что контакт с миром скоро устранил все эти недостатки. Он хотел, чтобы сын получил какую-нибудь профессию. Но Монбар настаивал на поступлении в армию. "Я хочу научиться сражаться, - говорил он, - чтобы убивать испанцев".

Поскольку друзья были против его поступления в армию, он сбежал из дома и добрался до Гавра. Здесь у него был дядя, который командовал одним из королевских кораблей. Франция в то время находилась в состоянии войны с Испанией. Корабль как раз отправлялся в плавание против испанцев. Дядя, довольный энтузиазмом мальчика и его горячим желанием присоединиться к экспедиции, написал отцу и получил его неохотное согласие. Через несколько дней корабль отплыл.

Юный фанатик постоянно следил за противником, проявляя самое сильное нетерпение к схватке. Как только появлялся какой-нибудь парус, он вооружался и, казалось, был вне себя от радости при мысли, что скоро отомстит испанцам. Вскоре показался испанский корабль. Вскоре они встретились и обменялись ударами. Монбар был совершенно опьянен радостью. Он был совершенно безрассуден. Ни одна мысль об опасности не приходила ему в голову. Когда был отдан приказ высаживаться, Монбар с саблей в руке возглавил отряд и первым вскочил на борт испанского корабля. Казалось, он прожил жизнь, как зачарованный, и был наделен геркулесовой силой. Он не искал помощи у своих товарищей, а бросился в самую гущу врагов, с удивительной силой отбивая то правую, то левую руку. Дважды он пронесся из конца в конец судна, сшибая всех, кто ему противостоял. Он не давал покоя.

Испанцы были побеждены. Их бойня была ужасной. Монбар, возмнив себя Божьим служителем возмездия, в экстазе ликования рубил одних, пронзал саблей сердце других, а третьих сбрасывал в море. Его дух вдохновлял остальных. Почти все испанцы были убиты. Его дяде удалось спасти одного или двух.

Приз оказался огромной ценности. Трюм был забит богатствами. В одной шкатулке лежали бриллианты почти бесценные. Пока капитан и команда осматривали эти сокровища и радовались им, Монбар относился к ним с полным безразличием. Он считал убитых. Его душа жаждала крови, а не грабежа.

Поскольку между Францией и Испанией шла война, французские буканьеры, даже действуя без официального поручения, рассматривались правительством как участники законных военных действий. Английские буканьеры, грабившие испанскую торговлю и испанские колонии, поощрялись и получали помощь от французского флота. Описанный нами конфликт произошел у берегов Сен-Доминго. Дядя Монбара узнал от своих пленников, что захваченный им корабль был отделен штормом от двух других и что они направляются в Порт-Марго на острове.

Он немедленно отплыл в окрестности этого порта, где стал на вахту. Захваченное им судно было использовано в качестве приманки. Он разместил на борту французских солдат, развернул флаг Испании и стал на вахту, ожидая прибытия двух судов. Пока он стоял на вахте, несколько буканьеров с берега поднялись на борт в каноэ с провизией на продажу. Они потерпели крушение на побережье, и пока часть их находилась в отдалении от лагеря и охотилась, испанцы набросились на них, обратили в бегство и разграбили их запасы.

"Почему вы терпите это?" - возмущенно воскликнул Монбар.

"Мы не собираемся терпеть это", - ответили они. "Мы знаем, что представляют собой испанцы и какова наша сила. Мы собираем силы и скоро отомстим им".

"Позвольте мне пойти с вами", - сказал Монбар. "Я не прошу быть вашим вождем, но я пойду во главе вас. Я буду первым и покажу вам, как я могу сражаться с этими проклятыми испанцами".

Они с радостью приняли его предложение. Его пыл и энергия внушили им большое доверие к нему. Дядя с большой неохотой разрешил ему отправиться в путь, проклиная его как глупого, волосатого безумца, вечно стремящегося очертя голову броситься в опасность. Однако дядя очень гордился им. Когда юный Монбар спускался с борта корабля в каноэ, капитан с ликованием сказал одному из своих приближенных: "Вот и отважный парень, который когда-либо ходил по доске".

Буканьеры вернулись в свой лагерь и тут же, собрав сильный отряд, отправились на поиски испанцев. Они пробирались запутанными тропами через лес, пока не вышли на небольшую безлесую прерию, которую они называли саванной. Перед самым выходом на это поле, окруженное холмами и лесом, они увидели вдалеке конный отряд испанцев, которые, очевидно, собирались напасть на них.

Монбар был охвачен яростью при виде испанцев. Он был готов в одиночку броситься на них - один, против нескольких сотен, независимо от того, последуют за ним остальные или нет. Но старый, опытный буканьер, возглавлявший отряд, удержал его.

"Остановитесь, - сказал он, - у нас еще много времени. Если вы сделаете то, что я вам скажу, ни один из этих парней не уйдет".

Эти слова: "Ни один из этих парней не сбежит" - остановили стремительного молодого человека. Буканьеры остановились, сделав вид, что не заметили испанцев. Они позволили одному или двум из них показать себя, как будто они принадлежат к охотничьей группе. Затем они разбили свою палатку из льна, видимо, совершенно не осознавая, что рядом с ними враг. Вытащив фляги с бренди, они устроили грандиозное веселье, распевая песни, крича и передавая фляги от одного к другому, словно в дикой пьянке. Этим занималась небольшая часть компании, в то время как большинство буканьеров прятались в засаде.

Испанцы, затаившись, наблюдали за всеми этими движениями. Они предполагали, что одурманенные выпивкой буканьеры вскоре беспомощно уснут. Тогда испанцы осторожно подкрадутся к ним и перебьют всех. Но хитрый старый буканьер позаботился о том, чтобы все фляги с бренди были пусты. Притворщики не выпили ни капли пьянящего напитка.

Как только наступила темнота, все буканьеры собрались в засаде, ожидая полуночного нападения. Все мушкеты были исправны, а мозги холодны и не разгорячены выпивкой. Испанцы отложили нападение до рассвета. Пока тянулись часы, Монбар был неспокоен и

метался, как загнанный в клетку лев, говоря, что они никогда не придут, и умоляя разрешить ему выйти и напасть на них.

На рассвете буканьеры заметили темную линию, бесшумно перевалившую через хребет и спустившуюся на равнину. Они прекрасно понимали, что означает этот . За каждым движением следили сидевшие в засаде буканьеры. Испанцы осторожно продвигались вперед. Они пересекли прерию и вошли в лес, намереваясь окружить палатку, в которой, как они предполагали, находились спящие буканьеры.

Внезапно лес словно вспыхнул вулканическим пламенем. За выстрелами из мушкетов последовали крики и вопли, и свинцовый шквал пронесся по рядам испанцев, поражая десятки людей либо смертью, либо тяжелыми ранениями. Буканьеры мгновенно бросились на ошеломленного, истекающего кровью врага. Монбар, казалось, был охвачен демоническим безумием. Он бросился на испанцев с полным безрассудством, не обращая внимания ни на их численность, ни на то, что его поддержат товарищи. Его тяжелая сабля мелькала во всех направлениях, как будто ее держали неуправляемые стальные сухожилия.

Вскоре он опередил своих товарищей и оказался один в самой гуще испанской эскадры. Его неминуемо зарубили бы, если бы другие буканьеры, пораженные его дерзостью, не бросились ему на помощь. Со шпаги Монбара капала кровь. Он был в неистовом восторге. Каждый удар, который он наносил, срубал испанца. Он ликовал, глядя на эту бойню, и впоследствии заявил, что это был самый счастливый день в его жизни. Один испанец прижался к его коленям, умоляя о пощаде. Монбар обрушил свою саблю на его голову, рассекая ее от макушки до подбородка, и свирепо воскликнул: "Я желаю, чтобы ты был последним представителем этой проклятой расы". Очевидец битвы описывает кровавую бойню как ужасную. Почти каждый испанец был уничтожен. Победители, поглощенные своим кровавым делом, спотыкались об умирающих и мертвых, глухие к любым мольбам о пощаде.

Буканьеры были поражены и восхищены доблестью, которую проявил Монбар. Они просили его остаться и стать их капитаном. Но сигнальная пушка, выпущенная его дядей, позвала его обратно на корабль. Монбара поставили капитаном на борт большого корабля, который захватил его дядя. Многие пираты охотно согласились служить под его началом.

После восьмидневного плавания эти два судна столкнулись с четырьмя испанскими военными кораблями, каждый из которых был больше, чем те, которыми командовали Монбар или его дядя. За этим последовало одно из самых отчаянных морских сражений. Старший Монбар был атакован двумя кораблями. В течение трех часов они боролись, сцепившись друг с другом, принимая и отдавая самые страшные удары. В конце концов все трое утонули в одной водной могиле. Дядя, как говорят, радуясь, что утащил за собой два других корабля, со смехом пошел ко дну.

Монбару с его грохотом удалось потопить один из нападавших на него кораблей, а затем он взял на бордаж второй. Испуганная команда бросилась в воду. Плавающие тела представляли собой мишени для буканьеров. Они не оставались в стороне. Монбар метался по палубе, убивая всех, до кого мог дотянуться. Его храбрость и достижения были столь удивительны, что товарищи относились к нему с суеверным почтением, как к наделенному более чем смертными способностями. Сам он всегда утверждал, что был посланником Бога, чтобы отомстить за обиды, нанесенные испанцами индейцам. Неизвестно, чтобы хоть один человек спасся с этих четырех испанских кораблей.

Теперь под командованием Монбара было два корабля. Он привлек на службу множество других буканьеров, и вскоре у него была армия из почти восьмисот человек, готовых идти за ним на смерть. Он бороздил моря и, часто высаживаясь на берег, опустошал побережья. У нас нет подробных сведений о его дальнейшей карьере. Один из его биографов пишет:

"На этом история заканчивает рассказ об одном из самых странных сочетаний фанатика и солдата, которое когда-либо появлялось со времен Лойолы. В другую эпоху и при других обстоятельствах он мог бы стать вторым Магометом. Такой же безжалостный, его амбиции, хотя и более узкие, похоже, были не менее пылкими. Если он был жесток, то мы должны признать, что он был искренен даже в своем фанатизме. Бесстрашный, неутомимый, обладающий непревзойденным мужеством и непревзойденной решимостью, жестокость испанцев он подавлял еще большей жестокостью. Он уходит от нас в неведомые моря, и мы больше не слышим о нем. Он умер, вероятно, не осознавая своего преступления, без жалости и сожаления.

"Оксемелин, видевший Монбара в Гондурасе, описывает его как активного, живого и полного огня, как и все гасконцы. Он был высокого роста, крепкого телосложения, его вид был величественным, благородным, воинственным. Его цвет лица был загорелым, а цвет глаз невозможно было разглядеть под глубокими, дугообразными сводами кустистых бровей. Считалось, что сам его взгляд в бою устрасал испанцев и приводил их в отчаяние".

Примечание транскриптора:

Пунктуация стандартизирована. В оригинальную публикацию внесены следующие изменения:

- Страницы v и 29
- - Уильям Кидд, нью-йоркский купец *заменено на* Уильям Кидд, [нью-йоркский купец](#)
- Страница 19
- - был широкий малиновый поясok *заменен на* был широкий [малиновый](#) кушак
- Стр. 20
- - королева, с характерной терпкостью *заменено на* королева, с [характерной](#) терпкостью
- Стр. 26
- - повернувшись на пятках, сказал презрительно *заменено на* повернувшись на пятках, сказал [презрительно](#)
- Страница 38
-

- февраля 1666 года капитан Кидд *сменился на* февраля 1696 года, что капитан Кидд
- Страница 89
-
- заболел и умер в Нью-Йорке, *изменено на* заболел и умер в Нью-Йорке
- Стр. 105
-
- разделение на две части *заменено на* разделение на две партии
- Стр. 107
-
- нанял опытного моряка для управления судном *заменено на* нанял квалифицированного моряка для управления судном
- Страница 170
-
- Карусал; и Новое Предприятие *заменено на* "Карусал" и "Нью Энтерпрайз"
- Страница 182
-
- берег для оказания такой помощи *изменен на* берег, чтобы оказать такую помощь
- Страница 183
-
- они угрожали мгновенным *изменением на* они угрожали мгновенно
- Страница 187
-
- устье великой реки Гаутемала *заменено на* устье великой реки Гватемалы
- Страница 192
-
- было населено очень свирепым племенем *изменено на* было населено очень свирепым племенем
- Стр. 201
-
- Мэри Рид и Энн Бонни *заменено на* Мэри Рид и Энн Бонни
- Стр. 204
-
- неделя на его содержание *заменена на* неделя на содержание
- Стр. 222
-

- Умереть бесславной смертью *заменено на*
умереть **бесславной** смертью
- Страница 242
-
- отразить нападение с земли *заменено на*
отразить **нападение** с суши
- Стр. 252
-
- выражая свое изумление, *заменено на*
выражающий его **удивление**
- Страница 315
-
- Крыша была мгновенно *заменена на*
Крыша была мгновенно
- Страница 358
-
- скупил их не на одну сотую, *а на*
купил их не на одну **сотую**